

УЛЯНА МИХАЛЬЦОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ганс
Норма
Ветка
Олаф
Грета

ОРТЕХ
1987

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К СЛОВУ

Ульяна Михальцова

Через тернии к слову

«Автор»

2026

Михальцова У.

Через тернии к слову / У. Михальцова — «Автор», 2026

Успешная писательница Миранда Васнецова попадает в творческий и жизненный кризис: издательство давно ждет рукопись нового романа, муж подал на развод и требует освободить квартиру, неугомонная подруга уговаривает написать для неё пьесу, оставивший семью брат после драки приходит пожить несколько дней у сестры, а с ними всеми ещё сосед-алкоголик, случайный знакомый с неуправляемой собакой, мучающая нравоучительными беседами сестра мужа – покоя нет, а книгу про калеку, живущего и преодолевающего многие трудности в средние века в Швеции, писать приходится. Оптимистичный роман в романе о жизненных развилках и тупиках.

© Михальцова У., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	21
Глава 3.	27
Глава 4.	35
Глава 5.	43
Глава 6.	55
Глава 7.	64
Глава 8.	72
Глава 9.	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ульяна Михальцова

Через тернии к слову

Глава 1.

Лето завершилось, неожиданно и громко захлопнув дверь и уступив место осени: крикливой, суевающейся праздничными первоклассниками, галстучными подростками и озадаченными выпускниками. На улице было еще по-летнему тепло, но всё вокруг переменялось: дети в школьной форме сыпались горошинами по дворам и улицам, отвлекая Миранду, мешая сосредоточиться и двигаться выбранным курсом. Это раньше ей писалось легко и всегда в радость, а сейчас издательство ждало от неё текст, сроки близились к своему окончанию, а печатная машинка молчала уже четвертые сутки.

Нет, Миранда не паниковала, не огорчалась, но понимала, что зашла в тупик, и в этом тупике очень интересно: обшарпанные кирпичные стены, окурки от плохих сигарет, ожидаемо скабрзные надписи на кирпичной кладке, воздух неожиданно тёплый и влажный – осень.

Раздался телефонный звонок. Миранда нехотя встала из-за стола, подошла к телефонному аппарату и сняла трубку. Трубка закричала на неё легко узнаваемым голосом.

– Васнецова, думаю, ты свой долг перед крупной формой прозы уже выполнила, пора выполнить долг перед драматургией. Мне срочно нужна пьеса! – заявила подруга Лена.

– Какая еще пьеса? Калымакина, ты о чем? – без неискреннего интереса спросила Миранда.

– Оригинальная! – выпалила Лена. – Пьеса, в которой есть роль, написанная исключительно для меня. Такая, с которой никто другой никогда не справится. Других персонажей можешь писать, как хочешь, но моя героиня должна быть главной и самой выразительной. Чтоб остальные персонажи на себя внимание не отвлекали. Чтобы только давали мне как следует проявиться. И много их не делай. Мне не нравится, когда на репетиции толпа, и всем и каждому нужно режиссерское внимание.

– Тебя снова с роли сняли? – со вздохом сочувствия спросила Миранда.

– Сняли, да, но это совершенно неважно! – чирикала Лена.

– Может, лучше просто пожалеешь мне, как это все обычные люди делают, и не будешь требовать невозможного? – призывала подругу высказаться Миранда.

– Значит, запоминай, – не поддалась Лена. – Я хочу быть испанкой. Роковой красавицей. В меня все влюблены, а я такая вся огненная, само непостоянство. Никаких шуточек. Всё драматично. И чтобы все плакали в конце, – инструктировала Лена.

– Это тебе в оперу нужно переходить. Там Бизе уже написал «Кармен», – сообщила Миранда.

– Ты меня еще в балет отправь, Васнецова! – возмутилась Лена. – Ты же знаешь – я драматическая актриса! Во, напиши для меня пьесу «Русская Кармен».

– Почему не «Советская»? – задумалась Миранда.

– «Советская Кармен» – это оксюморон, – заявила Лена. – Ты опозорить меня хочешь или помочь мне?

– Чем я могу тебе помочь, Калымакина, когда я пьесы писать не умею? – вопрошала Миранда.

– А ты пробовала? – не сдавалась Лена.

– Нет, – честно призналась Миранда.

– Тогда откуда ты знаешь, что не умеешь? – радовалась своей находчивости Лена.

– Догадываюсь, – вздохнула Миранда. – И не до пьес мне сейчас. Мне нужно роман новый срочно написать, а я уже несколько дней ни строчки из себя выдавить не могу.

– Почему? – искренне заинтересовалась Лена.

– Костик от меня ушёл, – призналась Миранда.

– К этой лярве из симфонического? – воскликнула Лена.

– Что у тебя за выражения, Калымакина?! – возмутилась Миранда.

– А что, уже и древнеримскую мифологию вспомнить нельзя?! – не согласилась Лена. – Лярва – она лярва и есть. Так к ней?

– Если ты имеешь в виду Фёдорову Свету, флейтистку, то нет. Костик уехал на дачу. На две недели. Потом у него гастролы. Двухмесячные, – пояснила Миранда.

– Кто тебе сказал, что лярвы не водятся на дачах и в гастролях? – не соглашалась Лена.

– Света – очень хорошая девушка, просто красивая, поэтому в неё все камни и летят, – отстаивала честь и доброе имя флейтистки Светы Миранда.

– Кто красивая? Фёдорова эта? Ты меня поражаешь, Васнецова! Ну да не о ней речь! Ты пьесу для меня когда напишешь? – держала свою линию Лена.

– Никогда, – вздохнув, ответила Миранда.

– Хочешь, я к твоему Павлову съезжу и домой его тебе верну? – сменила тактику Лена.

– Думаешь, мне это нужно? – попыталась обидеться Миранда.

– Не знаю, что там тебе нужно, а мне пьеса нужна! – выпалила Лена.

– Не знаю, есть ли в мире такое постоянство, как твоя центрированность на себе, Лена, – задумчиво произнесла Миранда.

– Васнецова, это что за набор слов сейчас был? Я ничего не поняла, – пожаловалась Лена.

– Знаешь, Калымакина, за прошедшие годы кто-то из нас всё-таки очень изменился. Пойду я, пожалуй. У меня уже печатная машинка кипит, – сказала Миранда и повесила трубку.

Она подошла к столу, села за печатную машинку. Буквы молчали.

Потом появились всполохи:

Грозное небо...

Мелкие камешки забиваются в протектор подошвы...

Струйка пота вдоль позвоночника, оседающая мокрым пятном на пояснице...

Молнии, на доли секунд освещающие ночной город до мельчайших деталей...

Грозное небо.

Миранда слепыми руками хватала воздух и не могла уцепиться за выступ, пальцы соскальзывали, грозя уронить вниз, туда, где нечеловеческой скоростью вода оmyвает острые камни.

Казалось, что прошло всего несколько минут.

В дверь позвонили. Миранда встала, прошла в прихожую, открыла дверь. В квартиру ворвалась Лена, на ходу разуваясь и пихая в руки Миранды какие-то бумажные пакеты с чем-то съедобным.

– Я поняла. Я не права. Я всё о себе да о себе, когда тебе так плохо. Давай ты мне пожалуешься на него, расскажешь всё, а потом мы с тобой выстроим канву пьесы, – оттараторила Лена.

– Не буду я тебе пьесу писать, Калымакина. И плюшки не помогут, – вручила она Лене её пакеты, но движением руки пригласила в кухню и поставила чайник на огонь.

– Я в такую жару чай не буду, – заявила Лена, выкладывая на стол содержимое пакетов: пряники, ароматно пахнущие плюшки, сдобные булочки и пирожки с капустой.

– Я буду чай, а ты сама будешь есть все свои подкупные мучные изделия, – пренебрежительно посмотрела на заваленный стол Миранда.

– Чего это? – удивилась Лена.

– А я на диете, – заявила Миранда.

– На какой такой диете? Тебе гастроэнтеролог запретил есть мучное? – обеспокоилась Лена. – Гастрит у тебя? Или язва?

– Мне редактор просто запретил есть, – уточнила Миранда. – Пока я роман не допишу. Он же не знает, что я его даже не начала еще.

– А нечего было так быстро романы писать! – пожурила Лена. – Вот теперь и выкручивайся. И роман, и пьесу пиши. Да твоим скоростям на Байконуре завидуют.

– Не подлизывайся. Говорю тебе, не пишется мне сейчас, – настаивала Миранда.

– Из-за Костика? – изобразила участие на лице Лена.

– Не знаю. Чего бы вдруг?! Может быть. Наверное. Хотя странно, – путалась Миранда.

– Почему странно? – удивилась Лена.

– Да я думала – уедет, я одна останусь, никто дергать меня, мешать не будет, смогу спокойно сесть и писать в своё удовольствие, как раньше. А всё наоборот вышло, – сыпала заварку в заварник Миранда, но промахнулась.

– Ты чай рассыпала, – кивнула на рассыпанные чайные листья Лена.

– Вот, рассеянная совсем, – стала собирать заварку со стола в ладонку Миранда. – Так и с текстом. Какие-то обрывки в голову приходят и тут же проходят мимо, будто мы незнакомы.

– Только не говори, что Павлов – твоя муза, – скривилась Лена.

– Костик – муза? – удивилась Миранда. – Это интересный взгляд на вещи.

– Ты этим взглядом на вещи не смотри. От такого взгляда зрение портится, – заерзала на стуле Лена.

– Правда? – усмехнулась Миранда. – Помнится, ты первая же по нему с ума сходила.

– Ну, так я сходила и вернулась, – напомнила Лена. – Это ты у нас в состоянии сумасшествия застряла. Вот, только одумалась, но почему-то переживаешь.

– Это не я одумалась, а он от меня ушёл, – напомнила Миранда.

– Лучше бы он к тебе никогда не приходил! Была бы сейчас с Лавровым, и было бы у тебя всё нормально. Он бы поддержал меня, и даже помог тебе пьесу написать, – заверила Лена.

– Лавров – пьесу? – усмехнулась Миранда. – Он же младший научный сотрудник! До сих пор. Ты что, забыла?

– Да я помню, что младший и что сотрудник, – отмахнулась Лена. – Зато он личность не творческая, а очень даже обычная, приземленная, прагматичная, домовитая личность. Вот как мой Феденька, – в голосе Лены появилась нежность. – Знаешь, кто эти плюшки испёк? Он! По давнему рецепту моей мамы. Я ему рецептик записала – он испёк. Велел тебя угостить. Он тоже считает, что ты должна пьесу для меня написать. Ему все твои романы очень понравились. Он считает, что ты справишься. Ты ведь лучше всех меня знаешь. Ты единственная моя настоящая подруга. Я только тебе и доверяю. Но это мы отвлеклись. Я хотела сказать, что в семье, где один из супругов творческий человек, второй обязательно должен быть обычным. Таким, который обеспечит тыл. Быт. За детьми присмотрит. За чистотой квартиры и одежды. Кто будет понимать и восхищаться. А ты же у нас не восхищающаяся! Ты же Павлова критическими замечаниями постоянно мучила. Ты же изверг, а не жена. А он не муж. Он музыкант. Две первые буквы в этих словах одинаковые, но на этом сходство заканчивается. Я вообще удивлена, что вы так долго вместе смогли прожить. И это без детей.

– И ты туда же? – разлила кипяток на стол Миранда.

– Ты опять в заварник не попала, – проявила наблюдательность Лена.

– Вот Костик всё время детей хотел, – вытирала разлитую воду Миранда. – Почему-то он думал, что рождение детей очень меня изменит. Почему-то он очень хотел, чтобы у наших детей родители были – отец музыкант, а мать бывший писатель. А я не хочу быть бывшим писателем!

– Ты противозачаточные принимала? Признайся! – перешла на заговорщицкий шепот Лена.

– Откуда у меня противозачаточные, Калымакина?! – возмутилась Миранда. – Само не получалось. Да и дома нужно чаще бывать, если ты детей хочешь, а не только по гастролям ездить, – снова пролила воду Миранда, но теперь уже потому, что налила больше, чем помещалось в чайник.

– Пролила, – прокрутила указательным пальцем в воздухе в направлении залитого стола Лена.

– Вот опять! – воскликнула Миранда, взяла полотенце и вытерла стол.

– Мы уже твою несложившуюся семейную жизнь обсудили? Давай пьесу обсуждать, – воодушевилась Лена.

– Калымакина, какую пьесу?! Чего ты пристала? Видишь, мне не до твоих пьес! – воскликнула Миранда и воинственно скрестила руки на груди.

– Во-первых, я уже давно не Калымакина, а Облонская... – начала Лена.

– Это ты на афишах Облонская, а по паспорту Яблонская, – напомнила Миранда.

– Пусть так, – легко согласилась Лена. – Во-вторых, мы сейчас будем говорить не о моих пьесах, а о твоей пьесе, первой, настоящей! Это же так важно! Так волнительно! Я даже вспотела!

– Это ты от духоты в комнате вспотела, – не шла на поводу у подруги Миранда.

– В-третьих, выйти на уровень драматургии, стать автором, чьи пьесы играют в театре – это же превзойти саму себя, это же показать свою универсальность и уникальность даже. Это же доказать Павлову, что он во всем не прав и вообще недооценил тебя. Это даже в-четвертых можно поставить! – радовалась своей классификации Лена.

– Я не хочу ничего доказывать Костику, – сопротивлялась Миранда.

– Хорошо. Ничего ему не доказывай. Просто так возьми и напиши, – инструктировала Лена. – «Русская Кармен», а? Как хорошо звучит. «Русская Кармен». Автор пьесы Миранда Васнецова! В главной роли Елена Облонская!!!

– Может, тебе моноспектакль написать? – с издевкой в голосе спросила Миранда.

– Моно – это зачем? – всполошилась Лена. – Нет, моно не надо. Пусть вокруг будут мужчины, которые будут сходить от меня с ума!

– От тебя или по тебе? – уточнила Миранда.

– А как обычно сходят?

– По-разному бывает.

– Вот пусть по-разному и сходят. Один так, другой эдак, – размечталась Лена.

– Бери Мериме и переделывай в пьесу, а мне некогда, – заявила Миранда, наливая чай в чашку.

– А мне? – обиженно моргая густо подведенными глазами, спросила Лена.

– Ты же отказалась чай пить, – напомнила Миранда.

– Я передумала, – улыбалась Лена.

– Я не удивляюсь, – тоже улыбнулась Миранда и налила Лене чай в другую чашку.

– Понимаешь, я не хочу как у Мериме, – начала капризничать Лена. – Мне хочется чего-то нового, свежего, неординарного. Русского чего-то.

– Ты же сказала, что хочешь быть роковой испанкой, – припомнила Миранда.

– Да, – подтвердила Лена. – Но при этом русской.

– Ты когда это себе придумала?

– Вчера.

– Поздно вечером?

– Да.

– Надеюсь, к вечеру у тебя это пройдет. Или к утру завтрашнему, – сама себя обнадежила Миранда.

– С чего бы?

– С того, что пьесу для тебя я писать не буду.

– «Не буду» да «Не буду»! Что ты заладила?! Тебе так приятно мне отказывать? Я думала – мы подруги, а ты ведешь себя так, будто я совершенно посторонний тебе человек! – кипятилась Лена.

– Калымакина, если ты себе придумала, что я что-то должна для тебя сделать, это еще не значит, что я тут же возьму и это сделаю. Пьесу написать – это не в магазин за хлебом сходить и не в аптеку за валокордином. Это не каждый может, – старалась оставаться спокойной Миранда.

– Так я же это прекрасно понимаю! Я же не к абы-кому обращаюсь, а к состоявшемуся писателю! – сияла Лена.

– Я прозаик, а не драматург, – напомнила Миранда.

– Зачем себя ограничивать?! – не сдавалась Лена.

– Речь идет не об ограничении, а о возможностях, – разъясняла Миранда. – Мало какой прозаик в состоянии написать хорошие стихи или хорошую пьесу. И наоборот. Поэт чаще всего не сможет написать роман. Драматург – поэму.

– Им просто нужно больше практиковаться, – стояла на своём Лена. – Пушкин вон писал и стихи, и поэмы, и романы, и пьесы.

– И сколько таких Пушкиных в литературе ты знаешь? – усмехнулась Миранда.

– Пушкин – он один, – шумно пила чай Лена в прикуску с пряником. – Ты плюшку попробуй.

– А сама чего не ешь?

– Да я дома их пять штук съела, – усмехнулась Лена.

– Фёдору Игнатьичу привет от меня передавай, – потеплела голосом Миранда.

– Обязательно, – жевала пряник Лена. – Как подумаю, что я могла вместо тебя за Павлова замуж выйти, так дрожь берет.

– Не хочу тебя обижать, но в отношении тебя у него таких планов не было.

– В отношении тебя тоже. Просто он понял, что иначе тебя завоевать не сможет, сбил Лаврова иномаркой и вместо него в ЗАГСе появился – олицетворение благородства. Напелл тебе с три короба, а ты, дурёха, и поверила. Лавров вон теперь благополучно и счастливо женат, двоих детей воспитывает, на стиральную машину вторую копит. Первая у них от частых стирок сломалась. У его младшего сына с кишечником какие-то проблемы. Он мне рассказывал. Жена замучилась вручную стирать. А к родителям бельё стирать далеко возить. Машины же у них нет. С его зарплатой и на стиралку копить нужно, но он рад такой жизни. Непритязательный человек. Хороший. Зря ты его на Павлова променяла.

– Так сложились обстоятельства, – вся сжалась Миранда. – Я себя потом долго ругала. Но Костик умеет быть обаятельным. Он меня просто лишил воли на несколько дней, а потом уже поздно было что-то менять. Пройденный путь заново не пройдёшь. С Колей нехорошо получилось. Но это не Костик его сбил. Костик с ним накануне поговорил, лишнего наговорил. Видимо, поэтому всё так и сложилось. А теперь вот распалось всё. Но мне всего тридцать пять. У меня еще вся жизнь впереди. О, надо же, я заговорила штампами!

– Ты вообще в последние годы стала очень странно разговаривать, – сморщила нос Лена. – Ты уже как нормальный человек говорить и не умеешь, мне кажется. Профессия тебя испортила. Сделала странной. Неудобной. Несговорчивой. Я вот уже целый час тут тебя уговариваю, а ты всё сопротивляешься и сопротивляешься. Должна бы уже устать и сдаться. Я ведь никуда не тороплюсь. Меня с роли сняли. Репетиции сегодня нет. Спектакля тоже. Я совершенно свободна. Феденька там без меня мальчиков со школы заберет и покормит. Он специально взял отпуск на первые недели сентября. Решил, что нужно детям повышенное внимание уделить. Сам решил, сам пусть и уделяет. А нам с тобой над пьесой работать нужно, правда?

– Пора тебе домой, Калымакина. К мужу и детям, – сказала, встав из-за стола, Миранда.

– Ты не можешь так со мной поступить, Васнецова, – прилипла к спинке стула Лена.

– Могу. Прожитые годы и известность дали мне уверенность в том, что сама я не пустое место, которое нужно кем-то и чем-то заполнить, а источник, засорять который не нужно, а то водицы испить станет невозможно. Пора тебе, Лена. А мне нужно работать. У меня сроки. Обязательства. Своя жизнь, – жестом руки пригласила Миранда Лену на выход.

– Видимо, ты переживаешь из-за Павлова намного больше, чем я могла себе представить, раз так себя ведешь со мною, – схватив и прижав к груди сумочку, сказала Лена, оставаясь сидеть на стуле. – Я не буду на тебя сейчас обижаться. Я всё понимаю. Я тоже женщина. Я актриса. Я могу понять состояние другого человека. Я даже сейчас смотрю на тебя и беру себе кое-что. На будущее. Для работы. Я тебя понимаю. И не обижаюсь. Ты приходи в себя. Восстанавливайся. А как станешь сама собой – звони: всё обсудим. Пьеса может и подождать. Два-три дня ничего не решают. Я, может, сама биографию героини пока проработаю и потом тебе всё-всё расскажу, – встала наконец-то со стула Лена, подошла к Миранде, неожиданно обняла её, потом заправила ей волосы за уши. – Ты моя умница! Поправляйся! Вкусности все я тебе оставляю! Благодарность за плюшки Феденьке передам. Ухожу-ухожу. Не провожай меня.

И двинулась к выходу. Миранда последовала за ней. Молча открыла ей двери. Молча закрыла их за Леной. Вернулась к печатной машинке.

«Грозовое небо полыхало молниями и рвало небосвод на крупные куски затёртой ткани. Под ногами Ганса чавкала грязь. Вот-вот должен был начаться дождь. Об этом кричал срывающийся с головы картуз и толкающий в спину ветер. Несколько крупных холодных капель упали за воротник. Ганс продолжал идти. Не мог остановиться. Не мог обернуться назад.

За спиной полыхал город. Его уже нельзя спасти. Можно спасти только себя.

Грозовое небо осуждало и грозило отмстить. Ганс ему верил, и потому спешил ещё больше.»

Зазвонил телефон. Миранда вздохнула. Решила не отвечать. Попыталась дальше прислушаться к внутреннему голосу, диктующему строчки, но звонок телефона перебивал и требовал. Миранда встала, подошла к телефону, сняла трубку.

– Алло, – несколько раздраженно произнесла Миранда.

– Алло! Тётя Мира, здравствуйте. Это Лёша. У меня проблемы. Мне нужна ваша помощь, – Миранда узнала в говорящем одиннадцатилетнего двоюродного племянника Лёшу.

– Привет, малой. Что случилось? – спросила Миранда, не удивляющаяся звонку племянника и уже привыкшая к тому, что он постоянно попадает в какие-то переделки.

– Я ушёл из дома, – прыгая по высоте звука, ответил Лёша.

– Куда ушёл? – опешила Миранда.

– Куда – еще не знаю. Из дома. Это важно. У меня завтра день рождения. Я решил быть самостоятельным. Что они меня шпыняют постоянно, как маленького?! Воспитывают без конца. Надоело. Я решил уйти. Но под мостом ночевать я не хочу. Вдруг убьют или милиция пристанет. Я лучше к тебе приеду. У тебя диван нормальный, удобный. Ты свой человек. Ты меня не выдашь. И Костик твой мировой мужик, всё понимает. Даже за сломанный смычок меня не убил. Я ему доверяю, – рассудительно ошарашивал Миранду Лёша.

– Доверяешь, значит, – тянула время Миранда, размышляя о том, как лучше поступить.

– Да. Ты же дома. Тут автобус с вокзала через час отходит. Значит, через полтора часа я буду у тебя. Никуда не уходи. Купи колбасы докторской и хлеба. Я люблю бутерброды с колбасой. И маме ни гугу. Иначе ты мне станешь злейший враг. Поняла? – требовательно вопрошал Лёша.

– Ты не оборзел ли, малой? – хмыкнула Миранда.

– Я ж говорю – ты свой человек, – усмехнулся на это Лёша. – Ладно. Жди меня. Хорошо, что ты у меня есть, – сказал Лёша и положил трубку.

Миранда стояла у телефона, прижав верхнюю часть трубки к губам и уставившись на пятно на обоях. Потом набрала номер телефона. Услышала короткие гудки. Пришлось минут пятнадцать настойчиво набирать номер, прежде чем услышала тревожный голос двоюродной сестры.

– А, Мирандочка, это ты. Извини, не могу сейчас говорить. Лёшка пропал. Мы его везде ищем. Я тебе потом позвоню. Прости, пожалуйста. Мне еще в две больницы позвонить нужно. Мы Лёшу потеряли! – на одном дыхании произнесла сестра и почти положила трубку.

– Вероника! – требовательно и строго произнесла Миранда в трубку.

– Что? – ответил ей растерянный голос сестры.

– Вы его нашли, – твёрдо сказала Миранда. – Лёша мне звонил. Он едет ко мне. Ты сейчас успокойся, выдохни, ничего не предпринимай. Я ему обещала тебе его не выдавать. Он сказал, что доверяет мне. Я его доверие обмануть не могу, но и тебя понимаю. Хотя я сама и не мать, но представляю, что бы с нами творилось, если бы Витка в его возрасте вдруг пропал. Мальчики – это особый вид хомо сапиенс. Нам, женщинам, их не понять. Остаётся принять и любить. Выдыхай – мальчик твой жив и здоров. Приедет, я его спрошу, выясню, что и как, почему и зачем. Потом решим, что делать. Сейчас расскажи мне, что случилось.

– Ой, Мирандочка! Я сейчас приеду, – даже сквозь трубку ощутила слезы заплаканной Вероники Миранда.

– Нет! – твёрдо ответила Миранда сестре. – Сейчас ты останешься дома, всё мне расскажешь и дождешься моего звонка. Ничего не предпринимая. Так лучше. Поверь мне. Рассказывай.

– Мы перевели его в гимназию. Он же умный. Невероятно умный. С четырех лет в шахматы играет, с шести всех обыгрывает. Мы с большим трудом устроили его в этот физико-математический класс. Толик все связи поднял, даже взятку пришлось дать. Только ты не говори об этом никому. Словом, устроили. В первый день пошёл – всё хорошо. На второй возвращается домой с фингалом. Но это же Лёшка! Он всегда весь в синяках, дерется постоянно. Читает книжки и дерется, дерется и книжки читает. Когда конструированием успевает заниматься, я не представляю. Уже пять моделей самолёта собрал. Уникальный ребенок. Дашка постоянно обижается, говорит, что мы его больше любим, а с ним просто хлопот больше. Мы уже привыкли к этому. И на фингал этот внимания не обратили. А вчера пришёл домой в порванной рубашке. Сказал, что за гвоздь зацепился. И ссадина от этого. А потом заявил, что в гимназию больше ходить не будет. Что в свою школу возвращается. И плевать ему на все наши старания. Мы на него надавили. Рассказали, что его ждёт, если он послушается. Он сегодня собрался в школу, взял портфель, вышел из дома, зашел за поворот и всё. Мы думали, что он учится, а после обеда звоню я домой, узнать, разогрели ли они себе кушать, и Даша говорит, что она давно дома, а Лёшки нет. Час, другой – он так и не объявлялся. Я отпросилась с работы, прибежала в гимназию. С трудом нашла завуча, позвонили классному руководителю, выяснили, что Лёша на уроки не приходил. Я вспомнила про фингал и порванную рубашку. Учительница ничего про это не знала. Позвонили старосте, тот ничего толком сказать не мог. Мялся и уходил от ответа. Обещали, что завтра во всём разберутся. Мы стали искать Лёшку везде – глухо. И вот ты позвонила.

– Значит, что-то в школе, – заключила Миранда.

– В гимназии, – уточнила Вероника.

– Это хорошо, – не обратила внимания на её слова Миранда.

– Вот, я тоже говорю, что в гимназии – это хорошо, это лучше, чем учиться в обычной школе! – воскликнула Вероника. – А драки – они везде бывают.

– Нет, я хотела сказать: хорошо, что проблема не в семье, а в школе. Но почему он решил из дома уйти? – рассуждала Миранда.

– Толик ему вчера сказал, что, пока он в родительском доме живет, пока мы его содержим, кормим и одеваем, он будет делать так, как ему говорим мы. Что-то вроде этого.

– Понятно. И ты не спорила?

– Он отец. Мужчина. Чего мне влезать? Все и так считают, что это я его разбаловала. Что недостаточно строгой с ним всегда была. Но куда с ним строже? И так постоянно ругаем. С каждым годом с ним всё сложнее и сложнее. А тут еще переходный возраст!

– Вроде рано еще для переходного возраста. Сколько ему завтра исполняется? Одиннадцать?

– Двенадцать.

– Всё равно рано. У мальчиков всё позже.

– У этого мальчика всё раньше. Он и прежде сговорчивым не был. Всегда себе на уме. Всегда спорит, в переделки попадает. Я уже и не жалею на него, ты же знаешь. Я привыкла. И он же умный ужасно. Я даже разговаривать с ним боюсь. Он такие темы обсуждает! Про расширение и сжатие вселенной мне недавно говорил и вздыхал: «Ты, мама, совсем не можешь поддержать научную беседу», – усмехнулась Вероника. – «За грязную рубашку меня отчитываешь, а о вселенной поговорить не можешь».

– Зато ты эти грязные рубашки ему стираешь, – заметила Миранда.

– Вот именно! Но я не нашлась, что ему ответить.

– Хорошо. Я всё поняла. Иди дочке внимание удели, похвали за то, что она у тебя совсем другая, но тоже талантливая очень. Я недавно была на выставке, на которую её работы взяли, так мне очень понравилось. Особенно подсолнухи. Некоторое подражание Ван Гогу ощущается, но это неплохо. Пусть дальше себя ищет. Она у вас умница. Я по ней очень соскучилась.

– Спасибо, Миранда. Ты всегда умеешь поддержать и слова нужные найти. Про Ван Гога я передам.

– Про подражание Ван Гогу не надо, – усмехнулась Миранда. – Просто похвали её, скажи, что вы ею гордитесь. И что любите.

– Нет, мы такое не говорим, – засмушалась Вероника.

– Иногда нужно, – твёрдо сказала Миранда. – Я в одной статье научной читала: психологи доказали, что ребенку очень важно знать, чувствовать и слышать, что родители его любят. Практикуйтесь на Дашке – вам еще с Лёшкой разговаривать предстоит. Я буду ему объяснять, что вы его любите и заботитесь о нём. Так что в этом мы с вами должны совпасть.

– Хорошо. Я постараюсь, – неуверенно сказала Вероника.

– Тогда жди моего звонка и не беспокойся больше. Позвони классной и скажи, что Лёша сейчас в отъезде и завтра в школу не придет. А я пока поработаю – до его приезда. Пока. Толику и Дашке привет передавай.

– Конечно.

Положив трубку, Миранда несколько минут внимательно осматривала комнату, решая, наводить порядок или нет. Потом всё же убрала несколько вещей в шкаф, поправила покрывало на диване, сменила полотенца в ванной комнате и на кухне. Вернулась за печатную машинку.

«Грозное небо осуждало и грозило отомстить. Ганс ему верил, и потому спешил ещё больше. Споткнулся. Упал. Липкая грязь сделала влажной одежду и грязными руки и ноги. Несколько капель мутной жижи пыркнули в лицо, попали в глаза. Тыльной стороной ладони Ганс попытался протереть глаз, размазал грязь по лицу, проморгался, встал и пошёл дальше, ступая осторожно, чтобы не поскользнуться снова. Гром прогремел над самой головой. Молния осветила кривую дорогу и растущие вдоль неё кусты до мельчайших подробностей. Ганс успел разглядеть большую канаву в шагах двадцати впереди. Мысленно поблагодарил небо.

Гром прогремел еще громче и словно не только снаружи, но и внутри самого Ганса. От испуга ноги Ганса подкосились, и он снова чуть не упал. Увидел у обочины большую кривую палку, поднял её и превратил в посох. Идти стало легче. Канаву обошёл, опираясь на остатки кривого, но крепкого дерева в руках.

Несколько крупных капель, упавших с неба, притворились слезами на щеках Ганса. Он постарался ускорить шаг. Но тем самым лишь приблизил себя к дождю. Вошел в его усиливающийся поток и был поглощён. Одежда промокла насквозь. Дерево в руках скользило. Вода застилала глаза. Ганс успел подумать о том, что всё усиливающийся дождь может спасти город от тотального выгорания, ощутил, как нога при очередном шаге куда-то проваливается, и полетел вниз.

Проснулся. Мокрый от пота. Ощутил жар в теле. Вернее, в верхней его части. Ниже поясницы ощущений не было. Привстал на локтях, перевернул подушку, лёг на сухую сторону. Закрыв глаза. Стал глубоко дышать.

Снова этот сон. Сколько можно? Ему сломали позвоночник, когда он вышел на площадь, возмущенный завышенными налогами и тем, что духовенство и дворянство избрало королём не того человека. На площади было много не желающих принимать предложенный порядок вещей. Они кричали, чувствовали себя смелыми и сделавшими правильный шаг, придя сюда, на площадь. Сотня всадников окружила протестующих и, вооружившись дубинками, сжимала кольцо. Кому-то выбили зубы, кому-то – глаз, Гансу не повезло больше всех: он споткнулся, упал, по нему топтались люди, а в довершение prošлась лошадь. С седоком. Ганс ощутил, что его ноги больше ему не принадлежат. И жизнь тоже. Два дня он валялся в подвале тюремной башни. Потом его просто выбросили на улицу. Ночью. Провонявшего собственной мочой и испражнениями. Голодного и кашляющего кровью. От множества ног и пары копыт, прошедших по нему, оказалось пробитым лёгкое. Ганс терял сознание, приходил в себя, снова терялся в забыты. Очнувшись на траве, а не на камнях мостовой, почти не удивился, решив, что уже умер. Но нет. Это был не рай, но и не ад. Пришло время чистилища. Чьи-то немилосердные руки терзали и мучили его на протяжении нескольких дней или недель. Ганс был не в состоянии отслеживать время. Ему казалось, что он попал в замедленную вечность, где каждая секунда – это горение неугасимого огня. Но однажды огонь стал ослабевать, а силы приходят едва ощутимыми мурашками по всему телу. Вернее, по его верхней части. Эта дрожь сначала пугала Ганса, а потом стала приятна и даже принесла на мурашых лапках крохи надежды.

Жизнь ему спасли. Зачем – непонятно. Но спасли – нужно быть благодарным.

Было ужасно стыдно. Спасителями оказались древняя старуха и её совсем ещё девочка-приёмщи. Они-то и колдовали над Гансом бесконечную вечность дней. Он так и не узнал, сколько дней прошло. Он потерял память. Помнил только свои муки. Потом руки. Совсем юные и невообразимо старые. Они чередовались. Потом появились лица. Оба – некрасивые. Но всё равно было стыдно. Он взрослый мужчина, а ходит под себя. Ничего не может поделать. Не отвечает за это. Поэтому и словами не отвечал. Только мычал.

Ыыыыы – нет.

Ууууу – да.»

– Это не возьмут в печать, – вырвала лист из объятий печатной машинки и скомкала в ладонях Миранда, бросила его в мусорное ведро под столом. – Опять всё начинать сначала. Сколько можно? Почему не получается?

И в то же время ей было очень интересно, что же стало с этим Гансом, чем продолжилась его история. Он же пришёл к ней её рассказать. Вот такой – грязный, вонючий, увечный, мычащий – пришёл. А у неё сроки. От неё редактор ждёт понятного, легкого, оптимистичного полотна, который будет охотно продаваться и покупаться. А к ней приходят вот такие Гансы. И Лёшка скоро приедет. Придется делать вид, что она не в курсе его проблем. Или лучше сразу

дать ему понять, что она уже переговорила с Вероникой, что она знает контекст и теперь готова ему помочь – как друг, но и как взрослый? Но что там с этим Гансом?

Миранда очень не любила бросать персонажей. Но за годы у неё накопилось уже несколько незаконченных историй. В какой-то момент они начинали ей сниться. Какие-то приходили и сидели у изголовья. Так она называла левый верхний угол периферийного зрения, где маячили не прописанные персонажи. Сидели в рядок и ждали, когда смогут рассказать ей полностью свои истории. Иногда Миранда чувствовала себя сумасшедшей. И сейчас немного тоже. Но достала смятый лист из мусорного ведра, разгладила его, положила к остальным. Подписала размашисто – «Ганс».

Два года назад прочитала в какой-то критической статье: «Как она может писать от лица мужчины или о мужчине, если сама она женщина? Это самомнение сыграло плохую шутку с автором и поставило крест на возможности воспринимать всерьез её тексты». А Миранда не знала, как объяснить критику, что персонажи-мужчины сами приходят к ней и рассказывают свои истории. Так, как рассказывают. А она лишь проводник. Переписчик. Интерпретатор. Дешифровальщик.

Костик тоже в какой-то момент стал ревновать Миранду к её героям-мужчинам.

– Так вот, какой мужчина тебе нужен? С ним тебе интересно. Про него ты пишешь целую книгу, а про меня совсем забыла. Ты даже не знаешь, из какого города я приехал! – восклицал возмущенный погруженностью Миранды в роман и рассеянностью в её взгляде Костя.

А Миранде, действительно, приходилось словно выходить из очень плотного тумана, улавливая лишь отголоски слов, почти наощупь находить мужа и чуть ли не автоматически физически взаимодействовать с ним – думая совсем о другом. Когда она писала, то уходила вся в тот мир, в ту реальность, могла не отвечать на телефонные звонки, несколько раз просто выдергивала телефонный шнур из розетки, пока однажды не приехала всполошенная мама и не устроила ей скандал, рассказав о том, как чуть не поседела, беспокоясь за Миранду и надумав себе сотню страшных вариантов. Миранда тогда пообещала, что телефон отключать не будет, игнорировать звонки тоже, а в случае крайней занятости будет произносить фразу-пароль: «Всё хорошо. Я в романе. Выйду – перезвоню». Приходилось отвечать на телефонные звонки, а про пароль знали не все. Поэтому Миранда научилась говорить резко и кратко. Даже с Костику. Даже если он был за границей на гастролях. Да, она очень изменилась за эти годы. Да, писательство сделала её другим человеком. Да, женился он совсем на другой девушке.

– Но этой девушки больше нет, – сообщала Миранда со всей холодностью. – И в этом есть твоя вина, – напоминала она Костику, вспоминая их свадьбу и обескураженные лица гостей, узнавших, что жениха зовут иначе.

– Коля на регистрацию в ЗАГС не пришел. Я вышла за другого, – только и смогла сказать Миранда родителям Коли.

А после не могла смотреть им в глаза, узнав, что Коля в этот момент находился в тяжелом состоянии в больнице – после того, как его сбил автомобиль. Как получилось так, что никого из близких не оказалось рядом и никто не сообщил о случившемся Миранде, так и осталось загадкой, разгадывать которую было поздно. Костик увез Миранду с собой в Прагу – на гастроли, превратив эту поездку в свадебную и позволив Миранде в полной мере ощутить всё то, чего она в глубине своего тела хотела, но боялась. Участвовала ли в этих желаниях душа, Миранда не знала. Она не очень задумывалась о душе в тот момент. Тело тогда говорило громче.

Ганс снова шел по кривой и грязной дороге навстречу ливню, оставляя позади горящий город.

«Постепенно лёгкое зажило, и Ганс перестал проживать дни в горячечном бреду. Познакомился со своими спасительницами. Старуху звали Нормой, девочку – Веткой. Это странное имя дала ей старуха.

– Она лежала под деревом. В каких-то лохмотьях. Мне издали показалось, что это обломанная ветка дерева. Не показалось. Ветка и есть. Обломанная, – рассказывала Норма, не стесняясь присутствия девочки.

Той было лет десять. Действительно, какая-то перекошенная. С отталкивающими чертами лица. Но с умными внимательными и добрыми глазами. Она словно не умела радоваться. Была послушна и исполнительна. Единственное слово, которое Ганс от неё слышал за всё это время, было слово «хорошо». На все распоряжения Нормы она кивала головой и говорила: «Хорошо».

Первое, что Ганс сделал, ощутив, что силы и сознание к нему полностью вернулись, так это запретил женищинам переодевать его и мыть. Сам менял на себе тряпки, сам обтирался смоченным в теплой и мыльной воде полотенцем. Сам стирал в тазу своё грязное бельё. Каждый день растирал ноги. Сгибал и разгибал суставы, массировал пальцы. Было очень трудно, но не стыдно.

Хотелось вспомнить свою жизнь – до. И в то же время было очень страшно. Ночами какими-то всполохами приходили воспоминания.

Молодая женищина с распущенными пшеничного цвета мягкими волосами – смотрит ласково и улыбается Гансу.

Жар кузницы. Наковальни. Ганс смотрел на свои сильные руки и понимал, что они знали тяжёлую работу.

Глиняный кувшин с молоком. Налитый до краёв. С воздушной пенкой. Запах парного молока. И клевера запах.

Сейчас в избушке Нормы пахло только хвоей. Горько, настойчиво. Чтобы перебить запах мочи и испражнений.

На улице была поздняя осень. Холодно. Да и выбраться наружу не представлялось возможным.

– Как вы затащили меня сюда? – спрашивал он у Нормы. – Я ведь тяжёлый, а вы две хрупкие женищины.

Ветка хмыкнула на слово «женищины».

– Нашлись парни, которые перенесли тебя ко мне. Предлагали сразу в лес отнести и могилу выкопать, но я решила за тебя побороться, – рассказывала Норма своим шелестящим голосом.

– Зачем?

– Ты дышал. Пока человек дышит, душа его уходит не готова.

– Дышал? При пробитом легком?

– Велика была твоя воля к жизни.

– Меня просто не добились. Надо было дать мне умереть.

– Каждый несёт свой крест сам. Смирено. И ты носи. Не ропщи. Бог послал меня той дорогой, чтобы я тебе помогла. Я не ропщу. Живу с тобой под одной крышей. Дышу с тобой одним воздухом этих комнат. И не ропщу.

– Мне нужны два больших колеса, два маленьких, дерево, зубило и молоток.

– Ветка, запомнила? – обратилась старуха к стоящей неподалеку девочке.

– Хорошо, – кивнула Ветка.»

Раньше Миранде хватило бы нескольких минут, чтобы написать эту страницу текста, но сейчас слова путались между собой, задевали друг друга, толкались локтями и норовили спрыгнуть с лестницы, разбежаться, пропасть. Миранда усилием воли держала их, будто на привязи, тонкими нитями и сажала каждое на своё место. Но они сопротивлялись, настаивали на том, что не хотят сидеть здесь и вместе, словно они школьники в первые учебные дни, когда учитель рассаживает их за парты.

Когда в дверь позвонили, Миранда даже обрадовалась возможности выйти из шумного класса в коридор, оставить упрямых школьников, дать им пошуметь, устать и успокоиться.

– Привет, малой. Не разуйся. Вот тебе деньги. Сходи в магазин, тут рядом. Купи себе колбасы, хлеба. Молока купи. У меня, кроме сладостей к чаю, ничего нет, – сказала Миранда, протянув Лёше деньги.

– А чего ты сама не сходила? – поставив портфель на пол в прихожей, удивился Лёша.

– Я работаю. Пока сходишь, мысль закончу и буду вся твоя.

– Это сейчас так гостей встречают? – бурчал Лёша.

– Ты не гость. Ты свой человек. Сам же говорил. Всё, иди. Я тебя жду. Чайник поставлю.

Макароны сварю. Макарон будешь? С колбасой своей?

– Буду. Почему чайник, а не кастрюлю с водой?

– Чайник у меня со свистком – узнаю, когда закипит. Я же работать буду.

– Понятно. Писатель в деле. А на мороженое тут хватит?

– Ты же взрослый и самостоятельный. Зачем тебе мороженое?

– У меня завтра день рождения.

– Так то завтра!

– А сегодня я из дома ушел!

– И я должна поощрять это мороженым?

– Ну, тёть Мир, – заныл Лёша, мигом превратившись в простого ребенка.

– Если хватит, купи себе «Пломбир». И мне тоже. Нет, не так. Если хватит на два «Пломбира», то купи. Если нет – то се ля ви. Во взрослом мире всё поровну, а не детям мороженое, взрослому дырка от бублика. Вот тебе авоська. Иди уже. Ты меня с мысли сбиваешь, – сказала Миранда и буквально вытолкала Лёшу за дверь.

Прошла в кухню, налила в чайник воды, поставила на огонь газовой плиты. Вернулась в комнату к печатной машинке.

«Через несколько дней Ветка приволокла в дом два больших колеса. Вернее, одно волокла она, а второе – грязного вида мальчишка чуть старше самой Ветки.

– Это Свенд, – представила друга Ветка, нарушив границы своего привычного лексикона.

Вручила мальчику краюху хлеба, клюнула в грязную щёку, выдавая это прикосновение за поцелуй, и помахала рукой, давая понять, что ему пора.

– Твой друг? – кивнул Ганс в сторону удаляющегося мальчика.

– Хорошо, – кивнула Ветка, выгребая угли из печки.

– Со мной можешь говорить нормально, – попытался улыбнуться краем рта Ганс.

– Хорошо, – снова безучастно кивнула Ветка.

– Тебе нравится здесь жить? – Гансу почему-то очень захотелось разговорить эту девочку, пока Норма где-то запропастилась.

Ветка перестала выгребать угли, задумалась о чём-то, посмотрела в окно на тропинку, по которой ушёл Свенд, и сказала, не глядя на Ганса:

– Мне нравится жить, – и снова занялась углями.

– А мне почему-то не очень, – не мог скрыть отвращения к самому себе Ганс.

Ветка внимательно посмотрела на него.

– Это пройдёт.

– Это – не пройдёт, – сказал Ганс, указав на свои ноги, и страдальчески улыбнулся.

Ветка подошла к нему, пристально глядя на его искривившийся рот.

– Ты умеешь улыбаться. Научи меня, – неожиданно попросила Ветка.

– Научить тебя улыбаться? – сменив гримасу улыбки на гримасу настороженности, спросил Ганс.

– Да, – растягивая уголки рта в стороны пальцами, сказала Ветка. – Как ты это делаешь?

– Я не знаю. Оно само. Вот так, – и Ганс снова криво улыбнулся лишь одной стороной рта.

Вторая сторона категорично устремлялась вниз.

– Этой стороной ты улыбаешься, а этой плачешь, – тыкнула пальцем в лицо Ганса Ветка.

– Так было не всегда, – тихо сказал Ганс и ощутил, как в глазах защипало.

Он проморгался, вытер кулаком глаза.

Дверь стукнула. В избушку вернулась Норма с корзиной грязного белья. Значит, женщинам предстоит стирка. Платят за неё немного, но хоть что-то платят. Норма что-то говорила девочке, а Ветка лишь кивала и повторяла: «Хорошо. Хорошо».

Ганс откинулся на подушку, закрыл глаза, постарался глубоко не дышать. Пытался почувствовать, нравится ли ему жить.»

Миранда встала из-за стола, прошла на кухню. Чайник как раз закипал. Она перелила воду в кастрюлю, оставила её на огне, дождалась кипения, всыпала соль, налила немного подсолнечного масла, высыпала твёрдые рожки из картонной пачки. Перемешала. Подождала, когда вода снова закипит, сделал маленький огонь, прикрыла кастрюлю крышкой. Засекла время по часам на кухне.

Вернулась в комнату, достала из печатной машинки лист, сложила с другими, перечитала напечатанное. Сразу внесла несколько правок. Прошла на кухню, перемешала макароны. Приготовила дуршлаг. В дверь позвонили. Миранда выключила огонь под кастрюлей и прошла в прихожую.

– Всё купил? – спросила она у вошедшего Лёши.

– Нет, на два «Пломбира» не хватило. Я купил кулёк ирисок, – ответил Лёша, разуваясь, отдав авоську с продуктами Миранде.

– Молодец! – похвалила Миранда. – А что это у тебя? – взяла она Лёшу за подбородок и повернула к себе пострадавшей стороной.

– Бандитская пуля, – отмахнулся Лёша.

– Опять подрался? Красивый фингал. Тебе идёт.

– Ты так считаешь?

– Конечно.

– То есть это был комплимент?

– Да. Шрамы вообще украшают мужчину.

– Ты самая странная тётя.

– Это комплимент?

– Безусловно. Обычный человек не способен понять другого, особенно в критической ситуации. Вся надежда на странных.

– Ты в кого такой умный?

– Может, в тебя?

– Маловероятно.

– Почему?

– Маловероятно, что меня можно назвать умной.

– Но ты же столько книжек написала!

– Так я же не по ядерной физике книжки написала, а так, романы. Сейчас я тебя огорчу банальностью: мой руки и проходи на кухню. Макароны почти готовы.

– Это хорошо. Я ужасно голодный, – сказал Лёша уже из ванной комнаты.

– Сначала поедим, потом поговорим или будем есть и разговаривать? – спросила она вошедшего в кухню племянника, отбросив макароны на дуршлаг и ополоснув их оставшейся водой из чайника.

– Говорят, что есть с набитым ртом – некультурно, но не в тишине же ложками стучать, – взялся нарезать колбасу Лёша.

– То есть ты готов обсудить сложившуюся ситуацию? – уточнила Миранда.

– Вполне. Если ты меня воспитывать не будешь, – согласился Лёша.

– Такая глупость мне бы никогда в голову не пришла. Если уж у твоих родителей с этим ничего не вышло, то мне и браться не стоит.

– Разумно! – улыбнулся во все имеющиеся зубы Лёша.

– Ты ведь уже в детстве был персонажем греческой мифологии: исчадием ада.

– Нет в греческой мифологии такого персонажа, – возразил Лёша.

– Исчадие ада – есть! Некоторые считают, что в романе Толстого «Война и мир» природа – это отдельный герой. Да, он нигде не назван конкретным персонажем, но он, или вернее, она, природа, всё равно есть. Вот так и с тобой.

– Только не начинай мне рассказывать, каким ужасным я был ребенком. Я все эти истории знаю. Сто раз уже слышал. Кое-что и сам помню. И сейчас понимаю, что это просто была такая познавательная активность.

– Ты где таких сложных слов понабрался?

– А меня к психиатру водили или к этому, нервному врачу. Я точно не запомнил. Он сказал, что я нормальный, только слишком стремлюсь исследовать этот мир. На прочность, кажется, или на точность.

– На ударостойкость, – подтвердила Миранда. – Я, как часть этого мира, не всегда эти испытания проходила успешно.

– И не только ты, – улыбнулся Лёша.

– Ладно. Однажды ты вырастешь, и будем мы все твои проказы вспоминать с улыбкой. А сейчас рассказывай. Что у тебя произошло? – спросила Миранда, разделив сварившиеся макароны на две порции.

– Идейные разногласия у меня с одноклассниками, – глядя на макароны и облизывая губы, ответил Лёша, уже держа на вилке отрезанный кусок «Докторской» колбасы.

– А из дома зачем уходить? – поставила в раковину и залила водой кастрюлю Миранда.

– Я родителям прямо сказал, что учиться в этой гимназии не хочу. Меня же в гимназию перевели. Весь город на уши поставили для этого. Кого-то там подкупили, а я, неблагодарный такой, как сказал папа, плюю на их старания. А я не плюю. Я на занятия хожу учиться, а не отстаивать своё место под солнцем. Все говорят, что я умный. Родители без конца твердят об этом, а собственному умному ребенку не доверяют. Да зачем мне эта гимназия, если там такие отморозки учатся?! – перестал есть и активно жестикулировал Лёша.

– Ты родителям сказал об этом? Про отморозков и идейные разногласия? – внимательно смотрела на Лёшу и тщательно жевала пищу Миранда.

– Нет, они только себя слушали и слышали. Только о своих стараниях думали. Всё про моё будущее говорили. А какое будущее без настоящего? Вот пусть посидят без меня, подумают. Вспомнят, что я уже не просто ребенок, а человек. И мнение своё у меня есть, – вернулся к поглощению макарон Лёша.

– То есть ты их таким образом наказал?

– Нет, я отошел на расстояние. Я отстаиваю свои позиции. Моя позиция такая: я всё равно в эту гимназию ходить не буду. Нравится им это или нет. Может, мне бы там и понравилось, если бы мне дали просто учиться. Но мне не дали. Тогда зачем я там?

– Действительно, – поддержала Миранда.

– Да, предметы интересные. Программа расширенная. Учителя прекрасные. Физик наш вообще бомба. На Эйнштейна похож – внешне. Я сразу загорелся, только от первого урока с ним. Но одноклассники – это же стадо, в котором слишком много быков, и у каждого наточенные рога чешутся. Каждый день отбиваться от них? Денег у родителей моих нет, должностей

тоже. Меня в эту школу, то есть гимназию, взяли только за мой ум. Ну и взятку. На этом далеко не уедешь, когда рядом такие.

– Нужно родителям об этом рассказать, – спокойно сказала Миранда.

– Станут ли слушать? – засомневался Лёша.

– Давай я расскажу. Меня послушают, – предложила Миранда.

– Это хорошее предложение. Ты взрослая. Книги пишешь. Они к тебе прислушаются. Но тогда получится, что сам я ничего им не доказал. Сам не объяснил. А я хочу сам. Хочу, чтобы они научились меня слушать, а не только себя и других взрослых. Я тоже уже взрослый.

– Пока нет. Получишь паспорт – тогда посмотрим.

– Я и без паспорта взрослый. Тот, кто сам может за себя отвечать, а не только разрешения на всё у родителей спрашивать, тот и взрослый.

– А ты представляешь себе, что сейчас с твоими родителями творится?

– Жалеют, небось, обо всём, что мне вчера сказали. Раскаиваются, – предположила Лёша.

– Нет, они страшно переживают, не находят себе места, пьют сердечные капли и стареют от таких переживаний.

– Чего это стареют?

– А ты слышал, что нервные клетки не восстанавливаются? Что человек, переживший горе, седеет. Видел, как у матерей, потерявших детей на войне, меняется лицо? Становится угрюмым и старым. Почему ты думаешь, что у тебя, такого умного и независимого, родители другие и переживать, потеряв сына, не будут.

– Но они же меня не до конца потеряли. Я же здесь, у тебя на кухне колбасу ем.

– А им откуда это знать? Они тебя ищут и не находят. Ты их своим побегом медленно убиваешь. Они о своих словах сожалеть не успевают. Им сейчас главное – тебя найти.

– Можно я позвоню? – по-детски тряс подбородком, но стараясь сдержать выступившие слезы, спросил Лёша.

– Давно пора. Телефон в прихожей, – ответила Миранда.

Лёша выбрался из-за стола и, ссутулившись, прошёл в прихожую. Оттуда доносился его еще детский голос.

– Алло, мам? Это я. Да не волнуйся ты так! Я у тёти Миры. Да, приехал навестить. Почему вру? Я не вру! Нет, не был! И больше туда не пойду. Да, обижают. Вернее, не так. Они отморозки. Они сказали, что вы с папой ходите только на то, чтобы обувь им чистить. И что я такой же. Хотели, чтобы я своим носовым платком чистил их ботинки. А я одному брюки порвал. Сорвать с него брюки хотел, но ремень на нём крепкий оказался. Я только колошину порвал. А они меня бить начали. Я вырывался, рубашку порвал, но убежал. Жаловаться никому не стал. Я не стукач. И вам бы ни слова не сказал. И не разрешаю вам ходить туда и жаловаться. Я сам всё решу. Я уже решил. Я в этой гимназии с этими отморозками учиться не буду. Эйнштейна жалко, конечно. Чему он таких научить может?! Но я даже ради него не останусь. Да, тетя Мира здесь. На кухне сидит. Она меня макаронами накормила. А в магазин за хлебом, колбасой и молоком я сам ходил. Еще ирисок купил. Хочешь, я вам эти ириски привезу? Думаю, тетя Мира разрешит. Зачем ей ириски? У неё же детей нет. Почему грубо? Я говорю, как есть. Чего вы всё время ко всем моим словам цепляетесь! Если я вам так надоел, могу вообще не возвращаться!

Миранда подошла к дверному проёму и посмотрела на Лёшу тяжелым взглядом. Он заметил её взгляд, вжал голову в плечи.

– Ладно, мам, извини. Я зря так поступил. Надо было вам всё объяснить. Сразу. Вчера. Или даже позавчера. И всё решить – вместе. Спокойно. Всё. Я узнаю расписание автобуса и приеду. Сегодня. Только обещай не ругать меня, а спокойно поговорить. Хорошо. Пока.

Лёша положил трубку. Миранда подошла к нему, погладила по голове и обняла. Он обнял её в ответ и молча глотал слёзы.

«Трудно ребенку быть взрослым», – подумала Миранда.

Глава 2.

– Ты меня уже выгоняешь? – поднял Лёша на Миранду красные от растирания рукой глаза.

– Нет, конечно, – улыбнулась ему Миранда.

– Тебе же работать надо.

– Надо. Но и племянники у меня не каждый день из дома сбегают.

– Хорошо, что не из твоего дома.

– Хорошо, что мои племянники живут не со мной.

– Да, ты бы меня не выдержала.

– Я где-то читала, что, если энергию хулигана направить в нужное русло, то из него может получиться гений – в своей области. Только там не было рецепта, как именно его в это русло запихнуть. Идём в комнату, – сказала Миранда и повела Лёшу в зал.

– Мои родители меня на шахматы рано отвели и на конструирование. Ещё я фехтованием занимался. Мне очень нравилось всё и всех протыкать, а всех остальных это почему-то раздражало. Ещё греблей занимался, – загибал пальцы Лёша, – борьбой, настольным теннисом, конькобежным спортом, но остался в итоге в волейболе. У нас в школе прекрасная волейбольная команда. Я ужасно скучаю и по ребятам, и по тренеру, – сказал Лёша и сел рядом с Мирандой на диване.

– А физмат – это твоё? Тебе самому именно это интересно?

– Больше чем все твои литературы – это точно. Но мне и химия нравится. Только мама сказала, что меня к химическим процессам подпускать нельзя, что я сначала квартиру взорву, потом дом, потом весь город. А папа говорил, что я, как Архимед, если дать мне точку опоры, то я переверну землю. Мне это больше понравилось, поэтому я решил, что физика мне ближе, – улыбался Лёша.

– Тогда давай придумаем с тобой, вернее, найдём точку опоры, чтобы перевернуть ситуацию в классе в твою пользу, – предложила Миранда.

– Не дурная физическая задачка, – присвистнул Лёша.

– Так что ты думаешь?

– Я думаю, что этих отморожков в детскую комнату милиции нужно сдать, – выпалил Лёша.

– Ты вот литературу не любишь – так сильно, как физику и химию, но давай представим, что эти отморожки, как ты их называешь, герои повести. Главный герой этой повести ты, Алексей Решетников, а они вспомогательные. Они нужны для того, чтобы раскрыть характер и дать проявиться главному герою. И вот он попадает в такую ситуацию, ведет себя так, как ты, и приходит к этой точке сюжета. Что дальше? Как должно развиваться повествование, что может сделать главный герой?

– А всё будет именно так, как я придумаю?

– Конечно, нет, – усмехнулась Миранда. – Но ты можешь таким образом выработать свою позицию. Предусмотреть разное развитие ситуации. Определить, какая линия поведения будет оптимальной. Например, самый просто вариант, это вернуться в прежнюю школу, а родители пусть проглотят эту неудачу. Тогда всё, сюжета нет, повести не будет. Вполне себе реалистично, жизненно, обыденно. А можно остаться в гимназии, найти точку опоры и изменить ситуацию в свою пользу.

– А где эту точку опоры искать? – насупил Лёша.

– Можно на время попробовать увести внимание читателя с внутреннего мира героя на внутренний мир сопутствующих персонажей. Кто они такие, почему так себя ведут, что ими руководит, на какие рычаги нажимая какие результаты мы получим.

- Я ничего не понял.
- Нужно разобраться, почему они так поступают, мальчики эти, – пояснила Миранда.
- Потому что отморозки, – развел руками Лёша.
- Ты считаешь, они ими родились?
- Понятия не имею.
- Я думаю, что нет. Догадываюсь даже, что в детстве они были послушнее тебя и не создавали так много трудностей родителям. И в самой гимназии они, наверняка, на хорошем счету, предположила Миранда.
- Откуда ты знаешь? – не поверил ей Лёша.
- Не знаю, но предполагаю. Иначе бы они там не учились. Или твоих родителей предупредили бы, что в классе есть проблемные ребята и с ними нужно быть осторожнее.
- Лёша внимательно, но без понимания смотрел на Миранду.
- Скорее всего, они так ведут себя только с учениками, – развивала свою мысль Миранда.
- С новенькими и с теми, кто позволяет им так себя вести.
- Позволяет?! – возмутился Лёша. – Ты хочешь сказать, что это я сам им разрешил говорить мне гадости и бить меня.
- Не совсем. Ты ведь дрался и убежал. Порвал брюки кому-то, свою рубашку порвал, но вырвался. А мог протереть носовым платком чужой ботинок и уйти целым.
- Не мог, – твердо сказал Лёша.
- Вот и хорошо, – одобрила Миранда. – Они хотели тебя унижить, подавить волю, сделать подчиняющимся, а ты оказал сопротивление. Нужно понять, в каком месте они застали тебя одного. Можно ли избежать подобного физически – не сталкиваться с ними один к одному, и морально лишить их возможности унижать тебя.
- Как это сделать?
- Физически – понятно. Не ходи там, где ты можешь остаться с ними один на один. А вот морально нужно либо показать им своё превосходство, но тогда придется постоянно быть с ними в конфронтации, либо подружиться с ними, здесь тоже два варианта: стать таким же, как они, или найти в них человеческие качества, на которые можно будет опереться. И третье – просто игнорировать их. Но я предлагаю найти ту самую опору в их внутренних качествах. Наверняка, в них есть что-то хорошее. И если человеку напомнить, что он хороший, честный, благородный, отзывчивый, то ему легче будет снова таким стать.
- Я почти понял, про что ты говоришь, только не очень понимаю, как же мне это сделать, – озадачился Лёша.
- Постепенно, – ответила Миранда. – Где они тебя заловили?
- На лестнице между третьим и четвертым этажом. После уроков. Все парочками или по несколько человек выходили, а я один шёл. Они меня окружили. Впятером. И отвели к туалету мужскому. Впихнули в него. И там уже... разговаривали.
- У тебя какой урок завтра последний?
- Сейчас посмотрю, – Лёша встал, сходил в прихожую за портфелем, достал дневник, посмотрел расписание. Крикнул из прихожей: – Физика.
- А классный руководитель у вас кто? По какому предмету? – кричала ему Миранда.
- Эйнштейн. По физике учитель. Николай Степанович Луковичный.
- Прекрасно! Иди сюда, – крикнула Миранда.
- Чего ты орёшь, я уже здесь?! – сказал Лёша, вернувшись в комнату и вновь садясь на диван.
- У тебя много моделей самолетов, да? – спросила его Миранда.
- Не много, а несколько, – поправил Лёша.
- Ты можешь пожертвовать одну из них гимназии?
- Зачем это?

– Самолеты летают только благодаря своим аэродинамическим свойствам. Аэродинамика – один из разделов физики. Если я ничего не путаю. Раз классный руководитель у вас физик, будет вполне логично преподнести в качестве подарка и выставочного экспоната в кабинет модель самолета, которую впоследствии можно будет использовать на занятиях в качестве наглядного материала. Это даст тебе возможность познакомиться ближе с интересным тебе учителем – это раз; продемонстрировать классу свои способности и тем самым заинтересовать собою – это два; даст повод задержаться в классе после уроков и выйти тогда и так, чтобы с досаждающими тебе одноклассниками не встречаться. А постепенно ты узнаешь побольше о каждом из них, выяснишь те их хорошие качества, на которые можно опереться, попробуешь поговорить с каждым в отдельности, подобрать к каждому ключик, и устроить свою жизнь в классе так, чтобы тебе было интересно и радостно там учиться.

– Ты думаешь, у меня получится?

– Я думаю, что стоит попробовать.

– А самолет дарить обязательно.

– Нет. Но это было бы весьма оригинально – преподнести подарок в свой собственный день рождения.

– То есть завтра придется идти на занятия? – кусал губы Лёша, размышляя о предстоящем дне.

– Чем быстрее ты эту проблему решишь, тем меньше усилий придется потратить.

– А если не получится?

– Ты скажешь себе, что хотя бы попытался. Но ты можешь придумать и другой план. Вместе с родителями. Обязательно нужно поговорить об этом с ними.

– Я не смогу вот так – как ты – всё им сказать. И как тебе тоже. С тобой легко. Ты всё понимаешь. Ты не удивляешься, не ругаешь. С тобой можно честно всё обсудить, и не страшно сказать, что я чего-то не понимаю. Папа же сразу на меня кричит, что я не понимаю очевидных вещей, что это же все так просто, и как я могу этого не знать. Поэтому я про всё читаю, запоминаю, и уже сам не знаю, зачем про всё это знать. Всё равно папе всё время во мне что-то не нравится.

– Ты удивишься, но это он таким образом хочет сделать тебя еще лучше. Это так проявляется его любовь к тебе.

– С Дашкой он говорит иначе.

– Она девочка. С ней он может быть мягким, а ты же будущий мужчина, вот он и повышенно строг с тобой. Он думает, что именно так должен вести себя хороший отец. Его в детстве отец ремнем бил – воспитывал, вот и Толик считает, что воспитывать нужно ремнем, строгостью, считает, что хвалить мальчика вредно, гордиться им некрасиво. А нужно постоянно воспитывать. Тем более, что он постоянно в разъездах, дома времени проводит мало, должен успеть свое влияние оказать. Подарки подарить, поругать, заданий понадовать и спокойно в следующий рейс ехать.

– Да, это на него похоже. Я своих детей воспитывать буду иначе. Я им буду всё объяснять и спрашивать их мнение.

– О, это прекрасно! Надеюсь, я доживу до этих прекрасных дней и увижу результаты твоего чудесного воспитания, – одобряюще улыбалась Миранда.

– Ты смеешься с меня? – хотел обидеться Лёшка.

– Нет, я предвкушаю хорошее развитие событий.

– В повести?

– В жизни.

– У тебя есть расписание автобуса? Мне еще нужно узнать, что задавали на завтра и уроки успеть сделать. И самолет выбрать. Хотя мне с каждым из них трудно будет расстаться. Правда, мама ругается, что их уже негде ставить. Но мне еще нужно подумать.

– Подумай, конечно. А расписание сейчас посмотрю.

Проводив Лёшу на автобус, дав ему с собой две плюшки и два пирожка с капустой, и кулёк ирисок, Миранда вернулась домой и позвонила Веронике.

– Да, он уже едет. Можете идти встречать. Не ругайте только. Говорите о том, как вы переживали. Что желаете ему только самого лучшего, поэтому так стараетесь, но его мнение для вас тоже важно. Запомнила?

– Это так странно, Миранда. У тебя самой детей нет, а ты мне рассказываешь, как мне вести себя с сыном.

– Ты не обижайся на меня, Вероника. Я знаю, что ты прекрасная мать. Самая лучшая. Детям твоим с тобой очень повезло. Просто сейчас я с твоим мальчиком поговорила – не как мама, и даже не как тётя, а как взрослый человек с другим взрослым человеком, ну, или с тем, кто хочет чувствовать себя взрослым. Пусть чувствует. Он ребенок, на самом деле, которому хочется, чтобы его и пожалели, как ребенка. Но признаться в этом трудно. Я очень хочу, чтобы у вас всё наладилось. Чтобы он спокойно учился в этой гимназии, у этого Эйнштейна, – усмехнулась Миранда.

– Какого Эйнштейна? – насторожилась Вероника.

– Учитель физики у них на Эйнштейна похож. Настоящего его имени я не запомнила. Фамилия у него смешная какая-то.

– Луковичный! – воскликнула Вероника. – Николай Степанович Луковичный! Это же светило от науки. Он в университете долго преподавал. Потом у него жена заболела, и он перешел работать в эту гимназию только потому, что она напротив его дома, и он всегда может, в случае чего, отбежать домой и помочь жене. Ему в лаборантскую даже отдельный телефонный аппарат провели. Его там очень ценят и уважают. Мы так радовались, что Лёшка к нему в класс попал.

– Вот и хорошо. Значит вы не будете очень возмущаться, если Лёша одну из своих сборных моделей самолета подарит кабинету физики.

– Одну?! А почему не три или четыре? – возмутилась Вероника. – Уже вся квартира в самолетах. Я готова все подарить!

– Как всё хорошо складывается, – радовалась Миранда. – Иди уже, сына встречай с автобуса. А мне работать нужно.

– Работай, конечно. Спасибо тебе за помощь, Мирандочка.

– Всегда пожалуйста, – усмехнулась Миранда. – Завтра еще созвонимся. Буду Лёшку с праздником поздравлять и заодно узнаю, как у вас там всё сложилось.

– Договорились. До завтра.

– До завтра.

Положив трубку телефона, Миранда села за печатную машинку.

Буквы молчали.

Она перечитала написанное, её всё устроило, но дальше буквы рассыпались, не желая строиться в слова.

Миранда задумалась о том, нравится ли ей самой жить.

Ей стало немного стыдно за то, что она так мало переживает о разрыве с Костей. Что почти не думает об этом. Думает только о том, как собрать буквы, как договориться со словами, как уложить предложения в абзац. Думала о Лёше и его одноклассниках, об их учителе физики, который с профессорской должности ушел работать к школьникам из любви к жене. Ей стало интересно, что за человек его жена, раз он так поступил. Но тут же решила, что это совершенно неважно. Ведь она может оказаться тираном, который вынудил бедного профессора покинуть свой пост и сидеть при ней, как собачонке, а он, чтобы хоть как-то вырваться из этой удушающей обстановки, пошел работать учителем к этим невозможным современным школьникам, которые надышались воздухом перестройки, опьянели от него и показывают язык

всей науке и всей интеллигенции не хуже самого хулигана Эйнштейна. Но Миранде больше нравилось думать, что профессор Луковичный поступил так из большой любви к жене, боясь потерять самого близкого человека, потому что дети разлетелись по городам, у них своя жизнь, а доживать свой век без родного человека рядом очень страшно и одиноко, даже если ты профессор в университете. Тем более, если ты профессор.

Телефонный звонок прервал размышления Миранды.

– Васнецова, ты уже набросала фабулу нашей пьесы? – ворвался в голову Миранды звонкий голос Лены. – Я знаю, что нет. Ты ужасно безответственная можешь быть, поэтому я сама набросала. Значит так, записывай. Действие первое. Я танцую на сцене испанский танец. Вернее, я солирую, а вместе со мной танцуют мужчины. Пусть Ветровский потанцует вокруг меня, а то вечно нос свой длинный задирает. Так вот. Сначала испанский танец. Потом все уходят, а один из моих поклонников остаётся и начинает говорить мне о своей любви, о том, как я прекрасна и как он меня обожает. А я смеюсь ему в лицо. Я такая жестокая и пленительная одновременно. Придумай, что я там должна ему такого сказать, чтобы весь зал понял, что не любить такую женщину нельзя. Можно ненавидеть, но всё равно любить! – Лена была в ударе и не могла остановиться.

– Это фабула? – спросила Миранда уставшим голосом.

– Я только начала, Васнецова! Я же должна объяснить тебе детали!

– Может, ты сама пьесу и напишешь? Ты же так хорошо всё себе представляешь.

– Я напишу, а ты подпишешься своим именем?

– Зачем?

– А кто примет всерьез пьесу, если автором её будет Елена Яблонская?! В литературе такого имени нет. Даже в театре нет. В театре есть актриса – Елена Облонская. Вот для неё и написана пьеса. А автор – известный и уважаемый человек, чьи книги читают, чье мнение уважают. Ты же состоишь в союзе писателей?

– Состою, – вздохнула Миранда.

– Ну, вот. Но я не хочу, чтобы я пьесу писала, а ты только подписывалась под ней. Нетушки. Сама пиши! Почему я должна твою работать делать? Ты же за меня роль играть не будешь.

– Не буду. Но и пьесу писать тоже.

– Не хочу ничего слышать! Ты мне обещала! А друзья так не поступают.

– Я тебе обещала? Когда? – искренне удивлялась Миранда.

– Так сегодня же, Васнецова! Ты что-то совсем плоха без своего Павлова. Где он? На даче, говоришь? Я ему позвоню!

– Делай, что хочешь. Пьесу я тебе не обещала. Но я уже начинаю думать, что проще, действительно, написать пьесу – пусть плохую, но написать, чем объяснить тебе, почему я не могу этого сделать.

– Нет, плохую мне не надо, – засопровтивлялась Лена. – Я, конечно, гениальная актриса, и могу сыграть всё, что угодно. Ну, почти. Но зачем же для меня писать сразу плохо? Ты пиши сразу хорошо. И про танец в начале не забудь. Я уже начала его репетировать.

– А дети первоклассники тебе не мешают? Не отвлекают? Не ждут маминого внимания?

– Ими Феденька занимается, – ласково промурлыкала Лена. – С ним детям интереснее. И вообще я не знаю, о чем говорить с мальчиками первоклассниками. Нужно было дочку родить хотя бы одну, но не получилось. Вот пусть Фёдя из них мужчин и выращивает.

– Выращивает мужчин – это интересно звучит, – одобрила Миранда.

– Да? Ну, возьми себе на заметку. Видишь, какая я у тебя полезная, а ты пьесу для меня до сих пор не написала.

– Сейчас сяду и напишу, – не выдержала Миранда.

– Умница, – похвалила Лена. – Я в тебе не сомневалась.

– А если тебе не понравится?

– Перепишешь.

Положив трубку, Миранда вновь села за печатную машинку, вставила чистый лист и озаглавила еще не проявившийся текст: «Русская Кармен».

Глава 3.

«Русская Кармен.

.

Пьеса в двух действиях.

.

Действующие лица:

Катерина

....

.

Действие первое.

Сцена 1.

Испанский танец. Солирует Катерина.

КАТЕРИНА (оставшись одна на сцене, садится на стул): Как я устала! От бездарности режиссера, от прилипал-мужчин, от завистниц-актрисул, от тесных туфель и тесного платья. Нечем дышать. А так хочется дышать!»

– Нет, Калымакина мне этого не простит, – произнесла вслух Миранда.

Вырвала лист из печатной машинки, перевернула его, вставила снова.

«Русская Кармен.

.

Пьеса в двух действиях.

.

Действующие лица:

Катерина

....

.

Действие первое.

Сцена 1.

Под энергичную испанскую музыку на сцене проходит митинг. В руках у людей транспаранты с надписями «Свобода!», «Демократия», «Гласность». Возвышаясь над всеми с рупором в руках танцует испанский танец Катерина. Когда танец заканчивается, от митингующих отделяются два молодых человека.

ПЕРВЫЙ: Наконец-то настало наше время! Наконец-то к нам пришла она!

ВТОРОЙ: Кто она?

ПЕРВЫЙ: Перестройка! Демократия! Гласность! Теперь можно говорить всё, что думаешь!

ВТОРОЙ: А тебе есть, что сказать?

ПЕРВЫЙ: Конечно! Долой существующую власть!

ВТОРОЙ: А ещё?

ПЕРВЫЙ: Так дальше жить нельзя!»

– Нет, эту тему я не потяну, – снова вслух сказала Миранда, вытащила лист из печатной машинки и скомкала его, выбросила в мусорное ведро под столом. – Можно было бы написать про балет, про Майю Плисецкую, но Калымакина на эту роль фактурой не вышла. Вернее, Плисецкая до нашей Лены не дотягивает фактурой. О чем же писать? Вообще ничего толкового в голову не приходит. Ну, Калымакина, ты и задала мне задачку. Ладно, допустим, «сценки из семейного быта»: разгульная баба, услышав у себя на кухне по радио музыку из «Кармен-сюиты» Щедрина, начинает танцевать на кухне вместе с кастрюлей и поварёшкой в руках. Появляется пьяный муж. Или нет, появляется муж-работяга, человек из трудового

народа, и с осуждением смотрит на жену, а она ему говорит, что теперь всё можно, даже танцевать так, и даже танцевать так не только дома. Но что дальше? Современная Кармен признается мужу в том, что она ему изменяет, и жить с ним больше не хочет, и раз теперь все стремятся к свободе, то и она стремится. Говорит то, что думает. Поступает так, как считает нужным. Пошлятина какая-то. Причем здесь Русскость? Причем здесь Кармен? Зачем я вообще этим занимаюсь, если у меня способностей к этому нет? Особенно сейчас? Всё! Не буду. Скажу Калымакиной честно, что я старалась. Что у меня даже три версии, три начала было, но всё пошло в утиль. Я попыталась и потерпела фиаско. Я не боюсь в этом признаться. Я не хочу тратить на это своё время.

Всё это Миранда сообщила картине на стене. Вернее, репродукции картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Ей казалось, что кто-кто, а уж эти люди, изображенные на полотне, понимали её как никто другой. Или хотя бы не возражали ей.

Миранда могла подолгу смотреть на эту картину, всматриваться в детали, любоваться подробностями. Этот страшный момент, запечатленный рукой мастера, стремящегося не столько к натурализму, сколько к красоте, всегда успокаивал Миранду. Даже умиротворял. Она отказывалась верить, да и просто думать о том, что все эти люди спустя несколько минут погибнут. Она видит их живыми – значит, они навсегда живы. Вот такой оборот. Его придумала себе сама Миранда и крепко держалась своих позиций. Живы навсегда.

Было неприятно осознавать, что ты чего-то не можешь. Например, пройти по канату на высоте двадцати метров. Ты и раньше про себя знал, что не способен на это, но вот сейчас в этом есть необходимость, человек на той стороне тебя ждёт, надеется на тебя, искренне верит, что ты сможешь перейти по канату и тем самым сделать что-то важное для него. Ты забираешься на канат. Делаеть первый шаг – не получается. Делаеть второй первый шаг – то же самое. Третий – разочарование в себе самом. Ожидаемое, но всё равно разочарование. Чуда не произошло.

Миранда вспомнила, как несколько лет назад пыталась сочинить стихи для Костика. У него был юбилей. В филармонии устроили концерт-чествование юбиляра. Потом был банкет. От выступления на концерте ей удалось отказаться, а на банкете обязали выступить. Причем почему-то организатор праздника вбил себе в голову, что от жены юбиляра, которая считается писателем, поздравление обязательно должно прозвучать в стихах. Миранда билась над рифмующимися, но не звучащими строками четыре дня. Настойчиво, скрупулёзно, многократно. Именно тогда она очень засомневалась в том, что её чувства к мужу можно назвать любовью, ведь любовь окрыляет человека, вдохновляет и, как никто другой и ничто другое, будит в человеке способность писать стихи. В Миранде же эта способность спала богатырским сном и просыпаться не собиралась. Даже утверждала, что в принципе не существует. Миранда сдалась. Нашла подходящий стих любимого ею тогда Расула Гамзатова, выучила и поздравила этими словами, не преминув добавить, что автор не она, а великий поэт-дагестанец.

Костик обиделся.

– Могла бы и сочинить что-нибудь для меня, – упрекал он жену потом.

– Я пыталась. У меня не получилось, – оправдывалась Миранда.

– Писать стихи не так уж сложно. Любой дурак может срифмовать несколько строчек, а ты писатель!

– «Костик, красавчик, любимый, родной, мне так приятно твоей быть женой» или «Сколько лет впереди – неизвестно, но я знаю сегодня и вечно ты играть будешь Брамса прелестно. Поздравляю тебя сердечно». Ты хотел бы такое на юбилей от своей жены в микрофон услышать? Я так тебя опозорить не могла.

– А ты уверена, что ты писатель?

– Ты удивишься, но прозаик и поэт – две взаимонезаменяемые личности. Ты музыкант, но не композитор. И не каждый композитор в состоянии сыграть на виолончели так же вирту-

озно и с тем же чувством, как ты. Вот скажи мне, ты можешь написать фугу? Или простенькую музыкальную пьесу?

– Ты правильно сказала: я только исполнитель, а не сочинитель. А тебе приписывают владение словом.

– В прозе.

– И тем не менее.

– Я прочла тебе замечательные слова Расула Гамзатова. Внятно прочтала. Наизусть. С чувством. Некоторые женщины в банкетном зале всплакнули. И поверь мне, сказанное тогда произвело очень сильное впечатление на окружающих. Мне кажется, все они стали любить тебя еще сильнее.

С этим Костик не мог поспорить.

Миранда сейчас попыталась вспомнить тот стих Гамзатова и произнести его вслух.

Проходят годы, отнимая и даря,

То – через сердце напрямик, то – стороной,

И не закрыть листкам календаря

Любовь, пришедшую ко мне весной.

Все изменилось – и мечты, и времена.

Все изменилось – мой аул и шар земной.

Все изменилось. Неизменна лишь одна

Любовь, пришедшая ко мне весной.

Куда вас буря унесла, мои друзья?

Еще недавно пировали вы со мной.

Теперь единственного друга вижу я –

Любовь, пришедшую ко мне весной.

Что ж, покорюсь я наступающим годам,

Отдам им всё – блеск дня и свет ночной.

Лишь одного я – пусть не просят! – не отдам:

Любовь, пришедшую ко мне весной.

– Но всё же отдала, – вздохнула Миранда. – Отпустила. Останавливать не стала.

Она вспомнила их разговор перед отъездом.

– Миранда, где мой галстук? – кричал Костик Миранде из спальни.

– Какой галстук? – не сразу оторвалась она от печатной машинки.

– Синий, красивый. Который я из Италии привёз.

– Откуда я знаю? Я не трогала твои галстуки.

– А рубашку ты погладила?

– Какую рубашку?

– Чёрную. Концертную.

- Зачем она тебе?
- Я тебя просил её погладить. Мне просто интересно, выполнила ли ты мою просьбу.
- Видимо, нет.
- Почему? – появился в дверном проёме Костик.
- Как тебе сказать? – положила голову на ладонь Миранда, опираясь локтём на стол.
- Так и скажи, – настаивал Костик.
- Я не посчитала это важным. У тебя ведь нет концертов в ближайшие дни.
- Я хотел надеть её к Ясуловичу?
- Концертную – к Ясуловичу.
- Так я же не домой к нему иду, а в телестудию. Он обещал включить моё выступление в эфир.
- Показать в эфире, – машинально поправила Миранда.
- Исправлять других ты мастер, а элементарно погладить рубашку мужу и галстук на место положить – это выше твоих возможностей.
- Видимо, да, – не стала спорить Миранда.
- Тогда зачем я вообще с тобой живу? Если в самом простом на тебя нельзя положиться?
- Ты о чём сейчас? – не очень понимала мужа и всё норовила вернуться к своим записям Миранда.
- Об ужине, например. Что у нас сегодня на ужин?
- Могу пельмени сварить. В холодильнике, кажется, сметана еще осталась.
- Кажется? То есть ты не уверена?
- Я уже ни в чем не уверена. Но пельмени должны быть. Мама несколько пакетов привезла и при мне в морозилку их положила. Заботливая, – улыбнулась Миранда.
- Вот, мама твоя – настоящая хозяйка, настоящая женщина, замечательная жена для своего мужа, мать для детей!
- Не спорю.
- Почему же ты не такая? Ты же готовила неплохо, когда мы познакомились и даже когда поженились.
- Ты всё время в разъездах, а у меня зверский аппетит и способность, а главное потребность всё имеющееся в наличии съесть, с годами прошли. Для кого готовить?
- Но я же приезжаю. Сейчас же я дома. Могла бы и оторваться от своего шедевра и заняться нормальным человеческим ужином.
- А в ресторанах тебя уже плохо кормят? Домашней еды захотелось?
- Захотелось, да.
- Ты весь список своих претензий озвучил или еще что-то хочешь сказать?
- Ты стала плохо выглядеть.
- Вот как? – Миранда посмотрела на себя. Старые спортивные штаны и рубашка.
- Всё чистое, – ответила она мужу, тронула себя за волосы. – Голова помыта. Вид у меня вполне приличный – домашний. А как я должна выглядеть, если я целыми днями дома сижу?
- А ты не пробовала выходить?
- Пробовала. Там сейчас жарко. Как летом. И летом было жарко. Но я ведь в магазин хожу. Иногда. Еще я к маме езжу. Где-то раз в месяц. О, в филармонию твою недели три назад с тобой ходила. Что тебе не нравится?
- Ты похожа на привидение. В тебе жизни совсем не осталось. Взгляд отсутствующий.
- Ты же знаешь, мне сейчас трудно писать. Каждое слово даётся с боем. Вот я и отсутствую немножко.
- Так, может, пора прекратить боевые действия и отвлечься на мужа?

– Наверное, да, – закивала головой Миранда. – Но у меня сейчас тут диалог важный. Боюсь упустить.

– А меня упустить ты не боишься?

– Тебя? Упустить? А разве я тебя держу?

– То есть не держишь?

– Нет. Ты вполне большой мальчик, взрослый, самостоятельный, сам хорошо на ногах держишься. Когда трезвый. А когда выпьешь и шатаешься, то чего тебя держать, тебя нужно поскорее уложить в постель и дать проспать.

– А в постели не только пьяные отсыпаются. Там еще кое-что происходит.

– Так у нас же было с тобой. Вчера, кажется.

– Кажется? То есть ты не уверена и в этом.

– Нет, я уверена. Вчера. Было. Точно. Мне так думается.

– Не было ничего вчера.

– Значит, позавчера. Я точно помню.

– Не знаю, с кем у тебя что позавчера было, но я в этом не участвовал. Ты была со мной три дня назад.

– Вот видишь, недавно совсем.

– А как это было, ты помнишь?

– А это сейчас важно? У меня тут диалог. А мы с тобой совсем не о том разговариваем. У меня персонажи уже сердиться начинают.

– Это просто дурдом какой-то! У неё персонажи сердятся, что она с мужем разговаривает!

– Ну, они не так чтоб совсем прям сердятся. Просто я чувствую их недовольство.

– Недовольство их чувствуешь? А моё недовольство ты не чувствуешь?!

– И твоё чувствую, – вздохнула Миранда. – Одни недовольные вокруг. Никому не угодишь.

– А ты всем угодить не пытайся. Ты с меня начни!

– Давай я тобой закончу. Мне буквально полчаса нужно.

– Выбирай: или я, или они.

– Что выбирать? Я не поняла.

– Или ты сейчас откладываешь свои диалоги, монологи и переключаешься на меня, или я сейчас же собираю вещи и уезжаю.

– Куда уезжаешь? Зачем?

– Не «куда», а «от кого». От тебя. Дальше так жить я не намерен.

– Это твоё право, конечно. Только я не понимаю, что я не так сделала. Ужин тебе нужен? Не хочешь пельменей? Хорошо, я сейчас яичницу тебе пожарю. Не хочешь яичницу – макароны сварю. Картошка ещё есть. Можно пюре сделать. Там еще две сардельки, кажется, были где-то. С кашей долго возиться, поэтому не предлагаю. Но только ты мне минут двадцать хотя бы дай. Я диалог этот закончу, а то он у меня в голове еще сидит. Боюсь его потерять. Прописать нужно.

– А меня ты потерять боишься?

– Ты хочешь, чтобы я боялась тебя потерять?

– Да, хочу.

– Хорошо. Я очень боюсь тебя потерять.

– Я тебе не верю.

– Начинается!

– Ты неубедительно говоришь. Будто просто, чтобы отделаться от меня.

– Почему у меня создается впечатление, будто ты делаешь всё, чтобы поссориться?

– Я делаю всё, чтобы переключить твоё внимание на себя.

– Ты уже его переключил. Мы уже полчаса тут с тобой... общаемся. И, честно говоря, мне эта сцена уже порядком надоела. Давай перевернем эту страницу. Я допишу диалог и сделаю тебе ужин.

– То есть ты не уступишь?

– Было время, Костя, когда я легко бросала текст, над которым работала, и бежала к тебе, с тобой, за тобою. Сейчас у меня есть обязательства, надо мной висят сроки, а у меня плохо идет эта работа. Это как если бы я пришла к тебе на репетицию оркестра и требовала, чтобы ты наплевал на людей, которые тебя ждут и весь переключился на меня.

– Сравнила! То оркестр! А у тебя печатная машинка!

– Мне очень приятно, что ты так думаешь. Всё, мне этот разговор надоел.

– Хорошо. Пиши свой диалог. С ужином и всем остальным я сам разберусь.

– Ты же мой чудесный! – радостно воскликнула Миранда. – Я тебя люблю, Костик! Спасибо!

Миранда, действительно, увлеклась диалогом. Слышала, как Костик гремел посудой на кухне и еще чем-то в спальне. Сколько прошло времени, она не заметила.

– Где ключи от дачи? – крикнул Костик из прихожей.

– Там, за трюмо, на гвоздике. А зачем тебе? – крикнула ему в ответ Миранда.

– До отъезда на гастроли поеду на дачу.

– Зачем? – встала из-за стола и вышла в прихожую Миранда.

– Я, Миранда, от тебя ухожу. Ты в своём писательском запале можешь этого и не заметить, поэтому я тебе сам официально сообщаю. Я. От тебя. Ухожу. Приеду с гастролей, подадим на развод. Прощай! – сказал Костик и вышел из квартиры с дорожной сумкой в одной руке и виолончелью в другой.

Миранда стояла на месте, понимая, что, наверное, должна броситься за ним следом и умолять остаться, соглашаться со всеми его претензиями и стараться исправить ситуацию, но в то же время осознавала, что совершенно не хочет за ним бежать, не хочет его останавливать, а хочет открыть окно и проветрить комнаты. В последнее время Костик стал пользоваться новым одеколоном, который совершенно ей не нравился.

Воспоминания Миранды прервал телефонный звонок.

– Что это за телефонный день сегодня! Алло!

– Мирка, привет. Ты будешь дома? Я зайду к тебе скоро. Займи мне двадцатку до получки.

– Витя, где я тебе возьму двадцатку? Я сама непонятно на что живу, мама мне десятку на прошлой неделе оставила, так хоть есть за что пакет молока купить.

– Видишь, тебе десятку дала, а мне нет.

– Правильно сделала. Ей еще за тебя налог за тунеядство платить и алименты. Ты когда к Рите вернешься и за ум возьмешься? Неужели в наше время так трудно найти работу.

– Мне некогда!

– Ходить митинговать у тебя время есть, а работу найти некогда.

– Мне поэтому и некогда, что я митингую.

– И какой толк твоей двухлетней дочери от митингующего безработного папы?

– Ты узко мыслишь, Мирка. Мы в такое время живём! Во время перемен! На наших глазах мир меняется! От нас зависит, каким он будет. А вы все посели по своим тепленьким норкам и боитесь пискнуть. Но всё, шестеренки уже запущены, механизм уже в действии, ход истории вспять не повернуть. И я буду стоять у истоков этих перемен, я буду их активным участником. Я дочке потом скажу: «Это всё руками твоего папки было сделано».

– Пока ты шестеренки истории двигаешь, Ритка на трех работах надрывается. Ребенка на пятидневку отдала.

– Сними шоры, Миранда! Это всё мелочи! Сейчас жизнь изменится, я пойду работать, вернусь в семью – все мы начнем жить по-настоящему!

– Я предлагаю жить по-настоящему уже сейчас. Мне недавно Лавров звонил. Сказал, что у них в исследовательской лаборатории вакансия. Как раз по твоему профилю. Позвони ему. Он расскажет тебе подробности. Хорошее место. Приличная зарплата.

– Я тебе про идею – ты мне про кусок хлеба.

– Ты мне зачем позвонил? Просил денег тебе занять? Вот если в лабораторию устроишься и пообещаешь в семью вернуться, я для тебя у соседей займу, а так – нет у меня, Витя. Пойми ты, нет, – сказала Миранда, и услышала короткие гудки.

Миранда успела только сходить на кухню и выпить полстакана воды, как в дверь позвонили.

– Что ж это за день такой! – воскликнула Миранда и поспешила в прихожую.

За дверью оказалась мама.

– Привет, мам, – поприветствовала Миранда Ларису Фёдоровну и пропустила её в прихожую.

– А я смотрю, у тебя свет горит. Дай, думаю, зайду. Я тут недалеко по работе заезжала. Так вот и к тебе зайти решила. Я тебе голубчиков принесла и сырников.

– Ты вместе с ними по работе по городу разъезжала?

– А Костик не вернулся еще? Что слышно от него? – проигнорировала вопрос мамы Миранда.

– Ничего не слышно и не вернулся. Проходи на кухню.

– Ничего. Всё образуется. Ты бы поехала к нему. Голубчиков моих ему отвезла.

– Мама, он голубцы не любит. Даже твои.

– Привередливой какой. Так сырники же он ест?

– Сырники ест. Но сырники я и сама съем. Я ему ничего не повезу.

– Почему?

– Захотел уйти – значит, так ему лучше. Это женщины любят, чтобы за ними вслед бежали, на колени падали и умоляли остаться. А мужчины – они другие. Если он решение принял, значит не надо ему мешать.

– Как ты легко с этим его решением примирилась.

– Я вообще не уверена, что правильно сделала, что замуж за него вышла. Вернее, уверена, что сделала неправильно. Так что сейчас просто пришло время логичной развязки.

– И ты рада?

– Рада? Нет. Я опустошена, если честно. Мне роман нужно писать, а у меня не пишется. И Калымакина придумала себе, что я должна для неё пьесу написать. Представляешь?! Я – пьесу?! Но она же такая настырная, как вцепится – не отстанет. Пришлось писать. Я несколько раз начинала, что-то выписывала и понимала, что нет, не то, не туда и не так. Не умею я. И всё тут. В следующий раз позвонит – так ей и скажу. Мне роман писать нужно.

– Отдохнуть тебе нужно, проветриться. Сменить обстановку. Душно у тебя тут. Дышать нечем. Может, мышь гдедохлая лежит?

– Это с балкона от соседей воню тянет. Не знаю, что они там делают. Вечно какой-то тухлятиной несет. Я уже и ругаться к ним ходила – не помогает.

– Ты б, может, к нам приехала, погостила недельку?

– Подожди, мам. Съездит Костик на гастроли, вернётся, разведется со мной, и вернусь я к вам жить на веки вечные.

– Мы, конечно, не против. Мы всегда тебе рады и поддержим тебя всегда. Спальню, правда, пока Витя занимает, но в зале диван стоит, спальное место тебе всегда найдем. Но ты, правда, именно этого хочешь?

– Я хочу роман написать и редактору в срок отдать.

– А тебе не кажется, что реальная жизнь важнее романов?

Миранда внимательно посмотрела на маму. Будто вынырнула из мутной воды. Нет, будто на неё вылили ведро холодной воды. Дыхание перехватило. Стало легко и страшно одновременно.

– Знаешь, мам. Мне уже давно кажется, что я живу не свою жизнь. Что вот эту, свою, я давно не живу. Я просто в ней присутствую. Выполняю какие-то действия, преимущественно механически, но саму жизнь не живу. Она не настоящая какая-то. Мне кажется, что когда-то я поступила очень неправильно, и всё пошло не так. Мне нужно вернуться к себе настоящей. Найти себя и жить свою жизнь.

Глава 4.

– Как ты думаешь, почему он ушёл? – спросила мама Миранду после долгого молчания обеих.

– Он сказал, что уходит от меня, но я думаю, что ему тоже нужно вернуться к самому себе, – подняла глаза на Ларису Фёдоровну Миранда. – Мне больно об этом говорить, но мы с ним потеряли друг друга не сегодня, а намного раньше. Просто продолжали жить вместе, непонятно на что надеясь. А тут подошёл замечательный возраст, когда ему уже мало быть женатым и в то же время востребованным мужчиной, ему захотелось свободы. Мне сегодня казалось, что он просто ищет повод поссориться со мной. Повод хлопнуть дверью и уехать. Мне показалось, что он просто не решился сказать мне: «Миранда, у нас больше нет ничего общего. И чувств нет. И страсти нет. Давно». Он пожалел меня, и не стал говорить, что больше не любит меня, как женщину. Что я неинтересна ему.

– Думаешь, у него кто-то есть?

– Конечно. Всегда, мама. У него всегда кто-то есть. Я ведь не совсем ушедшая в другой мир. Я прекрасно понимаю, что, так часто находясь в отъезде, он, здоровый, красивый, известный мужчина, пользующийся неослабевающим интересом у женщин, не может сдерживать себя. Он ведь не Лавров. Хотя и в том я не уверена на сто процентов. А у Костика артистическая натура.

– И ты так легко относишься к этому?

– Нет, нелегко. Особенно сейчас. Когда он сменил одеколон. Когда стал носить другие рубашки и особенно полюбил синий галстук, явно подаренный какой-то женщиной. Мне даже проще спрятаться за написание книги и делать вид, что я ничего не замечаю.

– В тебе совсем нет ревности?

– Во мне собственничества нет. Желания конкурировать с кем-то. Я ведь знаю, что проиграю. Даже Витька еще сто лет назад не преминул сказать мне, что я не красавица и подавать себя не умею. Он прав. Не красавица. И не умею. И не научилась за эти годы. Я бы должна рядом с таким мужем наоборот – блистать. Пока Витька с Нэлей встречался, та над моим гардеробом хорошо поработала, но потом, без влияния Нэли, платья сносились, а новые не появились у меня. Я свои шансы оцениваю реалистично. Но нам долго было интересно вместе. Мы подолгу разговаривали о музыке, о композиторах, об исполнителях, вообще о музыкантах. Мне было очень интересно. Я была впитывающей. А когда я стала автором, которого публикуют... Когда стала конкурировать с мужем в том, что я не только жена музыканта, но и он муж писательницы, что-то пошло не той дорогой. Я уже не хотела говорить только о музыке. Ему не очень нравилось слушать о писательстве, издательствах, критиках и новых книгах. И я не стала настаивать. Да ещё с детьми не получилось.

– Это мне особенно больно. Я не понимаю, почему у вас, молодых и здоровых, не знавших войны и голода, не получается с ребенком.

– Не надо об этом снова, мам. Врач же объяснил, что и со мной, и с Костей всё в порядке. Но так бывает. Нужно чаще стараться, подгадывать нужные дни. А как подгадывать дни, если у него гастролы? И вот сейчас я даже рада, что у нас с ним нет общих детей. Так расстаться легче.

– Жаль, конечно, что вы можете развестись. Но, с другой стороны, может, ты еще найдешь себе кого-то. Хорошего. Надежного. С кем и ребеночка родите.

– Тебе одной внучки мало?

– Мало. Я её и не вижу почти. Ритка отдала ребенка на пятидневку! Я ей предлагала. Говорила, в обычный садик отдавай, а я буду за ребенком ходить, вечерами у себя подержу, а когда надо, так и на ночь оставлю. Покормлю, помою в случае чего. Ладушка такая девочка хорошая, не капризная совсем. Так нет, Рита заупрямилась. Сказала, что не хочет, чтобы

Ладушка с нами и Витей жила, пока они не вместе. Она надеется еще на что-то, горемычная. А как на Виктора повлиять, я не знаю. Уже и отец с ним разговаривал, но только волноваться начинает, тогда у него сердце болит. Я ему велела оставить сына в покое. Пусть сам решает, как ему лучше. Он упрямый. Его не переспоришь. Главное – не пьёт. А митинги эти однажды закончатся. Не век же им быть.

– Чем закончатся, мама?

– Я не знаю. Я знаю, что жить стало беспокойно. Внучку не вижу почти. Отец твой болеет. На работе у нас преобразования какие-то предстоят. Живём, как на пороховой бочке. Уж и не знаю, чего ожидать. Поэтому и переживаю, что Витька от Риты ушёл, а Костик от тебя. Что ж это такое? Когда ж всё наладится? Ты с Костей помириться не хочешь?

– Нет, мама. Сегодня не хочу.

– А потом, может, поздно будет.

– Мне без него нужно побыть. Совсем без него.

– Смотри сама, доченька. Мы с папой всегда тебя поддержим. Отец очень переживает, но я его прошу на тебя не давить. Он ведь после того случая, когда вы спасали Лену Калымакину с её ухажером, когда они с башни в обрыв на ветки упали, проникся к твоему Костику. Зауважал его за то, что он, музыкант, не побоялся лазать везде, за руки свои не трясся.

– Это Фёдор Игнатьич тогда проявил себя настоящим героем, Мужчиной с большой буквы, а Костик как раз таки руки свои музыкальные поберег. И правильно сделал. Лена директора нашего, как следует, рассмотрела и предпочла его этим всем прославленным музыкантам.

– А в итоге музыкант тебе достался.

– Всё получилось глупо и некрасиво, – закрыла лицо руками Миранда и стала растирать его ладонями, – не хочу и вспоминать об этом.

– Хорошо, не будем.

Зазвонил телефон. Миранда прошла в прихожую, ответила на звонок.

– Алло. Да, пап. Мама ещё у меня. Хорошо, я скажу ей, чтоб она уже выходила. Не волнуйся. Хочешь, провожу её на автобус. Хорошо, пап. Спокойной ночи.

– Засиделась я тут у тебя, – тоже вышла в прихожую Лариса Фёдоровна и стала обуваться. – Ты меня не провожай. Я и сама дойду хорошо. Остановка рядом. Работай. Сырничков поешь. Совсем ты спала с лица.

– Сплю плохо.

– Оно и понятно. Отдыхай, дочка.

– Так отдыхай или работай.

– Смотри сама. Пойду уже. Засиделась совсем. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мам. Спасибо, что зашла.

Когда Лариса Фёдоровна ушла, Миранда вернулась за печатную машинку. На улице было совсем темно. В комнате горела лишь настольная лампа. Желтый абажур наполнял комнату мягким приятным светом.

Миранда постучалась к Гансу. Он коротко оглянулся на неё и повернулся спиной. Сделал вид, что чем-то очень занят. Миранда попыталась посмотреть, чем там заняты Ветка и Норма, но они задернули занавеску между комнатами и заговорили на датском.

– Почему все ваши персонажи – иностранцы? – спросил как-то Миранду репортер местной газеты в одном из интервью.

– Не знаю. Само так получается, – искренне ответила Миранда.

– Почему вы не пишете про советских людей? Они не кажутся вам интересными?

– Напротив. Это самые интересные люди. Но ко мне в качестве героев книг почему-то приходят жители других стран. Может потому, что сама я нигде не была, не могу поехать и познакомиться с ними, поэтому они сами ко мне приходят.

– Среди ваших реальных друзей и знакомых есть иностранцы?

– Есть несколько. Но это больше знакомые моего мужа. Он гастролирующий музыкант. Нередко бывает за границей вместе с симфоническим оркестром. Там заводит друзей и знакомых. Тоже музыкантов. С некоторыми из них я знакома. Но писать о ком-то из них я бы не стала.

– Почему?

– Когда ты уже знаешь историю человека, ты ограничен этой историей. Ты вынужден находиться в её рамках. А когда перед тобой только образ, то он становится самостоятельным и может рассказать о себе всё, что угодно. Зачастую даже то, чего ты от него совсем не ожидал.

– А разве не вы сами придумываете истории своих персонажей?

– Технически, конечно, я. Но как они приходят ко мне в голову, я не знаю. Надо почитать научную литературу, может, ученые уже разгадали эту тайну и всё давно объяснили.

– Я о подобном не слышал.

– А вы читаете журнал «Наука и жизнь»?

– Нет.

– Зря. Очень интересное издание. Я раньше в библиотеке его читала, а теперь на дом выписываю.

Костик очень ругал Миранду за это интервью. Оказывается, она всё сделала неправильно. И не так себя держала, и не то отвечала, и напрасно говорила правду.

– Подавать себя нужно так, чтобы ты была интересна общественности. Придумай себе образ и придерживайся его. Никогда не говори, что что-то там приходит тебе в голову. Преподноси всё так, будто это твой кропотливый труд. Пусть не думают, что писать легко. И главное – не давай повода думать о тебе, как о сумасшедшей, которая слышит какие-то голоса, которые ей диктуют. Этим ты и меня компрометируешь.

Но следовать указания Костика не получалось. Поэтому Миранда постепенно перестала давать интервью.

Сейчас она сидела в душевой комнате. Прохладный воздух шевелил занавески на окнах, но не мог заполнить собой комнату. Миранда встала, открыла пошире окно, потом открыла окна в других комнатах, прошла в прихожую, открыла дверь, устроив тем самым сквозняк. Подождала несколько минут, пока ворвавшийся порыв ветра прогуляется по всей квартире, и закрыла двери. Поспешила к печатной машинке.

«Русская. Кармен.

Катерина танцует танец под музыку из «Кармен-сюиты» Щедрина, проигрывая сюжет в миниатюре. На последних тактах, разжалованный в солдаты Дон Хосе в порыве ревности закалывает возлюбленную. Катерина падает и остаётся на сцене одна.

КАТЕРИНА: Неужели это всё? Неужели этим всё и закончится? Столько любви, столько страсти осталось в моих жилах, но я ощущаю, как холодеют руки и ноги. Мне трудно дышать. Откройте окна! Откройте двери! Впустите воздух!

(Встаёт, пошатываясь)

О, как прекрасна я была сегодня! С какой страстью я призывала! Меня слушали! Меня слушали тысячи глаз, видели тысячи ушей. Полтысячи сердец бились с моим в унисон. У меня путаются мысли. Сейчас. Но днём я говорила, и речь моя была пламенной и чистой. Я не заслужила предательства. Наказания – не заслужила. Я рождена, чтобы вести других за собой.

Да, я не могу быть просто матерью, просто женой. Стирать пеленки, готовить завтраки, обеды и ужины по бесконечному кругу. Не могу жить в угоду мужу, свекрови и всей родне. Не только мужчина может что-то значить в этой жизни, в этом обществе. Не только для мужчин мы, женщины, рождены красивыми. Любуйтесь, восхищайтесь нами, но не владейте. Дайте и нам взойти на баррикады и пробовать изменить мир. Кто сказал, что

женищины не способны бороться? Нет, мне не нужно оружие. Это не мой способ. Посмотрите в мои глаза, услышьте мои слова – и идите за мною!

Я была совсем маленькой, когда впервые увидела драку двух мужчин. Я не знала никого из них, но мне было страшно. Я боялась, что они убьют друг друга. Совсем недавно у нас умер сосед, и вся его семья страшно горевала: жена и мать его плакали так, что у всех проходящих мимо их дома закладывало уши. Дети не смели пискнуть, а только тихо выли. Я, совсем кроха, представила себе, что эти двое сейчас убьют друг друга, и тогда две жены и две матери будут причитать на всю округу, а дети тихо выть. И эти мужчины будут лежать восковыми лицами в небо со сложенными руками – спокойные и бесполезные. Мне стало страшно. Я подошла к этим дерущимся и спросила:

– Ты хочешь его убить?

Они не расслышали моих слов, не обратили внимания на меня. Тогда я подошла еще ближе и крикнула им:

– Ты хочешь его убить?

Они перестали бить друг друга и посмотрели на меня.

– Кого ты спрашиваешь? – спросил один из них.

– Тебя и тебя, – тыкнула я в каждого своим маленьким пальчиком. – Ты (!) хочешь его убить? – спросила я у одного.

– Нет, – ответил он мне.

– А ты(!) хочешь его убить? – спросила я у другого.

– Нет, – ответил мне другой.

– Тогда зачем вы убиваете друг друга?

Я была маленькой девочкой и не понимала разницы между словами «бить» и «убить». Мне казалось, что каждый удар – это ступенька к смерти. Много ударов – это лестница к смерти. И мы никогда не знаем, большая лестница за спиной этого человека или достаточно одной ступени, чтобы человек упал навсегда.

Те мужчины что-то очень долго объясняли мне про значение слов, про то, как важно для мужчины отстоять свое мнение, доказать свою правоту другому, о том, что порой это можно сделать только с помощью кулака, а иногда – только с помощью ножа. Они говорили очень долго. Но они перестали драться. Перестали убивать друг друга на моих глазах. И в тот вечер я уснула спокойно, зная точно, что их жены и матери не будут рыдать на весь город. Значит, весь город может спать спокойно.

Но сегодня, сейчас покоя в городе нет. Город бушует. Бушует волнами людей, эти волны вспороты флагами, как мачтами корабля. И я хочу... хотела быть у руля. Нет, стоять на носу корабля и отгонять морских дьяволов.

Посмотри, Дьявол, я женищина! Я прекрасна! Я не отдам в твои руки свой город. Своим горячим сердцем я сомкну руки идущих рядом, своей красотой опалю глаза твоим морским чертям, свяжусь их хвосты и накручу себе на руку.

Вот моя рука! Она может быть нежной, а может быть сильной, выносливой, как тысяча мужских рук, потому что в моей руке твоё сердце. Ты не знал? Ты забыл о многом!

Но что это? Почему так качает корабль? Почему так тяжело дышать? Болят рёбра. Болит тело. Болит! Значит, я еще жива.

Когда-то в трактире меня впервые ударил мужчина... Пьяный мужчина в плохом трактире. Я танцевала на сцене. Была совсем девчонкой. Мне нужны были деньги, а танцевать я всегда умела. Я вела себя прилично. Мне просто нравилось танцевать. Я и не видела этих плотоядных взглядов. Я слышала музыку – и мои ноги переставали принадлежать мне, мои руки двигались так, что, глядя в зеркало, я сама становилась замороженной ими. А этот мужчина в конце танца, когда я вышла на поклон к краю сцены, схватил меня за руку, сорвал вниз, грубо обнял и обшлюнявил мне шею. Я маленькими кулачками толкала его в грудь и не могла

оттолкнуть. Его слюни текли по моей шее. Мне было так противно! Я впилась в его небритое лицо ногтями. Он взвыл и отпустил меня. А потом ударил. По лицу. Наотмашь. Я упала.

Я слышала грязные ругательства в свой адрес. У меня болело лицо. У меня болели ребра, вот здесь же – от удара об пол. Кто-то помог мне встать и уйти в крохотную засаленную комнатку, где переодевались артисты. Кто-то приложил к моему лицу полотенце с завернутым в него льдом. Кто-то гладил меня по голове.

В тот трактир я больше не вернулась. Мне казалось, что во всем виноваты хмель и нищета. Мне казалось, что так себя ведут только пьяные, нищие духом и кошельком люди. Но однажды мне пришлось подставить другую щеку. По моему красивому лицу били рукой в белой перчатке. В другой руке у него была трость, на голове цилиндр. Лаковые туфли начищены до блеска.

Я отказала ему. Я! Голодная голодранка в порванном платье, с порванным сердцем и разбитыми в кровь ногами, пришедшая в большой город в поисках лучшей жизни и не успевшая тропинку к этой жизни рассмотреть в темноте дорог, отказала ему, высокородному господину.

Я шла на сцену, большую сцену, но не через коридор чужих спален.

Он ударил меня, но не сломил, не покорил, не сделал своей... вещью.

Посмотрите на меня! Я дар! Разве может солнце принадлежать одному человеку? Разве может оно светить только тому, у кого в кармане больше золотых кружляшей? Разве может оно ночью столкнуться с неба луну и звезды, чтобы занять чужое место? Нет. Солнце светит для всех и только в своё время. Я солнце! Позвольте же мне светить!

(танцует)

Если бы я жила в Испании, то меня бы звали Кармен! Только Кармен! Именно мой образ вдохновил бы Проспера Мериме. Именно я жгла бы ум и сердце Жоржа Бизе. И Щедрин назвал бы только меня своей музой.

Что? Вы говорите – они жили в разные времена и в разных странах? Но явиться каждому из них во сне мне ничто не мешает. Вот сейчас прямо отсюда явиться ко всем. Ко всем мужчинам, меня не знавшим. К каждому, кто испытывает жажду жить. К каждому, кто испытывает жажду, которую утолить невозможно.

Да, я не испанка. Я русская. Русская, но Кармен. Это только внешне кажется очевидным, что я из этих широт. Да, я умею петь русские песни так, что душа ваша перестанет принадлежать вам и будет принадлежать мне – потому что в моей груди бьется сердце бунтарки, по моим артериям и венам бежит горячая кровь, такая горячая, что мне слышатся звуки совсем неведомых песен и танцев. Такая горячая, что я воспаляю мужчин одним взглядом. Такая горячая, что окружающие женщины, сами не зная почему, ненавидят меня.

Но как это ужасно: снаружи быть Катькой, а внутри Кармен. Что мне сделать с этим телом? Почему я не скульптор, чтобы вылепить себя снова? Чтобы быть и снаружи той, кто я внутри?

(Из-за кулис разными голосами и на разные лады слышится: «Катька! Катька! Катерина! Катька! Катька»)

«Катька! Катька!» – доносится со всех сторон. Иногда «Катерина». «Екатерина Павловна» – никогда.

«Катенька», – звала меня в детстве бабушка. «Катенька, солнышко», – говорила она. Видите, она уже тогда знала, что я солнце!

И солнце горит. Солнце – догорающая звезда. Я догораю. Я русское солнце. Которое сгорает само. Которое сжигает других. Которое не знает пощады, но которое сама любовь. Не верите? Посмотрите на солнце. Какое оно разное – в Испании и у нас. Из этого города, из этого места я вижу его. И оно меня видит. Оно меня слепит. Кричит: «Закат! Закат!». И я

закрываю глаза. Как тяжелы веки. Как тяжелы ребра. Им мало места в моём теле. Зачем им так мало места?

(падает)

Звучит Хабанэра «У любви, как у птички крылья», постепенно переходит в гимн СССР «Союз нерушимый республик свободных». Катерина встаёт с пола – как марионетка на нитках.

КАТЕРИНА: Нет же! Нет! Я не просто красивая женищина. Я гражданин своей страны. Я представитель народа. Да я сама народ! Со всеми его пороками и страстями. Со всей широтой души и глубиной сердца, со всей внутренней болью, способностью любить и умением быть счастливой. Я народ. Я демос. Я соль этой жизни. Этой земли – соль.

И в то же время я птица. Маленькая птичка – колибри. Не умеющий видеть даже не заметит движения моих крыльев, даже не поймёт, каким образом я держусь в воздухе, каким образом я наполняю светом окружающий мир. Я птица свободы. Птица повстанцев. Тех, кто не боится. Тех, кто выходит из теплого дома и смело идет менять мир.

Сначала я думала, что Мериме и Бизе просто трусы. Они, французы, выбрали своими героями испанцев, чтобы говорить о смелости идти на смерть. Но потом мне открылось, что у испанцев есть то, чего нет у других. То, чего нет у французов и у русских тоже.

Коррида!

О, милый мой Эскамильо, отважный тореадор, ты не сумел пленить свободолюбивую цыганку Кармен. Даже ты – не сумел! Но восхитил моё сердце! Ведь ты, тореадор, каждый день сражаешься со смертью. И только победа над смертью даёт право на любовь. А подлинная любовь подобна смерти.

Я птица! Птица, отданная в жертву свободе!

(распахивает руки, не может удержаться на ногах и падает)

Но в моей русской жизни не было Эскамильо. Был только дон Хосе.

Вы думаете, что это мужчина? Что у него есть своё русское имя?

Возможно. Но настоящий дон Хосе моей жизни – это политический режим.

Тссссс! Тссссс!

Все жмутся по стенам. Боятся. Боятся говорить. Ходить по газонам. Лежать на газонах в опавшей листве или в благоухающих цветах.

Нужно ведь быть послушным. Нужно ходить по канату: слева направо, справа налево. Галстук завязать потуже и послушно идти туда, куда гонит стадо пастух.

Мой дон Хосе полюбил меня не сразу. Пришлось завоевать его любовь. Доказать ему, что я способная, красивая, пленяющая, умная даже. И проявление ума заключалось в способности не противоречить ему. Но однажды мне надоело. Однажды я устала. Однажды я поняла, что что-то значу. Что могу жить без него. Жить вопреки ему.

Пусть другие, не знавшие боли и унижений, разочарований и страха, ему верят, за ним идут, умоляют защитить. Они думают, что дон Хосе всё ещё сержант, а он ведь давно разбойник. Вы просто не заметили этого. Вы просто не знаете, что на его совести чужая кровь.

Но посмотрите – я проколота его рукою. Посмотрите. Откройте глаза шире. Откройте разум. Это его нож пронзил мои рёбра.

Я хотела уйти. А он не мог отпустить.»

Закончив, Миранда протерла двумя руками уставшие глаза, встала размять затекшие ноги и одеревеневшую спину. Пока она писала эти несколько листков текста, у неё было впечатление, будто она засовывает руку в глубокий чан, доверху заполненный густым белым киселем. Она нащупывает в этом киселе отдельные слова, достаёт их и цепляет на леску – одно за другим. Слова связаны между собою паутинными нитями. Главное – не порвать нити. Уловить связь. Задержать её, укрепить. Собрать вместе нужные смыслы.

Пока писала, Миранда совсем не думала про Лену, но в голове Миранды шло кино: Лена на сцене играла эту пьесу. Лена на сцене была Катериной.

Воплощением Катерины больше никто не мог быть. Может быть, сама Миранда хотела что-то сказать о себе в этом монологе, но не нашла места. Пока – не нашла.

Она посмотрела на часы: было три часа ночи.

Не переодеваясь, Миранда упала на кровать, прямо на одеяло. Другим его концом накрыла свои плечи и провалилась в сон.

Миранда увидела крупным планом лицо Грэга, главного героя своего первого романа. Он стоял прямо, спрятав руки в карманы куртки. Его со всех сторон обдувал сильный ветер, отчего волосы на голове Грэга метались, напоминая порванные паруса. Он смотрел с болью в глазах на сцену. Он смотрел с болью в глазах на Кармен. Русскую Кармен – испанку в исполнении Майи Плисецкой. Рядом с ним корчилась в подобию танцевальных па Катерина. На неё смотреть он не мог.

– Зачем ты это делаешь? – спросил Грэг у Миранды.

– Я хочу дать ей возможность сказать о своей боли, – ответила Миранда.

– Тогда пусть говорит своими словами. Зачем из работницы фабрики делать балерину?

Миранда проснулась. Подошла к столу с печатной машинкой, включила лампу.

«Звучит музыка. Катерина снова «умирает» на сцене, отползая к стулу, на котором висит пиджак. Поднимается, садится на стул, снимает со спинки стула пиджак, надевает его, меняет осанку, приобретает другой характер. Играет следующую роль.

КАТЕРИНА: *Сегодня на митинге мне в спину воткнули нож. Начальник смены протиснулся ко мне и сказал:*

– Недотёпова, завтра мы тебя уволим. За участие в несанкционированных митингах. Уволим сегодняшним числом.

– Пора бы запомнить мою фамилию. Я Недотопова. Для вас – Екатерина Павловна. И попрошу впредь обращаться ко мне только так. Ваша обойная фабрика с бесчисленным количеством трафаретов заставляет вас думать, что те, кто не помещается в трафарет, автоматически попадают в брак. Так вот. Я не брак. И больше не винтик вашей бесконечно дублирующей себя системы. Я человек мыслящий. Я гражданин. Я люблю свою родину и ненавижу своё государство. И это неправильно. Я хочу жить в такой стране, которой смогу гордиться. И я делаю всё для этого. Всё, что в моих силах.

– Делай, Недотёпова, делай. Свободный ты наш гражданин государства. Но завтра мы тебя уволим. И денег не жди. Оштрафуем тебя – за что-нибудь. За что – найдём, не сомневайся.

КАТЕРИНА: *Хороший удар в спину. Шатаюсь до сих пор. Но на ногах держусь. (навевает слова Хабанеры:)*

У любви, как у птицы, крылья,

Её нельзя никак поймать.

Тщетны были бы все усилия,

Но крыльев ей нам не связать.

Всё напрасно – мольба и слёзы,

И страстный взгляд, и томный вид,

Безответная на угрозы,

Куда ей вздумалось – летит.

Любовь! Любовь!

Любовь! Любовь!

Вы думаете, Кармен поёт о любви? А я вам говорю, что она поёт о смерти. Любовь возвышает, а смерть тянет в пропасть.

Послушайте (поёт): У любви, как у птички крылья, её нельзя никак поймать.

Всё еще сомневаетесь. Но вот же! Вот же!

(поёт) Тщетны были бы все усилия, Но крыльев ей нам не связать.

И так четыре раза! Четыре! И только потом!

(поёт) Любовь! Любовь! Любовь! Любовь!

Я праздную торжество любви на кончике смерти! Лишь в последнем шаге прощания настоящего осознаешь, как же прекрасно жить и любить. Как мелочны все обиды и ссоры, как нелепы упрёки и фальшивые слова.

Мама, прости меня. Я столько раз по-детски говорила тебе: «Я больше не буду» и поступала не так снова и снова.

Прости меня. За то, что не берегла твои чувства. Что спорила с тобой. Бросала тебе в лицо горькие слова. За то, что бросала слова – громко, грязно, низко – прости меня, мама.

Как смела я быть сердитой, быть непреклонной, злой?! Как могла не благодарить жизнь за каждую секунду с тобой?!

Нет, нет! Не думай, что я стою здесь, чтобы что-то доказать тебе. Я просто хочу изменить этот мир, хотя бы немножко поучаствовать в том, чтобы он стал лучше. Чтобы родители не волновались за своих детей. Чтобы дети не кричали на своих родителей. Чтобы никто ни на кого не поднимал руку. Чтобы в этом просто не было никакой нужды. Чтобы в человеке просто пропала способность бить беззащитного и безвинного другого. Вот он поднимает руку, чтобы ударить, а опустить и совершить удар уже не может. Я хочу, чтобы стало так.

Прости, что я стою здесь сейчас с дыркой в рёбрах. Я не хотела. Честное слово, я не хотела. Делать тебе больно через мою боль.

Время, вселенское время глухо и беспощадно. Но даже если отмотать его назад, я всё равно пришла бы на эти баррикады жизни, я всё равно поднялась бы на самый верх, моя красная юбка металась бы на ветру и призывала оглядеться вокруг и увидеть, в каких тисках мы живём и с каким трудом дышим. Моя белая блузка напомнила бы всем, что внутри мы чисты и праведны, свободны и равны.

Что? Не нужно о равенстве? Почему? Шар не равен кубу, танец не равен песне? Жизнь не равна смерти? Но смерть подводит черту. Две черты. Ставит знак равенства для всех.

Мама, мама! У меня болят ребра! Я хочу к тебе! Хочу склонить голову на твоё плечо и уснуть под колыбельную моего детства.

(снимает красную юбку и оказывается в белой сорочке, танцует одновременно представляя себя и мать, и ребенком)».

Миранда посмотрела на часы: обе стрелки опустили головы вниз, слились в одну линию, указывающую на цифру шесть.

– Можно еще пару часов поспать, – сказала сама себе Миранда, расстелила постель, переоделась в ночную спортивную майку Костика и быстро уснула.

Глава 5.

Проснулась от настойчивого телефонного звонка.

– Алло, – хриплым голосом ответила Миранда.

– Доброе утро, Мира, – прозвучал в трубке голос Кости. Холодно прозвучал. – Сегодня Золотянский заедет, заберет мою папку с нотами. Коричневую. Кажется, я её на столе оставил. Или на полку с нотами положил. Отдай её ему, пожалуйста.

– Хорошо, отдам, – прокашлявшись, ответила Миранда.

– Ты заболела?

– Нет, просто с утра голос не появился, так прокашлялась.

– Опять писала ночью?

– Писала. А ты как там... один?

– Всё хорошо. Не волнуйся. Ко мне тут приезжают. Не дают скучать.

– Вернуться не хочешь?

– А ты хочешь, чтобы я вернулся?

– Что-то вернуть мне хочется. Это правда.

– Миранда, надеюсь, ты понимаешь, что по окончании гастролей жить на летней даче будет уже холодно. Тем более у меня инструмент. Находясь дома, слушать целыми днями печатную машинку, соревнующуюся с Дворжаком – не понимаю, почему именно этот его концерт так пришелся тебе по душе – я не собираюсь. Пока это было стучание на машинке моей любимой жены, это можно было вынести, а теперь незачем. Ты же понимаешь, что за время моего отсутствия тебе лучше подготовить свои вещи, а еще лучше перевести их туда, где ты намерена жить. Квартира перешла мне по наследству от бабушки. Я уверен, ты не будешь претендовать на часть жилплощади. Я надеюсь на твою порядочность в отношении вещей в доме. Но всё, что тебе жизненно необходимо, конечно, забирай.

– Я поняла тебя, Костя. Присылай своего Золотянского. Всё ему передам.

– Вот и договорились.

Положив трубку, Миранда прошла на кухню, поставила чайник на огонь. Затем умылась, почистила зубы. Решила заварить себе крепкий кофе. Достала баночку с мёдом. Знакомый пасечник угостил Костика замечательным мёдом. Осталась последняя баночка. Миранда подумала о том, что теперь придется самой с ним договариваться или покупать мёд на рынке. И такой хороший кофе, какой привозил Костик из поездок, пить уже не придется.

– Что ж, можно перейти на чай с сахаром. Или пить компот, – рассуждала вслух Миранда.

– Правда, компот совершенно не бодрит. Особенно, когда ты полночи писала, – сообщила Миранда турке, насыпав в неё перемолотый кофе и залив кипятком.

На часах было девять утра.

– Ганс или Катерина? – задала Миранда вопрос запыленной люстре в кухне.

В дверь позвонили.

– Калымакина, – вздохнула Миранда и пошла открывать двери прямо в майке, которая не доходила даже до середины бедра.

– Писательница, дай два рубля. Очень нужно, – прогнусавил помятого вида мужичок.

– Дядя Миша, у меня нет. Я вам уже сто раз говорила: не ходите ко мне за деньгами на опохмел.

– А ты напиши про такого как я! – начинал распаляться неудовлетворенный жизнью сосед. – Как меня жена бросила. Как жизнь меня била! Про несправедливости все напиши. Про соседку-писательницу, которой двух рублей человеку жалко. Вот, про скупердяйство человеческое напиши! – наступал сосед, грозя Миранде кривым и заскорузлым пальцем. – Или дай два рубля!

– До свиданья. Хорошего дня, – сказала Миранда и захлопнула дверь. Из кухни потянуло запахом сбежавшего кофе.

– Вот чёрт! – выругалась Миранда и побежала снимать турку, выключать газ и ликвидировать последствия неудачной варки кофе.

Всё помыв и поставив новую порцию, Миранда даже вздрогнула от нового звонка в дверь. Но на этот раз она предусмотрительно выключила огонь под туркой и пошла открывать двери. Ощущая некоторое раздражение внутри, она резко открыла дверь со словами:

– Незачем ко мне хо... Кхм, – поперхнулась собственными словами Миранда. – А, это ты, Егор. Проходи. Константин Ильич звонил. Я сейчас.

– Доброе утро, Миранда Александровна, – поздоровался с Мирандой ученик Костика. – Извините, что так рано. Но Константин Ильич очень просил меня как можно раньше привезти ему ноты, – постепенно, по мере удаления Миранды в спальню, повышал голос Егор Золотянский.

Миранда сняла майку, надела свои обычные спортивные штаны и рубашку, нашла нужную папку с нотами и вернулась в прихожую.

– Вот, – протянула она папку юноше.

– Спасибо, – ответил Егор. – А можно у вас попросить воды попить, а то душно уже с утра, – громко сглотнул он.

– Да, конечно. Тебе сюда принести или на кухню пройдешь?

– Пройду, если вы не против?

– Да чего там?! Проходи.

– Ммм, вы кофе варите? – принялся к запаху в кухне Егор.

– Пыталась, но неудачно. Первая порция сбежала. Со второй ты меня спугнул.

– Так вы заваривайте, не спешите. Я подожду. Я не тороплюсь. Я бы посидел немного. А то автобус на вашу дачу через полтора часа только.

– Тогда чего ты так рано приехал?

– Да меня Константин Ильич очень торопил, а я только, подъезжая к вам, понял, что ехать-то на дачу, а раньше автобуса я туда никак не доберусь.

– Понятно. Кофе будешь?

– Нет, что вы! Только если немножко.

– Хороший кофе кружками никто и не пьёт, – усмехнулась Миранда.

– А это что у вас, плюшка?

– Да, осталась одна. Угощайся.

– А как же вы?

– А я и без плюшки хорошо выгляжу.

– Да, подтверждаю, вы, Миранда Александровна, всегда замечательно выглядите!

– Кто тебя научил так кособоко льстить?!

– Почему кособоко? – обиделся юноша. – Мама называет это комплиментами.

– Либо мама твоя тебя обманула, либо ты что-то напутал. А слова твои – низкопробная лесть, Егор. Я в домашней одежде, еще даже непричесанная, чудом успела умыться. Без косметики. Стою здесь перед тобой, над туркой колдую, а ты мне – «замечательно выглядите»! У меня уже весь возраст на лице!

– А сколько вам?

– Тридцать пять.

– А моей маме сорок два. Её я тоже видел в домашней одежде, утром и без косметики. Вы выглядите лучше.

– Может, в сорок два я буду выглядеть старше?

– Может быть, я не исключаю такой возможности. Но сейчас же вы выглядите лучше. А мама моя красавица! И если вы выглядите лучше моей мамы красавицы, значит, вы выглядите замечательно! – сиял Егор. – По-моему, всё логично.

Миранда рассмеялась.

– У тебя такая обезоруживающая логика, Егор. Я в восторге! – сказала смеющаяся Миранда.

– Правда? Я очень рад, – расплылся в улыбке юноша. – Кофе!

– Ой, – вскрикнула Миранда, но успела снять с огня турку. – Спасибо! Это мой кофе. Сейчас тебе заварю. Не такой крепкий. Ты ведь еще ребенок.

– Я бы так не сказал, – возразил Егор.

– Да не красней ты так. Тебе сколько ложек сахара?

– Две, пожалуйста.

– Хорошо. Ты собираешься целый час у меня сидеть? – спросила Миранда, прищурившись, глядя на юношу и с удовольствием глотая обжигающий крепкий напиток.

– Вы против?

– Мне работать нужно. Если тебе некуда податься, можешь пока на пианино поиграть или что-то из книг посмотреть. У Константина Ильича замечательная подборка книг по искусству, – сказала Миранда, явно намереваясь покинуть кухню, как только кофе для гостя будет готов.

– Спасибо. Я посмотрю обязательно. А о чём вы сейчас пишете? – не хотел отпускать Миранду юноша.

– О чём? – задумалась Миранда. – Трудно сказать.

– Но всё-таки? – настаивал Егор.

– Я пишу о человеке, который пострадал в столкновении с хранителями порядка. У него сломан позвоночник. И он потерял память.

– Очень интересно! – блеснул искренним интересом в глазах Егор, опираясь подбородком на одну руку.

– Но я пока не знаю, получится ли из этого роман или вообще ничего не получится, – допила Миранда кофе и сполоснула чашку. – А, может быть, я скачусь в малую прозу – и это будет только рассказ.

– Почему «скатитесь»?

– Так мой редактор Прохоров говорит. Страшает меня тем, что я скачусь в малую прозу и придется ему вместо романа издавать сборник рассказов. А это уже ценится совсем иначе и денежно оплачивается тоже.

– Дороже?

– Нет, дешевле.

– Разве рассказы хуже романа?

– Нет, не хуже. Но меньше. Значит, в одной книжке будет много рассказов. А, как показывает практика, из десяти рассказов все десять одинаково удачными быть не могут.

– А вы уже писали рассказы?

– Несколько. Это начатые якобы романы, которые не доросли даже до повести. Росли, росли, но не доросли. Сначала я хотела их просто выбросить, а потом усиливала кульминацию и делала быструю развязку.

– Вы очень интересно рассказываете.

– Твой кофе готов, – налила напиток в чашку Миранда. – Держи. Выпей здесь, а потом можешь пройти в гостиную. Там пианино и книги, – сказала она и направилась к выходу из кухни.

– А вы? – привстал Егор.

– А я пойду работать.

– А можно мне почитать то, что вы сейчас пишете? – встал он, оставив дымящийся кофе на столе.

– Почитать? Зачем? – смотрела на него в недоумении Миранда.

– Это так интересно. Никогда не читал рукописи настоящего романа. Или рассказа.

– Даже не знаю, Егор. Когда-то давно, когда я писала свой первый роман, мой брат, он тогда был чуть старше, чем ты сейчас, читал написанное мною по мере его написания. О, писатель называется! Масло масленое. Словом, неважно. Брат тогда читал, и родители тоже. Мама даже сотрудницам на работу носила и в обеденный перерыв читала им новые страницы. Но так давно уже никто не делает. Брат мой последний изданный роман даже не читал, наверное.

– Так можно?

– Не знаю. Егор, ты ведь музыкант. Зачем тебе читать чьи-то еще не дописанные романы или рассказы?

– Я сам немного пишу, – краснея, признался юноша.

– Ах, вот в чем дело! – рассмеялась Миранда. – А следующим шагом, должно быть, будет предложение прочесть что-то написанное тобой?

– Я не мог бы и надеяться на это! – воскликнул обрадованный Егор. – Но был бы счастлив! У меня как раз с собой есть три новеллы, – сказал он и стал рыться в своём портфеле.

– Новеллы, значит, – скептически смотрела на юношу Миранда.

– Да, вот, – протянул он ей три тетради.

Миранда заглянула в одну. Там крупным размашистым, но каллиграфическим почерком были исписаны все страницы.

– Я специально для вас переписал, – сиял Егор.

– Надо же. Ну, оставь свои тетради у меня. Как будет свободное время, я почитаю. Потом скажу тебе. Что-нибудь. Только ты меня не торопи. И прочесть в ближайшие же дни не требуй. А то вообще читать не буду.

– Хорошо, – сложил руки ладонками друг к другу обрадованный Егор.

– Пей свой кофе и плюшку доедай. У тебя еще сорок минут. Пианино и книги в твоём распоряжении, а меня пока не беспокой. Хорошо?

– Хорошо. Кхм, – поперхнулся крепким кофе Егор.

Миранда опять почти вышла из комнаты, но в дверном проёме её снова остановил голос юноши.

– А как вы думаете, Миранда Александровна, «Золотянский Егор» – хорошо звучит? Или мне лучше подумать о псевдониме? Вы вот фамилию свою менять не стали. Миранда Васнецова, действительно, звучит лучше, чем Миранда Павлова. А Егор Золотянский звучит красиво, но мягко как-то. А я же всё-таки мужчина!

– Слушай, мужчина, я уже достаточно тебе времени уделила. Пей свой кофе и соблюдай приличия.

– Да, конечно. А книги все можно брать?

– Еще одна реплика с твоей стороны, и тебе придется ждать автобус всё оставшееся время на вокзале, – строго посмотрела на юношу Миранда.

– Я понял, – улыбнулся он глупой улыбкой.

– Вот и хорошо, – наконец-то смогла уйти к печатной машинке Миранда.

Но не успела она устроиться на своём привычном рабочем месте, как снова раздался звонок в дверь.

– Неужели всё-таки Калымакина! – вздохнула Миранда и направилась в прихожую.

– Васнецова, я пришла оказывать на тебя положительное воздействие. Я же прекрасно знаю, что если не оказывать на тебя воздействие, то ты так ни за что и не возьмёшься, – сразу набросилась на Миранду подруга, на ходу разуваясь в прихожей.

– Привет, Лена, – взяла двумя руками за плечи подругу Миранда. – Я так рада тебя видеть! Вернее, я так рада, что наконец-то это ты, а то я уже устала двери открывать и всё не тебе. Я знала, что ты не выдержишь и придешь. И вот ты пришла. А я полночи писала пьесу для тебя. Даже что-то уже написала. Чтобы избежать утреннего четвертования от Калымакиной Лены.

– Здравствуйте, – появился в дверном проёме кухни Егор.

– Здравствуйте, – поздоровалась с ним в ответ Лена и с заинтригованной улыбкой посмотрела на Миранду. – Как неожиданно! А кто это у нас тут такой? – А потом зашекотала Миранду в самое ухо: – Васнецова, ты что, любовника себе завела? Зачем такого молодого? Он же совсем мальчик! – последнее слово вырвалось у неё ощутимо громче и не могло быть не услышано Егором.

– Я уже не мальчик, – возразил юноша.

– Не надо таких подробностей! – подняла руку вверх Лена. – Сочетание прыщей, очков и невнятных усиков на лице мужественности не придаёт, – без стеснения рассматривала Лена Егора, а потом снова зашептала в ухо Миранде: – Я и не подозревала, что тебе такие нравятся!

– Познакомьтесь, – решила сразу всё разъяснить Миранда. – Елена Багратионовна, это Егор Золотянский – ученик Константина Ильича, приехал за нотами, сидит здесь ждёт автобус, который увезет его на дачу к великому учителю. Егор, это Елена Облонская, актриса нашего народного театра, моя давняя подруга. Для тебя – Елена Багратионовна.

– Очень приятно, – качнул головой Егор. – Вы актриса! Это потрясающе! И Миранда Александровна пишет для вас пьесу! Это восхитительно! А я принес Миранде Александровне свои новеллы почитать. Хотите – и вы почитайте! Мне будет очень приятно! А когда ближайший спектакль с вашим участием? Я обязательно приду на него. А потом новеллу про вас напишу.

– Нет, похоже, это не любовник, – снова зашептала Лена в ухо Миранде, – это какое-то несуразное создание. Где ты его откопала?

– Он приехал за нотами, – напомнила Миранда. – Скоро уедет.

– Это хорошо, потому что нам над пьесой работать нужно, – озадаченно смотрела на юношу Лена.

– Так когда спектакль? – напомнил о себе Егор.

– Не знаю, – развела руками Лена. – Я еще пьесу не видела.

– Нет, я имею в виду, когда ближайший спектакль с вашим участием? – уточнил Егор.

– Ааа, – задумалась Лена. – Дай сообразить. Во вторник нет, в среду меня заменили, в четверг тоже. Вот, в пятницу я играю. Правда, у меня там эпизодическая роль, но очень яркая.

– Это замечательно! Я приду! – сиял Егор.

– Идём работать, – взяла под локоть Миранду Лена и увела к печатной машинке.

– Я сделала всё, что могла, – протянула Миранда листы Лене. – Это еще не дописанный вариант. Я больше просто не успела. Туго идёт. Героиня ведет себя парадоксально, очень неожиданный для меня персонаж, очень эмоциональный. В принципе, как ты и хотела.

Лена схватила листки, начала читать и сразу стала радостно улыбаться. Даже подпрыгнула и взвизгнула от радости. Потом стала вчитываться, огляделась по сторонам, нашла взглядом диван, села на него и продолжила читать. Пока читала, гримасничала, то заинтересовываясь, то удивляясь, то восхищаясь, то недоумевая. В итоге вошла в гримасу настороженности и осуждения, и так с ней и осталась, пока не дочитала до конца.

– Васнецова, ты, с ума сошла? Что ты тут нагородила? У нас не такой прогрессивный театр, чтобы ставить такие постановки!

– Так найди себе прогрессивный театр! Ты просила написать для тебя пьесу, где ты красавица-испанка, по которой сходят с ума мужчины и которая в начале спектакля танцует страстный танец. Я все твои запросы выполнила. Все. С меня спросу нет. А уж прогрессивный у вас

театр или нет, это уже не моя забота. Скажи спасибо, что я, как автор, у тебя денег за пьесу не прошу.

– Какая ты стала меркантильная, Васнецова.

– У меня простой в работе. Я без денег сижу. Пишу ночами для тебя пьесы, а ты меня еще в меркантильности упрекаешь?

– Не пьесы, а пьесу. И в этой придется все переделать.

– Вот бери и сама переделывай!

Миранда попыталась сосредоточиться на последних абзаца про Ганса, но цветное пятно, маскирующееся под Лену, мозолило периферийное зрение и не давало покоя.

– Мирандочка, милая, – вдруг заговорила Лена совсем другим тоном. – Ты же понимаешь, что такое играть невозможно. Здесь всё нелогично, непонятно. Как такое вообще может быть?

– Это театр абсурда, – повернулась к подруге Миранда. – Тебе ли не знать? Здесь все метафорично. Все сказанное нужно делить на шестнадцать.

– Делить на шестнадцать? Зачем? Что это значит?

– Это значит не воспринимать буквально. Не верить стопроцентно. «Делить на шестнадцать» – это устойчивое выражение. Это идиома.

– Да ты сама ходячая идиома! – вернулась в русло упрёков Лена.

– Ты хотела сказать – идиотка!

– Заметь: хотела, но не сказала.

– Мне, действительно, уже кажется, что я живу внутри театра абсурда. Внутри плохой пьесы.

– Вроде той, что ты мне написала?

– Хуже.

– Куда уже хуже?

– Катерина стоит на пороге смерти, переосмысливает свою жизнь. А жизнь у нее содержательная, яркая, о ней есть, что рассказать. Она саму себя считает солнцем.

– Да, ты у нас не солнце, ты у нас бледная луна.

– Я не понимаю, что происходит в стране. Не понимаю, как я могу повлиять на происходящее.

– Не волнуйся, за тебя повлияют.

– Я просто сижу в своей норке, даже на улицу воздухом подышать не выхожу. Да, скоро придется съехать отсюда, ютиться у родителей на прежнем Витькином месте. Мою комнату он сейчас занимает. Папа любит телевизор смотреть. Где я буду работать, я не представляю. Может, Федор Игнатьич возьмет меня назад в машинописное бюро?

– Ага, и выделит тебе отдельный кабинет, чтобы ты за зарплату машинистки сидела и писала на работе свои романы.

– Это было бы чудесно.

– Держи карман шире.

– Вот, снова идиома.

– Снова ты, ведешь себя как идиотка, Васнецова. Федя тебя на работу взять не сможет. На таких условиях. Да и просто машинисткой тоже. Ты ведь теперь писатель! Писатели машинистками не работают.

– В стране абсурда работают.

– А ты переезжай из страны абсурда в нормальную страну. Вот как я. У меня никакого абсурда нет. Кроме пьесы твоей, конечно. Вот скажи мне, как она у тебя сначала в трактире танцует, а потом на фабрике работает. Это две разные женщины?

– Может, в современной Кате ее прапрабабка генетически проявилась, заговорила, – предположила Миранда.

– Так ты об этом писала?

– Нет, это Катерина мне так рассказывала свою историю. А я уже пытаюсь найти этому объяснение. Но понять и оправдать своего героя – это уже твоя задача, а не моя.

– Так мне же понять нужно, что тут происходит.

– Она умирает в борьбе за правое дело. Всё.

– Всё? Ты хочешь, чтобы я целый час на сцене умирала?! – возмутилась Лена.

– Здрасьте, приехали. А для кого там столько танцев?

– Но ты даже в танце, уже в самом начале, меня убила!

– Это не я. Это авторы до меня. Все претензии к французам, убивающим испанок.

– К кому? – не поняла Лена.

– К французу Просперу Мериме, – начала пояснять Миранда, – который написал новеллу «Кармен», к композитору Жоржу Бизе, который написал оперу по этой новелле, потом уже к русскому композитору Щедрину, который написал балет «Кармен-сюита» для своей жены Майи Плисецкой. К ним всем претензии предъявляй. Это они Кармен многократно убили. Но ты же любишь страдать... На сцене. Вот и страдай. Ты же у нас драматическая актриса. Вот тебе и драма. Или трагедия. Я их путаю. Я же не драматург, Калымакина. Что ты от меня хочешь?

– Я пьесу от тебя нормальную хотела, – начала всхлипывать Лена. – Нет, гениальную пьесу. Под стать моему таланту. И ты такое хорошее начало написала, а потом муть какую-то. А если всю муть вычеркнуть, то от пьесы ничего не останется. Ыыыыы, – начала выть Лена. – Зачем ты так со мной?!

– Всё, порепетировала? А теперь можешь с этими же эмоциями какой-нибудь монолог почитать. А я посмотрю, получается ли у тебя.

– Какой монолог?

– Да хоть вот этот. Где она обращается к матери.

– К матери – это я так сразу не смогу.

– Тогда вот этот. Вот отсюда, где про пеленки.

– Мгу, сейчас.

Лена вчиталась в текст. Потом закрыла глаза. Открыла и стала говорить так, что никто не поверил бы, что это говорит та же Лена.

– Да, я не могу быть просто матерью, просто женой, – воодушевленно и театрально заговорила Лена, невидящим взглядом устремившись куда-то за пределы стен. – Стирать пеленки, готовить завтраки, обеды и ужины по бесконечному кругу. Не могу жить в угоду мужу, свекрови и всей родне. Не только мужчина может что-то значить в этой жизни, в этом обществе. Не только для мужчин мы, женщины, рождены красивыми. Любуйтесь, восхищайтесь нами, но не владейте. Дайте и нам взойти на баррикады и попробовать изменить мир. Кто сказал, что женщины не способны бороться? Нет, мне не нужно оружие. Это не мой способ. Посмотрите в мои глаза, услышьте мои слова – и идите за мною!

– Ну, вот! У тебя прекрасно получается, – искренне похвалила её Миранда.

– Да, что-то в этом есть. То есть ты предлагаешь мне уже начать репетировать?

– Да, и не дурить мне голову. Мне через две недели отсюда съезжать, а я еще роман не написала.

– Но пьеса ведь не дописана.

– Так и ты прогрессивный театр еще не нашла. Может, пока режиссера найди. Современного, сумасшедшего... В хорошем смысле слова. Который тебе эту пьесу поставит. Или Мериме инсценирует. Словом, ты уже можешь начинать работать, – встала Миранда и жестом пригласила Лену к выходу.

– Ты меня выгоняешь, что ли?

– Я тебя провожаю до двери, чтобы приблизить к реализации твоей мечты.

– К реализации мечты – это хорошо. И рукопись ты мне отдаешь?

– Даю. Перепечатать. Мне же ее дописать нужно. Ты перепечатай себе экземпляр, а мой мне принеси. Можешь не сегодня.

– Договорились!

Они вышли в прихожую, следом за ними тут же появился Егор.

– Вы так выразительно... и громко что-то читали, – сиял он. – Я совершенно нечаянно всё слышал. Это было великолепно! Вы настоящая актриса! Я в искреннем восторге! Мы обязательно с папой придем на ваш спектакль!

– И цветы захватить не забудьте, – кокетливо улыбалась Егору Лена. – Я розы предпочитаю. Чайные. Шучу-шучу, – рассмеялась Лена. – Обычные розы. Большим букетом.

– Всенепременно! – воодушевился Егор. – А вы, Миранда Александровна, почему отсюда съезжать собираетесь? Вам разве здесь жить не нравится?

– Ей нравится, Егорушка, нравится, – ответила за Миранду Лена. – А ты бы так не прислушивался к чужим разговорам.

– Да я и не прислушивался, – стал оправдываться Егор. – Здесь просто хорошая слышимость, а у меня тонкий музыкальный слух.

– И как, никто не сфальшивил? – в голосе Миранды слышалась угроза.

– Что, простите? – не понял вопроса Егор.

– Говорю, слух твой музыкальный никакой фальши не услышал? – пояснила Миранда.

– Ты вообще зачем сюда приехал, Егор?

– За нотами, – ответил он.

– А может, обстановку разведать? – наступала на Егора Миранда. – Приехал, на кофе napросился, плюшки съел, сделал всё, чтобы задержаться.

– Так автобус же... – залепетал Егор.

– И про автобус придумал! – не сдавалась Миранда.

– Да не наседай ты так на парня, – встала между Мирандой и Егором Лена. – Мы его сейчас перевербуем, – а потом повернулась к Егору и ласково обняла его за одно плечо. – Егорушка, мальчик, а скажи-ка, ты к Константину Ильичу на дачу надолго едешь?

– До вечера, – несколько растерянно ответил Егор. – Он обещал позаниматься со мной, несмотря на свой отпуск. У меня на следующей неделе выступление в консерватории. Он помогает мне подготовиться. В индивидуальном порядке.

– Молодец какой! – похвалила Лена. – Значит, ты целый день у него будешь? А он там один или еще с кем-то занимается?

– Лена, не смей! – сердито смотрела на Лену Миранда.

– Вполне невинный вопрос, Миранда Александровна, не кипятитесь так, – ответила ей Лена и продолжила беседу с Егором. – Итак, Егорушка, твой учитель еще с кем-то занимается?

– Я точно не знаю.

– Так ты разузнай для нас, пожалуйста.

– А зачем?

– Чтобы утолить наше женское любопытство. Нужно же нам понять, почему Константин Ильич всё время так занят. Но это будет наш с тобой маленький секрет. Представляешь? Твой и мой!

– Ты про меня не забыла? – напомнила о себе Миранда.

– Нет, конечно, – ответила ей Лена. – Я же для тебя стараюсь!

– Столько старательных вокруг – спасу нет! – возмутилась Миранда. – И покоя тоже. Слушай, Егор, а почему бы тебе не проводить Елену Багратионовну? До автобуса время еще есть.

Егор ошарашено посмотрел сначала на Миранду, потом на Лену, улыбнулся и обратился к Лене:

– А вы позволите?

– Конечно, позволит, – ответила за Лену Миранда. – Еще и пригласительный на спектакль тебе пообещает.

– Пообещаю? – удивилась Лена.

– Всенепременно, как говорит Егор, – заверила Миранда, сверля взглядом подругу.

Лена снисходительно посмотрела на Миранду:

– Тебе словечко понравилось?

– Именно! – подтвердила Миранда.

– Вдохновляет на творчество? – с сарказмом поинтересовалась Лена.

– Очень! – подыграла ей Миранда.

– Тогда не будем мешать, – приняла решение Лена.

Егор сиял:

– Ой, мне так приятно, Миранда Александровна, от осознания, что я одним неосторожным словом вдохновил настоящего писателя!

Лена оценивающим взглядом посмотрела на Егора и с вызовом сказала:

– Егор, а как на счет беседы с настоящей актрисой?

– Я... я... я просто счастлив! – стал задыхаться Егор.

– Значит, уходим! – заявила Лена.

Егор подал Лене её дамскую сумочку и поспешил попрощаться с хозяйкой дома:

– Миранда, Александровна, до свидания. Спасибо за кофе. И плюшку.

– На здоровье! – буркнула ему в ответ Миранда.

Лена заглянула в зеркало, достала помаду и поправила макияж:

– Миранда Александровна, сосредоточьтесь на нашей пьесе! Я вечером позвоню!

– У меня еще роман, – напомнила Миранда.

– Пьеса важней! – бросила помаду в сумочку Лена.

– Идите уже! – сказала Миранда и закрыла за гостями дверь.

Наконец-то она осталась одна.

Подошла к проигрывателю, достала пластинку из картонных объятий, сдула невидимые пылинки, положила на диск, поставила иглу на край черного круглого пластика, включила свой любимый концерт для виолончели с оркестром си минор Дворжака, в исполнении Константина Павлова и государственного симфонического оркестра.

Костик не любил эту запись, раздражался, когда Миранда снова и снова слушала ее. Не мог простить себе двух ошибок. И еще больше – того, что рассказал о них Миранде.

– Вот здесь, сейчас, слушай. Я поторопился, – с досадой говорил Костик, когда они первый раз слушали вместе этот концерт. – А вот здесь чуть опоздал.

«Как в жизни», – подумала тогда Миранда, но вслух ничего не сказала, только погладила Костика по руке.

Полюбила слушать этот концерт и замечать ошибки. Но и не только их. Концерт заряжал Миранду на творчество, помогал работать. Позволял ошибаться. Она однажды услышала очень мудрую фразу от кого-то из других писателей: «Человек ценен и своими ошибками тоже». И перестала излишне корить себя за недочеты.

Она попыталась вспомнить написанное для Лены. Почему-то сегодня всё виделось иначе. Теперь на месте Катерины была сама Миранда. Укачав на руках несуществующего ребенка, она обратилась в зал.

«КАТЕРИНА: Мне самой порой кажется, что я застряла между мирами. Что я одновременно и здесь и где-то там, в других столетиях, в другой одежде, с другими волосами и даже чертами лица. И тело у меня всегда другое. А суть одна. Я женищина, которая хочет сделать мир лучше. Я женищина, которая не может не видеть грязь человеческих душ, боль человеческих сердец, свет человеческих глаз. Грязь можно стереть или вымыть, боль утешить, а свету нужно дать светить ярче. Зачем-то я пришла в этот мир. Зачем-то я при-

хожу сюда снова и снова. Снова поднимаюсь на баррикады, снова подставляю свои ребра под нож, снова падаю и умираю.

(звучит «Реквием» Моцарта).»

Миранда встала из-за стола, подошла к проигрывателю, сменила пластинку. Из окон комнаты на залитую сентябрьским солнцем улицу полились звуки скорбного вселенского плача. Моцарт оглушал и заполнял всё собою.

«Катерина стоит неподвижно, лишь постепенно поднимает голову вверх, затем задирает её, протягивает руки к небу\потолку. Опускает глаза в зал.

КАТЕРИНА: Мне велено жить. Мне. Велено. Жить. Жить! Не умирать снова и снова, не сгорать в праведном огне, а жить.

А как? Как это сделать? Как научиться дышать, когда легкие обожжены? Как заставить сердце качать кровь, когда от сердца остались лишь обрывки?

Мне часто говорили, что не нужно всё так близко брать к этому самому сердцу. Говорили: «Жадная ты, Катька, всё хватаешь и тянешь к самой груди, жмёшь к себе, будто оно всё, что есть – твоё. А, может, оно и не твоё вовсе?!

Почему тот избитый мальчик не даёт тебе спать? Почему стоны заключенных ты слышишь ночью? Тюрьма не рядом. Почему ты рвёшь флаги на тонкие ленты и перешиваешь их в новое полотно? Оно всё из кусочков прежнего мира. Ты не можешь создать новое из ничего. Только из обломков разрушенного ты строишь своё ветхое жилище, конопатишь его своими волосами, омываешь слезами, печатаешь кровью: «Вход только своим». А кто они, эти твои «свои»? Ты сама-то знаешь?».

А я им не отвечаю. Я молчу. Штопаю суровой ниткой правды своё разорванное сердце, беру лоскуты ткани, чтобы сшить из них флаг новой жизни, беру черенок лопаты или швабры, привязываю к нему сшитые лоскуты и крепкой мачтой очередного корабля вспарываю небо над океаном жизни.

Соседка из дома напротив учила меня, как правильно развешивать постиранное бельё на бельевой веревке. В какой последовательности должны висеть постельное бельё, верхняя одежда, исподнее, кухонные полотенца. Еще она говорила мне: «Запомни, девочка, от тебя в этой жизни ничего не зависит. Всё решат без тебя. Всё уже давно решили другие. Ты, главное, подчиняйся. Тогда жить будет легче. Чего ты со всеми споришь? Зачем за всех заступаешься? Тебе больше всех надо? Так ты и получишь больше других – по своему заговку. Посмотри на себя: все колени разбиты, ногти обломаны, ссадины на руках. А ты будущая женщина. Ты должна быть красивой. Умная женщина своей красотой и мягкостью может сделать намного больше, чем криками и дракой».

Мне не понравились тогда слова соседки. Отец говорил мне, что добро – это хорошо, а добро с кулаками – еще лучше, потому что в обиду себя не даст. А мама приносила с поля цветы и ставила их в бутыль вместо вазы. Не было у нас вазы, а бутыль всегда где-то да найдется.

Когда я впервые увидела кошку с привязанными к её хвосту жестяными банками, я с большим трудом смогла её поймать. Пока я отвязывала веревку с банками, кошка царапалась и вырывалась. В итоге она убежала освобожденная, а я осталась сидеть на камне с поцарапанными руками и пораненными ногами: крышки жестяных банок оставили на моей коже глубокие кривые порезы. Тогда я впервые поняла, что живое существо, которое ты спасаешь, может сделать тебе очень больно. Если оно не понимает, что в твоих руках его хрупкая жизнь, его слишком длинный хвост.

Однажды я брела по городу. Было уже очень поздно. На душе скребли те самые кошки, к хвостам которых было привязано по дюжине жестяных банок. Они скребли по моей душе всеми банками и всеми когтями. Они противно мяукали и шипели. Они отказывались меня слушать. Они гадили прямо здесь, прямо сюда (прикладывает руку к солнечному сплетению)

– в мою душу. «Это естественно, – уговаривала я сама себя. – Это естественные процессы живого организма: потреблять, переваривать и выделять в виде отходов. А то, что для этого ты подставила им саму себя, так это уже только твоя вина». Я разговаривала сама с собой. Не раскрывая рта. И потому со стороны сумасшедшей не казалась. Никому, кроме себя самой. Я шла через мост. И вдруг увидела девушку, стоящую на перилах. Она не показалась мне репетирующей канатоходкой. Она показалась мне моей собственной тенью. Мне тоже захотелось туда, на перила. Я подошла. Поздоровалась и спросила разрешения стать рядом.

– Можно и мне с вами? – спросила я.

– Со мной? – вдруг испугалась чего-то и без того слабо проявленная в пространстве моя тень.

– Да, с вами, – сказала я ей. – Вы же собираетесь прыгнуть – в воду. Здесь глубоко, и вода холодная. Я, например, плавать не умею. Так что вариант надежный. Мне подходит. Я очень устала.

– Отчего же? – поинтересовалась тень.

– От борьбы, – призналась я честно. – Сколько можно бороться с людьми за их собственное счастье?! Не для того, чтобы это счастье у них забрать, а чтобы отдать им в руки?! Подходишь, протягиваешь, говоришь: «Бери!», а человек отворачивается, обижается, уходит. Доказывает тебе со всем красноречием, что счастье ему не нужно, что он и так привык жить – без него. Терпеть, страдать, жаловаться, чувствовать себя заключенным, но охраняемым, а значит – защищенным, с редкой баландой вместо еды, но еще не умершим с голода – привык. Зачем ему ключи от тюрьмы, если тогда придется начинать жизнь сначала, учиться заново жить вне клетки? Зачем? Теперь я и сама не знаю. Теперь я устала ходить между клеток, распахивать дверцы и видеть, как птицы не хотят улетать. Лучшие полететь самой. Хотя бы с моста – в реку. Но одной страшно. Можно я с вами?

У тени вдруг появились глаза. Большие, карие, с бахромой ресниц. Я даже испугалась сначала. Потом из этих глаз полился свет. Стали видны лоб, нос, щеки. Нарисовались линии рта. И рот заговорил.

– Как вы хорошо сказали. Про клетки. Я долго боялась покинуть свою. Я даже придумала себе, что могу освободиться из её прутьев только так – головой в реку. Но ведь я ещё даже не летала. Как, должно быть, прекрасно летать, а не жить в клетке.

– Прекрасно! – охотно с ней согласилась я.

– Помогите мне спуститься, – попросила меня тень с человеческим лицом.

Я не знала, чем можно помочь тени, но протянула ей руку. В ответ мне в ладонь легла теплая рука, а потом тень прыгнула с моста ко мне, и оказалась простой девушкой. Мне даже стало как-то сразу неинтересно. Ни тень и ни птица в клетке – просто человек. Даже прыгать с моста расхотелось. Романтичный момент был упущен.

Девушка хотела говорить со мной о чем-то, но я её остановила. Сказала: «С этой минуты ты свободна. Клеток больше нет». И она улетела, скрылась в лабиринтах домов. Это была первая улетевшая от меня то ли тень, то ли птица, чью клетку я даже рассматривать не успела.

А потом, стоило мне спуститься с моста и завернуть в темноту каменных улиц, как кто-то набросил мне на шею удавку и стал душить, требовать кошелек. У меня не было с собой денег. Я отдала часы и серьги, даже кулон, подаренный мамой, серебряный, сорвала с шеи и отдала. Душитель разозлился на мою небогатость и затянул удавку так туго, что мне вспомнилось жаркое лето моего детства, много счастливых моментов – быстрым калейдоскопом, и один глупый эпизод – коротким кино. Я стою в лагере у стены. Много раз приседаю, громко дышу, потом прислоняюсь к стене. Кто-то из ребят туго скрученным полотенцем перехватывает мне горло и сильно давит. Я теряю сознание. Ухожу куда-то невесомым

облаком. Потом меня резко дергают, я возвращаюсь в комнату, уже сидящая на полу, снова могу дышать и неожиданно выдыхаю ожегшее мой язык, рот и сознание матерное слово.

Вспомнив это, я рванула рукой удавку, пульсация крови в голове вмиг ослабла, и я снова выдохнула то слово. Лежа на тротуаре в пожухлой траве.

Именно тогда я поняла, что прощаться с жизнью красиво – легко, а по-настоящему умирать – страшно.

(Снова звучит «Реквием» Моцарта, Катерина уходит вглубь сцены, потом останавливается, бежит к самому краю сцены, почти срывается, удерживается, помогая себе балансировать руками)

КАТЕРИНА: Но ведь я ещё жива! Жива! У меня болит вот здесь (показывает на ребра). Болит! Боль означает жизнь. Жизнь не должна равняться боли. Но сейчас я рада этому равенству. Меня ждут баррикады. Я им нужна. Я соль, без которой жизнь станет пресной. Моя лестница еще не оборвалась. В ней еще есть ступени. Я выдержу еще несколько ударов. Я успею. Я смогу сделать этот мир лучше.

Дайте мне цветы. Мне нужны цветы. Жениcina с цветами в руках – это так красиво. Это мой путь.

(Из зала ей подают букет цветов. Она стоит с ним на краю сцены. Звучит Хабанера: «Любовь! Любовь! Любовь! Любовь!»).

Закончив печатать, Миранда обнаружила себя в своей комнате за печатной машинкой с ручейками слез на щеках. Посидев так несколько минут, нашла взглядом картину Брюллова, напомнила себе, что все обреченные умереть от лавы извергшегося Везувия ещё живы и будут живы столько, сколько кто-нибудь смотрит на репродукцию этой картины, глубоко вдохнула, выдохнула, достала отпечатанный лист, поставила дату, положила его к остальным, аккуратной стопочкой перевернула.

– Теперь можно вернуться к Гансу, но сперва не помешает позавтракать, – сказала вслух и прошла на кухню.

Глава 6.

Почему-то после написания пьесы, а к ней как-то медленно, но всё же приходило осознание, что она написала пусть маленькую, одноактную, моно, но всё же пьесу, очень хотелось порадоваться этому, но не получалось. Миранда боялась. И того, что в итоге Лена заставит её переделывать написанное. И своей собственной политической смелости. И абсурдистского подхода. Её даже немного трясло. Пельменей, которыми была забита морозильная камера, не хотелось. Кофе тоже. Варить кашу, макароны или картошку ей сейчас казалось каким-то несуразным, не соответствующим моменту. Ей вдруг очень захотелось винограда или дыни. За ними нужно было идти на рынок. Возможно, ей захотелось пройтись по улице. Сменить декорации, подышать воздухом. Просто так гулять она уже давно отвыкла. Поэтому искала себе цель, чтобы проложить пусть от точки А (квартира) до точки Б (в данном случае рынок – за фруктами).

Миранда переоделась, взяла кошелек с остатками денег, авоську и вышла из квартиры.

Выходя из подъезда, она прищурилась от слепящего солнца, но радостно шагнула ему навстречу. Однако почти сразу начался довольно сильный дождь. Миранда спряталась под козырёк подъезда. Любовалась тем, как тёплый, хоть и уже осенний дождь хлещет по ещё зелёной листве, как мокрые листья переливаются на солнце. За деревьями и домами нельзя было разглядеть радугу, но Миранда точно знала, что она есть. Вспомнила, как в детстве, приезжая на лето к бабушке и дедушке, застав летний дождь, выбегала вместе с Вероникой во двор, в особенно сильный дождь и жаркий день они выбегали в одних трусах, бежали на огород, дурачились под дождем между грядок, становились под водосток у сарая, изображая двух русалок у водопада. Было весело, легко, радостно и невесомо жить. Миранда вспомнила то время и остро ощутила, как ей хочется вернуться туда.

Ведомая каким-то внутренним велением она вышла из-под козырька, прошла туда, где заканчивался дом и открывалась просторная детская площадка с беседкой, качелями, железной машиной, закопанными до середины большими шинами, песочницей под жестяным грибочком. Миранда увидела красивую большую двойную радугу, улыбнулась ей, не обращая внимания на льющийся и заливающий глаза дождь, потом запрокинула голову, закрыла глаза и раскинула в стороны руки. Стояла так, пока капли дождя не стали едва заметными. Рядом были слышны какие-то приглушенные голоса, но Миранда ни на что не обращала внимания. Она в этот момент была в своем детстве, в деревне, на огороде у бабушки – и ей было хорошо.

– А долго нужно так стоять? – услышала Миранда отчетливый детский голос.

Приоткрыв глаза, она увидела перед собой девочку лет пяти и мальчика чуть постарше. Вопрос задала девочка.

– Сколько тётя стоит, столько и нужно, – шепнул девочке мальчик.

– Волшебство? – таинственным шепотом спросила девочка у него.

– Волшебство! – подтвердил он.

– А ей зачем? Она же уже выросла? – не могла перестать задавать вопросы девочка.

– Может, она хочет поскорее состариться, – предположил мальчик.

Миранда всё это время тихо наблюдала за детьми и делала вид, что их не замечает, но последнее предположение, вопреки её желанию, вызвало внезапный смехок, который каким-то, несомненно, волшебным образом сам вырвался наружу.

– Ой, очнулась! – испугалась и опустила руки девочка.

– Привет, малые, – улыбнулась им Миранда. – Кто это тут меня в старушку захотел превратить? – посмотрела она с усмешкой на мальчика.

– А зачем ты под дождем стоишь? Тоже вырасти хочешь? – смело обратился к ней мальчик, опустив руки и упираясь маленькими кулачками в бока.

– Нет, я так, наоборот, снова ребенком становлюсь, – заявила ему Миранда.

– Что-то у тебя ничего не получилось, – продолжал нахальничать мальчик. – В ребенка ты не превратилась.

– Просто у тебя волшебное зрение сломалось, – не осталась в долгу Миранда. – Вот она, – указала Миранда на девочку и подмигнула ей, – видела, что я под дождём, как только закрыла глаза и раскинула руки в стороны, сразу превратилась в маленькую девочку. Примерно вашего возраста. Да? – ждала подтверждения своих слов от девочки Миранда.

– Д-да, – неуверенно качнула головой та и загорелась радостным взглядом и открытой улыбкой от того, что у неё теперь есть общая игра или тайна со взрослой тётёй.

Мальчик надул губы.

– А вы зачем под дождем стояли? Вырасти хотите? – решила не ссорить детей Миранда.

– Хотим! – радостно подтвердила девочка.

– А чего вам детьми быть не нравится?

Дети переглянулись.

– Не знаю, – пожала плечами девочка. – Мне всё нравится. И под дождем стоять нравится. Но еще больше – бегать. Просто стоять – неинтересно. Но Мишка предложил побыстрее вырасти, и я согласилась.

– А зачем тебе, Мишка, побыстрее расти? – присела перед мальчиком на корточки Миранда и с интересом посмотрела в его серьезные глаза.

– Тогда я на Женьке жениться смогу, – пробубнил тот.

– На Женьке женить, – повторила Миранда. – Да ты поэт! – искренне восхитилась она.

– А тебя, значит, Женькой зовут? – обратилась Миранда к девочке.

– Нет, я Маша. Миша мой братик. А на братиках не женятся, – ответила девочка.

– На братиках не женятся, – подтвердила Миранда. – Так кто же такая Женька?

– Соседка наша. Она уже школу заканчивает. Может скоро замуж выйти, – объяснила Маша. – Поэтому Мише и нужно побыстрее вырасти.

– А тебе зачем? Ты же замуж не собираешься?

– Я нет, – рассмеялась девочка.

– Тогда зачем?

– Если Миша вырастет, с кем же я играть буду? – очень по-взрослому рассудила Маша.

– Неужели у тебя нет других друзей? – спросила её Миранда.

– Есть, конечно. Но Миша мой брат. Он мой лучший друг. Навсегда. Так мама говорит.

– Мама правильно говорит, – согласилась Миранда.

Миша весь передернулся. У него с носа упала капля недавнего дождя.

– Вы продрогли совсем, – заметила Миранда. – Бегите скорее домой, снимите мокрое с себя, хорошенько вытретесь полотенцем и оденьтесь в сухое. Чтобы не простудиться.

– Хорошо, – шмыгнул носом Миша.

– А как же волшебство? – расстроилась Маша.

– Так оно уже сработало! – пообещала Миранда. – Я даже вижу, как вы стали выше на целый... миллиметр!

– Ого! – переглянулись обрадовано дети.

– Бегите, переодевайтесь, – улыбнулась им Миранда.

И дети убежали. Проводив их ласковым взглядом, Миранда подумала о том, что сейчас у неё тоже могли бы быть Миша и Маша, которым бы она тоже рассказывала, что они лучшие друзья, навсегда. Миранда вдруг ощутила, что стоит мокрая посреди детской площадки, с авоськой в руках, голодная и совершенно взрослая. Поспешила домой.

Войдя в квартиру, разулась в прихожей и сразу прошла в ванную комнату, захватив банное полотенце. Включила воду, разделась, забралась в ванну, села и стала поливать себя горячей водой.

– Детство давно закончилось, – сообщила сама себе Миранда. – Хорошо, что дождь остался. И радуга. И дети, верящие в волшебство.

Когда Лена благополучно забеременела первенцем и угрожающе массивно вышагивала по набережной с мороженым в руках, на Миранду обрушилась вся благосклонность подруги.

– Васнецова, замуж раньше меня выйти ты не посмела, забеременеть тоже, из чего я делаю вывод, что существо ты всё-таки здравомыслящее и небезнадежное, а потому официально разрешаю тебе заняться вопросом продолжения рода, – сообщила Лена Миранде.

– Мы только этим вопросом и занимаемся, – отшутилась Миранда. – С перерывами на лекции по истории музыки и поглощение пищи.

– Скорее, ты делаешь маленькие перерывы в процессе поглощения пищи, чтобы уделить немножко внимания Костику, – засомневалась в честности слов Миранды Лена. – А дети – это ответственность. Мне так мама говорит.

– Она тебе это говорит в надежде, что ты перестанешь устраивать всякие фокусы и попадать в неприятности.

– Когда это я в неприятности попадала?! – возмутилась Лена.

– Да хоть с Янэком, – напомнила Миранда случай, когда Лена с известным скрипачом упала с башни замковых развалин.

– Ой, один раз в жизни опростоволосилась, так вы мне теперь до скончания веков вспоминать это будете! – старательно облизывала мороженое Лена. – Между прочим, если бы не тот случай, мы бы с Феденькой сейчас Володеньку не ждали.

– Ты уже имя ребенку придумала? – усмехнулась Миранда.

– Конечно.

– А если девочка родится?

Лена посмотрела на свой большой куполообразный живот и с улыбкой на лице, но нотками угрозы в голосе сказала:

– Не советую.

– Девочка – тоже хорошо, – не согласилась Миранда.

– Вот ты себе девок и рожай, – бросила ей Лена. – А мне Феденьке нужно мальчика родить. Он сына очень хочет. Я ему гарантировала, что всё так и будет.

– Как ты могла такое гарантировать?

– Легко! Ребенок же – часть меня. А как часть может восстать против целого? Правильно – никак. Вот пусть и не восстаёт и рождается мальчиком.

– А почему Володя? В честь Ленина?

– Зачем это? Нет. В честь деда, отца Феденьки.

– А отца в честь Ленина назвали?

– Откуда я знаю?! Надеюсь, что нет.

– Почему?

– Не хочу я, глядя на своего ребенка, всё время Ленина вспоминать.

– Вот именно. Но ты же Лена, у тебя будет сын Володя, вот и получится Владимир Ленин. У меня с именем Володя стойко связан образ Ильича. С детства ещё. Ничего не могу с собой поделать.

– Ты, Васнецова, образы свои держи при себе и не порти мне настроение. А то у меня в животе ребенок активно ворочаться начинает.

– Это ему будущее имя не нравится.

– Это ему звук твоего голоса не нравится.

– Ты мне предлагаешь молча с тобой рядом гулять?

– А что, хорошая идея! – одобрила Лена. – Ты будешь идти и внимательно меня слушать. Значит так, запоминай. Во время беременности нужно раз в месяц показываться врачу...

– Зачем это?

– Чтобы убедиться, что беременность протекает нормально. Анализы сдавать, если врачу в тебе что-то не понравится.

– А что ему может не понравиться? Форма носа или кривые ноги? – фыркнула Миранда.

– Вроде того, – хихикнула Лена, доев мороженое. – Но для тебя одно побочное действие беременности будет, точно, в плюс.

– Какое же? – заинтересовалась Миранда.

– Ты наконец-то поправишься, – обрадовалась Лена. – Станешь на человека похожа.

– На беременного человека, – уточнила Миранда.

– Так после родов живота большого уже не будет, а грудь-то останется.

– Думаешь? – засомневалась Миранда.

– Должна, – пообещала Лена. – У меня она уже стала больше.

– Вот мы на тебе и проверим развитие событий, а там посмотрим.

– Я тебе коляску по наследству отдам, игрушки-погремушки там всякие, пеленки-распашонки, – обещала Лена.

Но обещание своё не исполнила. Во-первых, Миранда так и не забеременела, а, во-вторых, сама Лена следом за первым мальчиком на следующий же год родила второго, и все детские вещи ей самой оченьгодились. Кстати, и первенца своего она ожидаемо назвала в итоге совершенно другим именем.

Миранда не завидовала, а искренне радовалась за подругу. Ходила в отведки, дарила погремушки и красивые книжки со стихами и сказками. Несколько детских теплых костюмчиков привез как-то в подарок Лениным детям Костик из очередных гастролей. Миранда его об этом не просила. Но он сказал, что была возможность приобрести, и, раз своих детей нет, так хоть племяннице, его сестра Катя к тому времени уже обзавелась девочкой, и Лениным мальчишкам что-то привез. Лена тогда была в восторге, расцеловала Костика в обе щёки, за что Фёдор Игнатьич чуть не проделал в спине Костика две дыры своим прожигающим взглядом и попросил Миранду впредь держать своего мужа ближе к ноге.

– Фёдор Игнатьич, это вы сейчас лайку свою дрессируете, она у вас на команду «К ноге!» реагирует послушно, а с Костей такой способ результативным не будет, – объясняла Миранда в ответ своему бывшему директору, а ныне мужу ближайшей подруги. – Он из диких пород. Дрессуре не поддаётся.

Несмотря на прошедшие годы, Фёдор Игнатьич всё еще ревновал Лену к привлекательным музыкантам, актерам и другим деятелям искусств. Ему всё реже удавалось бегать по утрам и поддерживать хорошую физическую форму, лысину на макушке тоже с трудом удавалось прикрывать куцей, но длинной прядью волос. Лена всё уговаривала мужа открыть лысую макушку и не стесняться этого, убеждала его, что она и таким его любит, но Фёдор Игнатьич стоял на своём, потел очками и старательно зачёсывал волосы – хотел выглядеть моложе рядом с красавицей женой, которую две беременности и роды не испортили, а сделали только краше.

Такому её преображению способствовала работа в театре и постоянное общение со множеством мужчин. Лена на полставки работала в филармонии – вела концерты. И по долгу службы часто встречалась с Костиком. Можно сказать, приглядывала за ним, всё потом докладывала Миранде и удивлялась её стойкости и невозмутимости.

А Миранда сейчас уже выбралась из ванной, сидела на диване с полотенцем на волосах и удивлялась собственной безропотности и нерешительности, но радовалась тому обстоятельству, что вскоре сможет вернуть себе свою девичью фамилию и официально снова стать Васнецовой. Как автору, ей удалось сохранить сочетание «Миранда Васнецова», и её это очень радовало. А в повседневной жизни она стала Павловой, и даже не заметила, как сильно изменилась консистенция её существования, как выразился однажды один профессор, навестивший Костика у них дома и рассуждающий о влиянии имен, фамилий и отчеств на судьбу человека,

на его повседневные характеристики. Миранде тогда сам этот профессор показался чудаковатым, но размышления его – интересными. Тогда она впервые задумалась о том, что напрасно взяла фамилию мужа. Теперь же ей предоставлялась возможность эту оплошность исправить.

Размышляя обо всём этом, Миранда вспомнила о Гансе и о том, что оставила его размышляющим, нравится ли ему жить. Не снимая полотенца с головы, она поспешила за печатную машинку.

«Пришлось честно себе признаться, что ТАК ему жить не нравится. То есть Ганс ставил условия невидимому богу, мол, вот такой я подаренную тобой жизнь люблю, а вот такой нет, и ты либо верни мне прежнюю, либо не жди, что я буду в восторге от этой.

– И зря Норма велела мне не роптать, – бубнил себе под нос Ганс. – Почему, собственно, я не могу роптать? Почему должен принимать это? Вот Ветка радуется этой странной жизни. Улыбаться не умеет, хотя она еще ребенок, но радуется. Так ведь у нее ноги и руки послушные. Будь у меня послушные, я бы тоже...

Гансу очень захотелось вспомнить, умел ли он с благодарностью принимать свою жизнь раньше, в той ее части, которая осталась за плотным пологом невыносимой боли и унижения. Но он не мог вспомнить.

Он смотрел на два грязных колеса, на свои руки, и ощущал, как у него в голове скрипят шестерёнки: уже видят будущее средство передвижения.

Через два месяца стараний и неудачных попыток он всё же смог сделать что-то вроде табурета на колесах, с невысокой спинкой и подлокотниками, которые защищали одежду от грязи с колес.

Пришлось просить соседа сколотить из досок и прибить к порогу специальный спуск с двумя перилами, чтобы Ганс мог выезжать из дома. На улице была холодная зима, и выезжать было особо некуда, но Ганс приловчился счищать снег лопатой и расчищать и порог, и спуск свой, и двор. Хоть какую-то помощь оказать Норме, а не быть просто нахлебником в ее доме – вот, чего хотелось Гансу.

Зима была трудной, но теперь Ганс мог многое делать в доме. Помогал Норме со стиркой. Придумал для себя, действительно, хитрые приспособления, чтобы справлять нужду и не пачкать всё вокруг. Норма смотрела на него с уважением и хитринкой. Норовила налить супа побольше, отрезать больший кусок хлеба. Ганс не противился. Он ощущал, как силы к нему возвращаются, а телу нужно питание.»

Полотенце упало с головы Миранды и осталось, влажное, лежать на полу.

«Когда в воздухе запахло талым снегом, и по утрам можно было оглохнуть от проснувшихся в лесу птиц, Ганс ощутил, как вместе со снегом, что-то неминуемо тает у него за грудиной. Он стал мягче, чаще смеялся, сам стал шутить. Попытался всё-таки научить Ветку улыбаться – но не движением рта, а шутками. И у него получилось. Однажды Ветка даже рассмеялась. Сама испугалась и поперхнулась своим смехом. Закрывла рот грязными ладошками, выпучила глаза. Потом попробовала посмеяться еще раз – получился только кашель. Понадобилось несколько дней и много шуток Ганса, чтобы Ветка рассмеялась снова, почувствовала, как это приятно и забрала себе эту способность навсегда.

Смех девочки стал раздаваться и в доме, и во дворе всё чаще. Свенд, новый друг Ветки, всё чаще навещался к ним и радостно смеялся с ней вместе – уже без шуток: дети просто радовались зеленеющим деревьям, случайному угощению, присевшей полакомиться крошками птице, просто друг другу.

Во взгляде Нормы появилась теплота. Именно так она теперь смотрела на девочку, меньше бранила её, помогла сшить новое платье и даже сделала для девочки бусы из чешичек сосновых шишек.

Ганс, узнав, что на краю селения есть кузница, упросил Норму помочь ему добраться туда, как только дороги просохли, и по ним стало возможным проехать на четырехколесном табурете, который смастерил для себя Ганс.

Дорога заняла у них два часа. Норма очень устала и чертыхалась всю вторую половину пути. Ганс, сцепив зубы, крутил колеса по еще плохо утрамбованной дороге и молча слушал нарекания Нормы. Ветка и Свенд помогали, как могли, и тоже старательно молчали, зная, что сердитой Норме лучше не перечить.

Стоило Гансу попасть в кузницу, как он ощутил жар в груди и в руках. Его тело моментально вспомнило все действия, которых требовало кузнечное дело. Для Ганса стало очевидным, что он кузнец. Но ни в этой кузнице. Он будто видел перед своими глазами другую кузницу, в которой всё располагалось иначе – в деталях: где и какие инструменты лежат, какие заготовки, какой металл, где висит рабочая одежда.

Местный кузнец сначала с недоверием и неодобрением отнесся к вторжению. Он был наслышан о постояльце Нормы, по-человечески сочувствовал бедолаге, но помощи не предлагал, считая, что каждый человек сам должен нести свой крест. Сейчас же перед ним был человек, который имел отношение к его делу, и который очень хотел вернуть себе в руки ремесло. Кузнец дал себе время подумать и позволил Гансу показать, что он умеет. Места в кузнице было мало, чтобы Ганс мог на своём табурете действовать так ловко, как ему хотелось бы. Дважды он чуть не свалился со своего «трона», как он называл его в шутку. Но проявить себя он всё же смог, выковав небольшой клинок ножа. Кузнец осмотрел работу.

– Видно, что ты мастер своего дела, – сказал он Гансу. – Как, говоришь, тебя зовут?

– Ганс.

– И чьих ты будешь?

– Не знаю. Я не помню, кем я был и где жил раньше, но вот увидел твою кузницу и вспомнил своё дело, – смотрел горящими глазами на инструменты Ганс.

– Меня все зовут Олаф-кузнец, – представился хозяин кузни. – Помощники мне не нужны. Я сам справляюсь, и два сына мне помогают. Но я вижу, что ты в беде. А отец учил меня, что всяк обратившемуся за, действительно, нужной ему помощью надо помочь. Привозить тебя каждый день туда и обратно старая Норма с этими детьми не сможет. Я предоставлю тебе угол в доме, расчищу здесь место и буду давать тебе для выполнения какую-то часть работы. Извини, хозяйничать у себя не дам. Если сможешь быть простым подмастерьем, живи, работай, будет тебе еда, ночлег, справим тебе вместо этого табурета что получше, одежду подберем. Может, вспомнишь, где твой дом и кто ты такой, тогда сможем помочь тебе вернуться домой. Если согласен на мои условия – оставайся.

Ганс старался не смотреть на Норму, Ветку и Свенда, стоящих в дверях и молчаливо наблюдающих за двумя мужчинами в горячей кузнице. Ганс почти ощущал одобряющий взгляд Нормы и встревоженный, метущийся взгляд Ветки.

– Норме и детям можно будет здесь меня навещать? – спросил Ганс у Олафа.

– Конечно, – усмехнулся тот. – Можешь подарить сделанный клинок мальчишке. Я приделаю к нему рукоять. Мальцу он будет в самый раз.

Свенд от радости заерзал на месте.

– Конечно, я рад и благодарен тебе, Олаф-кузнец, за твою доброту. И сделаю всё, чтобы быть тебе здесь полезным, – сказал Ганс, стараясь, чтобы никто не заметил выступивших от жара слез в его глазах.

Попрощавшись с Нормой, Веткой и Свендом, Ганс остаток дня провёл в кузнице. Познакомился с сыновьями Олафа: уже юношей Йенсом и еще мальчишкой, чуть старше Свенда – Тью. Жену Олафа, Анезку, он увидел только перед тем, как поужинать и устроиться на ночлег, и толком не успел рассмотреть.

Спал первую ночь в доме Олафа тревожно. Боялся свалиться с узкой лавки, запутаться в тряпках, провонять на весь дом. Под утро провалился в глубокий сон. Приснилась ему уже знакомая по снам молодая женщина с пшеничными волосами. Гладила Ганса по голове, лежащей на её коленях на мягкой юбке, и пела красивую песню.

Проснувшись, Ганс понял, что песню эту поёт красивый женский голос. Обладательницей голоса оказалась жена Олафа Анезка, только волосы у неё были темные, черты лица неправильные, но приятные, улыбка мягкой.

Так началось первое утро новой жизни Ганса.

К появлению чужого человека в доме Анезка отнеслась легко. Сама она была из большой семьи, в свое время долго ухаживала за лежащей бабушкой. По характеру оказалась доброй, смешливой, отзывчивой женщиной. Несмотря на то, что красотой не блистала, Олаф ревновал ее и держал в строгости, но Ганса пустил в дом легко, понимая, что угрозы для супружеской верности он не представляет. А Анезка очень обрадовалась знакомству с Веткой. Давно сама мечтала о дочке, была рада узнать, что Ветка будет забегать проводить Ганса.

В первый день он весь погрузился в работу кузницы, даже на обед отказался идти. Сказал, что не голоден, хоть в желудке урчало. Но очень хотел побыть один среди невыносимого жара от печи, с инструментами, с заготовками, с выкованными подвесками. Воздух обжигал гортань, а Ганс радовался, как ребенок.

Тью все равно принес Гансу краюху хлеба и кувшин молока. Подождал, пока Ганс пообедает, забрал кувшин и убежал в дом. Помощник в кузнице из него пока был небольшой. Олаф берег младшего сына, отпускал поиграть с ребятами, помочь матери по хозяйству. И на самом деле был рад, что у него появился взрослый, сильный, знающий свое дело, но не гонорливый помощник.

Ганс в конце дня едва держался на своем расшатавшемся от активных передвижений табурете. Олаф расширил лавку, отведенную Гансу для ночлега. Обещал завтра же начать мастерить более подходящее средство передвижения.

Но на обсуждение конструкции и создание макета ушло несколько недель. Потом еще несколько непростых дней на реализацию спроектированного. Первый вариант оказался непригодным из-за угла между спинкой и сиденьем. И подставка под ноги только на ровных поверхностях позволяла конструкции свободно ездить, но при малейшем же пороге застревала. Пришлось переделывать. И спустя два месяца после того, как Ганс поселился у Олафа, он стал перемещаться на «царском троне», как прозвали конструкцию с колесами, спинкой, откидными подлокотниками и подставкой для ног в семье Олафа.

Свенд и Ветка тоже были в восторге и даже просили дать им проехать на троне, за что Норма грозно на них посмотрела и одним взглядом отбила желание претендовать на трон даже временно.

– Не накличь на себя беду, – строго сказала она горящему желанием опробовать трон в движение Свенду. – Не посмотрелся на Ганса? Себе такое хочешь? Увечным завидовать грех.

Ганса больно кольнуло слово, которым Норма определила его, но он давно смирился с тем, что возврата к прежней жизни быть не может, действительность нужно принимать такой, какая она есть, и двигаться дальше: на троне, на табурете, ползком, но двигаться.

Прошло еще несколько месяцев. Ганс хорошо работал, хорошо питался, спокойно спал, частенько даже играл с детьми, Тью, Свендом и Веткой, в разные игры. Отвечая самому себе на сложный для него некогда вопрос, мог с чистой душой сказать, что ему нравится жить.

Однажды вечером, за ужином, вдруг вспомнил вкус ржаных лепешек, который отличался от тех, что пекла Анезка. Вспомнил руки молодой красивой женщины. Знающие грубую работу руки. Вспомнил имя.

Грета.

Жена.

Большой живот Греты под тканью нижней юбки и выбеленной мягкой тканью праздничного платья. Налитые груди жены и натянутую кожу большого живота. У него должен был родиться сын. Ганс ждал рождения сына и зачем-то пошел в город на площадь. На этом его воспоминания обрывались.

– Ты плачешь?-- спросила его обеспокоенная Анезка.

– Я вспомнил жену, – посмотрел он на хозяйку дома заплаканными глазами.

Сам он своих слез не ощущал.

– Она ждала ребёнка, когда я ушел, – сказал Ганс.

– Куда ушел? – спросил переставший есть Олаф.

– На площадь, – выдохнул Ганс.

– Зачем? – лицо Олафа стало серьезным.

– Я не помню, – честно ответил Ганс.

– Где твой дом, ты вспомнил?

– Еще нет.

Ужин доест Ганс в тот день не смог. Все думал о жене и тогда еще не рожденном сыне. Старался вспомнить что-то еще. Ему приходили какие-то смутные образы, ничего четкого. Ночь Ганс спал беспокойно.

Проснулся уставшим, разбитым. Не хотел есть. Анезка заварила ему какой-то резко пахнущий отвар, настояла на том, чтобы Ганс его выпил. После отвара стало спокойнее и силы будто бы прибавились. Ганс смог работать, но был хмурым и задумчивым.

Прибегавшие Ветка и Свенд, узнав от Тью о том, что Ганс со вчерашнего вечера сам не свой, попытались разговорить его, но он лишь покраснел глазами, замотал головой и попросил сегодня не беспокоить его.

– Человеку сложно вспоминать прошлое, дорога к которому лежит через ров с обломками его жизни, – объясняла детям Анезка. – У него была семья, дом, кузница. Потом случилось что-то страшное. Что-то такое страшное, что его разум предпочел стереть это из памяти Ганса. Что-то на столько ужасное, что можно было стереть, только содрав все, что было с ним до этого ужаса. И теперь он пытается собрать осколки, не поранившись о них. Но осколки острые: пораниться легко, а собрать из них то, чем они были раньше, трудно.

– Как стекло! – обрадовался своей догадке Тью. – Я видел, как разбился красивый цветной витраж в церкви. Осколки были очень острые. Я даже порезал палец об один из них, но собрать их вместе было нельзя. Все осколки смели и выбросили в мусор.

– Неужели и прошлую жизнь Ганса смели в мусор? – расстроилась Ветка.

– Он вспомнил жену, – погладила девочку по голове Анезка. – Может, он вспомнит, где его дом. И мы отвезем его туда. И все снова станет хорошо.

– Столько времени прошло, – махнул рукой Свенд. – Его жена давно вышла замуж за другого. Женщине без мужа трудно.

– Трудно, – подтвердила Анезка. – Но не говори такого Гансу. Пусть надеется. Пусть верит, что она где-то его ждет. Каждому важно знать, где его дом.

– Я не знаю, где мой дом, – вдруг заявила Ветка. – И не хочу знать. Раз меня выбросили из него, как тот мусор, что остался от витража в церкви.

Анезка на какое-то мгновение ступивалась, не зная, что сказать девочке.

– Это неважно, – вдруг заявил Тью. – Скоро ты вырастешь. Скоро я вырасту. Женюсь на тебе. Ты будешь жить с нами. И это будет твой дом.

– Почему это ты женишься на ней? – рассердился Свенд.

– А ну перестаньте! – скомандовала Анезка, видя, что мальчики готовы начать драку. – Сначала вам нужно вырасти, а потом Ветка сама решит, за кого она выйдет замуж. Или Норма за нее решит.

– Норма? Почему? – расстроился Тью.

– Она сейчас Ветке вместо родителей, поэтому решать ей, за кого отдавать Ветку замуж.

– Но она же ей не родная! – заявил Тью.

– Она больше, чем родная, – тихо сказала Ветка. – Она спасла меня. Оставила жить. Оставила жить у себя. Мне пора домой. Нужно помочь Норме, а я тут с вами сижусь болтаю. Я побежала.

И Ветка убежала со двора.

– Я с тобой! – крикнул ей и побежал следом Свенд.

Тью стоял, опустив руки и дрожа губами.

– Она вернется, – успокоила его Анезка. – Идем, испечем пирог, и кусок пирога отнесешь Ветке и Норме.

Тью с благодарностью посмотрел на мать, обнял ее и побежал в кузницу, спросить у отца, не нужна ли ему помощь, можно ли сейчас побыть с матерью и помочь ей.

Анезка смотрела на своего младшего сына и радовалась. За старшего болело сердце. Тому не хватало внимания отца. С приходом Ганса Олаф больше времени проводил с новым подмастерьем. Йенс ревновал, но не мог показать этого. Переживал, хмурил лоб, но молчал. Старался быть исполнительным и полезным. Быстро всему учился. Сердился и на отца, и на Ганса. Не разговаривал с последним. Анезка все это видела, говорила Олафу, но тот только махал рукой:

– Не выдумывай глупостей.

– Я не выдумываю. У меня сердце за сына болит, – говорила Анезка.

– Выпей отвара, – отвечал ей Олаф. – И не мешайся в наши мужские дела.»

Глава 7.

Миранда сидела за столом с пишущей машинкой, сидела в халате, с влажными волосами на голове, урчащим животом. Очнувшись, положила руку на живот.

– Нужно всё-таки что-то поесть.

Переделась в домашнюю одежду, расчесала волосы, прошла на кухню. Нашла пачку макарон и консервы с говядиной. Сделала себе «Макароны по-флотски», сразу на три порции, чтобы не думать про ужин сегодня и про обед завтра. В тарелку накладывать макароны не стала, поставила на стол кастрюлю, и ела прямо из неё. Когда мама первый раз увидела, что Миранда так делает, ужаснулась. Миранда объяснила, что всё равно она одна дома, готовит только для себя – Костик тогда был в отъезде – так чего зря тарелки пачкать. Лариса Фёдоровна строго отчитала дочь за новую, по её мнению, вредную и некрасивую привычку, поэтому сейчас Миранда, вспомнив про это, радовалась, что сидит дома одна и никто её не воспитывает.

Она так задумалась, что не заметила, как съела половину приготовленного. Опомнившись, отставила кастрюлю. Помыла вилку. Обратила внимание на мусор на полу. Вспомнила, что уже видела следы пыли и мусора по всей квартире. Что-то внутри неё шевельнулось призывом навести порядок. Миранда прислушалась к себе: Ганс молчал, Ветка убежала к Норме и скрылась в дымке ненаписанных страниц, но с собой не звала, а вот Анезка смотрела на Миранду с укором. В ней сразу чувствовалась хорошая хозяйка.

Миранда же никогда себя хорошей хозяйкой не ощущала. В первые месяцы совместной, уже семейной жизни с Костей, наблюдала в себе стремление готовить и убирать, стирать и гладить, поддерживать порядок вещей в квартире. Пока Костик не уехал на первые гастроли без неё. Хотя нет, в первый его отъезд она ещё старалась и получала от этого удовольствие. Во второй наводила порядки по инерции, готовила мало. А где-то в пятый отъезд мужа навела порядок в квартире только к его приезду.

Сейчас она подумала о том, что перед своим окончательным отъездом сделает генеральную уборку, чтобы ещё законный муж не имел к ней нареканий в этом вопросе, а сейчас протрет поверхности от пыли и подметет просто для себя. В чистом пространстве и думается лучше.

Уборка не заняла бы много времени, если бы Миранда не наткнулась на стопку открыток, присланных Костином из поездок. Толстая стопка была перевязана красивой лентой. Последняя открытка была прислана года четыре назад или три. На каждой нежное послание. На двух языках: на русском и на языке той страны, из которой отправлялась открытка. Костик всегда находил кого-то, кто переводил ему на местный язык или даже диалект те ласковые слова, которые он хотел сказать в этот момент Миранде. Не будучи поэтом, Костик чаще всего использовал для этого строчки из уже написанных стихов. И это было красиво. Романтично. Трогательно. Костик сам любил пересматривать эти открытки, рассказывать, что это была за поездка, где он купил открытку, кто переводил ему стихи, кто помогал подходящие строчки найти. Любовался своим почерком. Почерк у Костика был прекрасным.

– У музыканта просто обязан быть красивый почерк, – заявлял Костик. – Ноты можно переписывать неряшливо, а письма и деловые бумаги вести исключительно аккуратно и даже изящно. Этому меня учила одна старенькая преподавательница. Она утверждала, что в годы её юности по почерку всегда могла определить род занятий человека, а потом уже и его характер. И сама она была характерная дама. Как она выжила при советской власти со своими аристократическими реверансами, витиеватыми словесными оборотами и кружевными перчатками, ума не приложу, но я перед ней всегда трепетал.

Миранда этим открыткам радовалась, но воспринимал их как произведения искусства: ими должно было восхищаться и даже демонстрировать общественности, а не хранить у сердца. Это только на публику всё было романтично, а на деле порой выглядело комично.

– Вот эту открытку, с Эйфелевой башней, – рассказывал Костик в компании, запиная коньяком шоколад, – я буквально вырвал из рук престарелой немки. Эта открытка была последней из нужной мне серии, и я решил, что уже немке я её, точно, не уступлю. А она оказалась из решительных. Готова была, как и соотечественник её, взять Париж. Я сразу понял, что она ему по характеру не уступает, и пошёл в обход. Сочинил историю про то, что дома меня ждёт невеста и ждёт признания в любви и предложения выйти замуж именно на такой открытке, непременно с башней и непременно в стилистике супрематизма. Никак иначе. Сказал, что я рискую остаться холостым по её, старушечьей, вине. Умолял проявить участие и понять влюбленное сердце.

– А как же кольцо? – спросил кто-то из уже изрядно хмельных собеседников. – У тебя же на пальце было обручальное кольцо!

– В том-то и дело, что нет! – радовался, что избежал разоблачения старой немкой Костик. – Кольца не было. Я предусмотрительно держал его в кошельке. Во избежание непредвиденных неприятностей в стане врага.

– Каких еще неприятностей? – напрягся кто-то из присутствующих барышень и насто-роженно посмотрел сначала на Костика, потом на Миранду, потом снова на Костика.

– Непредвиденных! Я же объясняю! – блистал красноречием Костик. – Так вот. Она мне всё-таки уступила! И пожелала удачной женитьбы. И велела непременно привести невесту или уже жену в Париж – собственными глазами посмотреть на Эйфелеву башню, собственными ногами походить по улочкам Монмартра, собственными руками прикоснуться к прекрасному, – заливисто смеялся собственным шуткам Костик.

Присутствующие друзья его поддерживали. А Миранда после этой истории стала принимать подобные открытки с легкой улыбкой, полной иронии. Самоиронии, разумеется.

Сейчас она перекладывала открытки, вспоминала истории, рассказанные Кости-ком по пятнадцать раз, любовалась красивым почерком, которым так искусно было выведено на каждой открытке её имя. Какими бы нелепостями не была окутана эта традиция, всё же все написанные слова и все эти открытки адресованы ей, Миранде. И она их обязательно заберет с собой.

Наслаждаясь этой мыслью, Миранда легко и быстро завершила уборку. А потом имела неосторожность включить телевизор, просто чтобы хоть немного воспользоваться такой роскошью.

Телевизор был новый, последней модели. Приобретен недавно. «Горизонт», с пультом дистанционного управления.

– Умеют минчане делать, – хвалил приобретение Костик. – Не многим хуже иностранцев. Диагональ не очень большая. Зато сенсорное управление.

Миранда сначала боялась им пользоваться, потом не ощущала в себе потребности включать и смотреть телевизор, только если какой-то интересный фильм. Костик же последние месяцы, приезжая домой, предпочитал общению с женой просмотр всего подряд по этому сенсорному «чуду» с пультом управления.

У родителей Миранды тоже был «Горизонт», но старой модели, выпущенной лет десять назад, и сейчас ей захотелось перед переездом успеть хоть что-то посмотреть на новом красавце. Она включила телевизор. Показывали какой-то детектив. Миранда удобно расположилась в кресле и всмотрелась в лица актеров. Узнала Шакурова, хмыкнула. Он не был в числе её любимчиков. Детективы тоже не входили в ряд её приоритетов, особенно после того, как Лена долгое время перепечатывала в машинописном бюро, в котором они вместе работали, исключительно детективные романы, от чего сама становилась подозрительной, склонной к

авантюрам и заговорам, страдающей манией преследования и тягой ко всему таинственному. Но по другим каналам показывали какие-то совсем не заинтересовавшие Миранду передачи, поэтому она решила остановиться на детективе. Когда выяснилось, что в центре сюжета кража скрипки, дорогой, уникальной, старинной скрипки, Миранда тяжело вздохнула.

– И здесь про музыкантов.

Однако потом действие стало развиваться в разных временных пластах, Шакурову довелось играть главного героя и в современности, и в давно ушедшем веке – создателя той самой украденной скрипки. Это Миранду очень заинтересовало. Оказалось, что фильм многосерийный, и узнать продолжение, а также авторов интересного сюжета можно будет только завтра, вовремя включив телевизор. Она постаралась запомнить время и тут же обнаружила, что день уже близится к вечеру и стоило бы позвонить Решетниковым и поздравить неугомонного и своенравного Лёшку с днем рождения, а заодно и узнать, как там его успехи в школе, удалось ли разрешить трудную ситуацию.

Миранда подошла к телефонному аппарату и набрала простой номер.

После нескольких длинных гудков трубка ответила ей голосом Вероники:

– Алло.

– Вероника, привет. Это Миранда. Поздравляю тебя с Днём рождения сына! – бодро и торжественно почти прокричала Миранда в трубку.

– О, Мирандочка, привет! Спасибо за поздравление! Наградила же жизнь сыночком, не устаю радоваться, – рассмеялась Вероника.

– Именинник дома?

– Почти. Вышел на лестничную клетку. Принимает поздравления.

– А почему не в квартире? – удивилась Миранда.

– У него там разговор какой-то серьезный. С кем-то из одноклассников, – ответила Вероника.

– Так разговор серьезный или поздравления принимает? – решила уточнить Миранда.

– Пусть сам разбирается. Я ему сказала, чтоб в дом пригласил. У нас чай, торт еще остался. Толик ведь еще на работе. Но мы решили его не ждать. С рейса вернулся, машина на ремонте, что-то ходит туда уже второй день: то ли помогает с ремонтом, то ли мешает. Словом – участвует. Ему это нужно. Сегодня день рождения сына. Просила его раньше прийти. Но, видно, увлекся.

– Ты обиделась?

– Нет. Я рада! Рада, что у Лёшки всё хорошо. Что вернулся в гимназию. Пришел чистый, целый, без синяков и ссадин. Хотя, может, они просто под одеждой не видны, но сказал, что всё нормально. Самолет один утащил, назад не принёс. Уже хорошо. Вот, разговаривает там с кем-то. Я даже не видела, кто это. О, вернулся. Лёша! – крикнула Вероника куда-то мимо трубки. – Иди к телефону. Миранда звонит. Хочет тебя поздравить. А чего у тебя щёки красные. Температуры нет?

Миранда терпеливо и с улыбкой на лице слушала разговор Вероники с сыном.

– Всё нормально, мам, – отвечал матери Лёша. – Дай мне к трубке подойти.

– Вроде лоб не горячий, – слышался голос Вероники.

– Алло, – наконец-то обратился к Миранде Лёша.

– Привет, малой, – обрадовалась ему Миранда. – Поздравляю тебя. Ты стал на год старше, мудрее. Вчера у меня был ещё ребёнком, а сегодня уже подросток. С Днём рождения. Чего тебе пожелать? Ум у тебя есть, рассудительности не хватает. Вот, рассудительности тебе желаю. И не слушаться старших, но выслушивать их мнение, иногда прислушиваться к нему, а свою независимость отстаивать без потерь для нервной системы окружающих. Друзей тебе хороших. Дашку не обижай. И в гости приезжай почаще. Я всегда тебе рада. Ещё раз с Днём рождения!

– Спасибо. Наговорила столько всего. Подростком обозвала, – усмехался Лёша.

– Да, это я тебе напоминаю про необходимость быть более ответственным.

– Только не надо, чтобы и ты меня воспитывала.

– Ты чего? Я даже не пытаюсь. Просто по секрету посвящаю тебя в тайные знания.

– Какие еще тайные знания?

– Что взрослость – это не свобода делать всё, что заблагорассудится, а ответственность, способность самому за себя отвечать. Взрослеть грустно, на самом деле, Лёшка, – сокрушалась Миранда. – Я тебе по-хорошему завидую. Твоим двенадцати годам. У тебя еще несколько лет в запасе перед этой самой взрослостью. Наслаждайся!

– Договорились. Буду наслаждаться, – рассмеялся Лёша.

– Как твои дела в школе?

– Хорошо.

– Самолет отнес?

– Отнёс. Всем очень понравился. Эйнштейн наш, то есть Николай Степанович, сильно благодарил. Сказал, что ему там кучу всего нужно отремонтировать, подклеить, восстановить. Грозился привлечь меня к ремонтным работам. Сказал, что давно искал кого-то, кто ему с этим поможет. Я не ожидал, конечно, что теперь попаду к нему в крепостные, – с иронией в голосе рассказывал Лёша.

– Поздравляю! Это настоящий подарок! Будешь теперь вести с ним душевные научные беседы.

Лёша рассмеялся.

– А одноклассники как? – спросила Миранда.

– Удивились. Некоторые заинтересовались. Кто-то даже присвистнул. Митька Кузнецов тоже захотел авиамоделированием заняться. Все перемены не отходил от меня.

– Это он тебя поздравлять пришёл?

– Нет. Это девочки, – после некоторой паузы ответил Лёша, смущаясь.

– Девочки? – заинтересовалась Миранда.

– Да я сам не ожидал, – продолжал смущаться Лёша. – Пришли, конфеты принесли и номер журнала про путешественников.

– Много девочек пришло?

– Семь или восемь.

– Тогда понятно, почему ты их на торт не позвал. Остатков торта на всех не хватило бы, – сказала Миранда.

Лёша рассмеялся.

– Вот точно, – сказал он. – Если бы один Кузнецов пришёл, я бы его тортом угостил и самолеты свои показал, а с девчонками этими что делать? Одна морока с ними.

– Почему же морока?

– Да, наверняка, завуч наша поручила им взять надо мной шефство, как над новеньким, вот они и расстарались, – предположил Лёша.

– Почему завуч?

– Да она смотрела на меня сегодня так. Будто дырку хотела у меня на лбу сделать. А Николай Степанович наш до такого не додумался бы.

– Он у тебя больше не Эйнштейн? – усмехнулась Миранда.

– Уже нет, – подтвердил улыбающийся Лёша. – Он и внешне уже не так похож, и на скрипке играть не умеет, и самого Эйнштейна считает шарлатаном, но почему так, обещал рассказать потом. Уроки какие-то короткие. Он сегодня тему нам почти не объяснил. Мы больше об отличиях в строении крыльев в разных моделях самолётов говорили.

– Те мальчики, что к тебе раньше приставали, тебя уже не трогали?

– Один из них, Потапов, смотрел на меня долго и внимательно, будто решение какое-то принимал, но так и не принял. После занятий я с Николаем Степановичем, как ты и сказала,

пошёл в лаборантскую, чтобы оценить масштаб трагедии, как он сказал. И я оценил. У него там столько всего, что просто выбросить нужно, а он почему-то думает, что я смогу это починить.

– А ты не сможешь?

– Я попробую. Склеивать детали я умею, особенно очень мелкие. А что совсем поломано, за то браться не буду. Я ж не тульский Левша, – бубнил Лёша.

– Главное, что этот день в школе ты прожил без приключений. Поздравляю! – порадовалась за племянника Миранда.

– Почему без приключений? – возразил Лёша. – Я портфель порвал. За гвоздь зацепился. Когда забор перелазил.

– Какой еще забор?

– Да у нас в школе есть сад с фруктовыми деревьями. Но он огорожен забором. Вернее, со стороны школы там просто низкий штaketник, перешагнуть можно, но там сторож всё время гуляет, и всё на обозрении. А вот со стороны забора там есть одно место, которое плохо просматривается со двора, а яблоня там растёт большая и активно плодоносит. С улицы уже все яблоки оборваны.

– Тебе яблок захотелось?

– Я хотел проверить гипотезу. Можно ли там перелезть, незаметно вниз спрыгнуть, нарвать яблок, и с этой же скоростью перелезть обратно.

– И как, получилось?

– Почти. Зацепился портфелем за гвоздь. Рванул сильно. Порвал. И яблоки выпали. Только те два, что я в карманы брюк положил, остались. Я их по дороге домой съел. Про портфель пока маме ничего не говорил, но сказал, что на день рождения хочу новый. Она согласилась.

– Ты так смело рассказываешь. Мама тебя не слышит?

– Нет, они с Дашкой о чем-то разговаривают, смеются. Не обращают на меня внимания. Но ты же меня не выдашь?

– Не выдам, – пообещала Миранда.

– Вот и хорошо! А то мне очень хотелось рассказать кому-то, а Дашка бы сразу маме наобедничала. Или папе. Что еще хуже, – пожаловался Лёша.

– Но мне же тебе не нужно рассказывать, что воровать яблоки в чужих садах – это нехорошо? – спросила его Миранда.

– А какой он чужой? – возразил Лёша. – Я же в этой школе, то есть гимназии, учусь. Значит, сад и мой тоже. Старшеклассники, я видел, в нём яблоки собирали и на кухню отнесли. А у нас потом компот яблочный был. А просто так зайти на территорию сада и яблоко сорвать почему-то нельзя. Я вообще не воровал. Я гипотезу проверял. Мне просто нужен был стимул, чтобы преодолеть препятствие.

– Яблоки – хороший стимул для мальчика двенадцати лет, – рассуждала Миранда.

– Вот, ты меня понимаешь. К посторонним людям через забор я даже за моими любимыми сливами не полезу, не волнуйся.

– Точно?

– Уже точно. Сливы уже закончились, – рассмеялся Лёша.

– Ладно, именинник, иди торт доедай. И уроки делай. Звони, если новости будут про Эйнштейна вашего Николая Степановича или если просто соскучишься.

– Хорошо, позвоню.

Миранда попрощалась с Лёшей, положила трубку. Вошла в спальню, легла на кровать и ощутила внутри какую-то оглушающую пустоту.

Как давно она запретила себе перелезть через заборы, срывать яблоки познания с деревьев, проверять гипотезы, рискуя целостностью предметов обихода? Как давно мир сузился до рамок стен квартиры и печатной машинки. Ей всё казалось, что вселенная расширяется,

благодаря её романам, героям, живущим в совершенно разных странах, проживающим множество таких насыщенных жизней, но в то же время эта вселенная сузилась до пока еще чистого листа писчей бумаги, к которому Миранда прикована намертво и, кажется, уже навсегда. Сейчас весь её мир там. У кого-то торт на кухне, девочки на лестничной площадке, у кого-то ожидание новой пьесы и ссоры в плохо сложенном, вернее, плохо сложенном, как вещи в наспех собранном чемодане, коллективе. У всех события, жизнь, а у неё только чистый лист, который она сейчас заполнит печатными буквами – словами – событиями, поступками, разговорами. В каких-то других словесных вселенных создаст новые миры, тогда как в её собственном мире от мира почти ничего не осталось.

Миранда провалилась в какую-то яму пустоты, из которой вдруг показалось лицо Ветки.

– Так вот почему тебя зовут Веткой? – обратилась Миранда к девочке. – Чтобы вот в этот момент я не смогла эту жизненную ветку, или иначе – «жизнь Ветки» – вот так просто выбросить, оборвать, лишиться возможности прожить уже начатый путь. Хорошо, – вздохнула Миранда и выпала из пустоты. – Я подчиняюсь. Что там дальше? Рассказывай.

«Несколько дней Ветка Ганса не навещала. Потом пришла, подождала, когда Ганс останется в кузнице один, подошла к нему.

– Мне сказали, что ты вспомнил свою жену. Что скоро ты уедешь от нас. Вернёшься к своей семье. Это правда?

– Правда – то, что я вспомнил жену, – ответил Ганс.

– Ты хочешь вернуться домой?

– Очень.

– А как же мы? – Ветка смотрела на Ганса глазами щенка, который чувствует, что хозяин уходит и оставляет его одного навсегда.

– Ветка, девочка, разве я вам нужен? Я жил у Нормы, в её и без того тесном домишке. Я живу сейчас здесь в семье людей, которые только по доброте своего сердца дали мне кров, временный приют. Я ведь не могу жить у них вечно. Я вспомнил жену. Может, у меня есть и другие родные. Родители, братья, сестры. Возможно, у меня есть семья, которой я буду нужен, несмотря на то, что не могу ходить. У меня есть ребенок. Я думаю, что смогу сделать многое, чтобы не быть для своей семьи обузой. Олаф смастерил для меня этот трон, я научился со многим справляться сам. Я смогу работать и обеспечивать свою семью. Жить с родными.

– Ты же их не помнишь, – почти плакала Ветка.

– Не помню. Но надеюсь, что они есть. Ты так тяжело ухаживала за мной, а сейчас ты играешь с детьми. У тебя появилось детство. Это очень хорошо. Когда я уеду, ты будешь дальше жить свою трудную, но радостную жизнь здесь и скоро забудешь про меня.

– Как я забуду про тебя? – почти закричала Ветка. – Ты же научил меня смеяться! Ты был в бреду, я мыла твоё тело. Я впервые увидела голое мужское тело. Норма мне всё объяснила. Про вас, про мужчин. Когда я мыла тебя, я гладила твои сильные руки, плечи, волосы на груди, твой живот. Он у тебя такой твёрдый. У Свенда он мягкий, похож на мой, а у тебя твёрдый. От тебя шёл ужасный запах. Я думала, что ты умираешь. Но ты остался жить. И ты принес мне радость. Никто не хотел играть со мной. Раньше. Но потом я искала колеса для тебя и познакомилась со Свендом. Он хотел тебя увидеть. Он подружился со мной, чтобы увидеть тебя. Ты пришёл в кузницу. И теперь со мной дружит Тью. А Анезка угощает нас пирогами. Раньше никто в селении не угощал нас пирогами. Если ты уедешь, мы опять останемся одни! – не могла сдержат рыданий Ветка. – Никто опять не будет играть со мной. Никто не будет кормить меня вкусными пирогами!

Ганс смотрел на Ветку, открыв рот от удивления и беспомощности. Он не знал, что сказать и как утешить девочку.

– Иди ко мне, – протянул он к ней руку.

Она подошла, всё ещё сильно всхлипывая от рыданий. Ганс убрал приспособление, помогающее ему оставаться сухим в области паха. Посадил Ветку себе на руки и просто обнял её. Она обхватила его двумя руками за шею и расплакалась ещё сильнее. Ганс гладил её по голове и спине, повторял только: «Шишишии-ишиишии» и чувствовал, как её слёзы щекочут его шею.

Потом в кузницу пришла Анезка.

– Почему она плачет? – тихо спросила она Ганса.

– Она почему-то решила, что вы общаетесь с ней и Нормой только из-за меня, – ответил Ганс, продолжая гладить уже почти успокоившуюся Ветку. – Она боится, что, когда я уеду, с ними снова престанут общаться.

Анезка невольно прикрыла рот ладонью и с жалостью посмотрела на вздрагивающую спину девочки. Потом подошла к ней ближе, положила руку на голову Ветке, погладила её по волосам.

– Посмотри на меня, Веточка, – попросила Анезка.

Ветка сильнее прижалась к Гансу и снова затряслась плечами.

– Послушай меня, – продолжала гладить её по волосам Анезка, – ты зря волнуешься. Мы с тобой теперь друзья. И я, и Тью. Я не могу тебе обещать, что Тью женится на тебе, и вы будете жить в нашем доме. Вы еще дети. И когда вы вырастите, вы можете решить всё иначе. Но ты всегда можешь прийти ко мне. Сама или с Нормой. Мы неправильно раньше вели себя с вами. Но теперь всё иначе. И мы с Олафом, и все в нашем селении, почти все, теперь относятся к вам очень хорошо. И нам даже стыдно, что раньше кто-то из наших обижал вас.

Ветка оторвалась от плеча Ганса, с надеждой посмотрела на Анезку и спросила:

– Правда?

– За всех других людей я говорить не могу, но за себя говорю тебе точно. Разреши мне быть твоим другом?

– Разрешаю, – еще расстроенная, но уже обрадованная ответила Ветка.

– Идём со мной, – протянула ей руку Анезка. – Гансу надо работать, а мне перебирать крупы. Поможешь мне?

– Конечно! – обрадовалась Ветка и спрыгнула с колен Ганса.

– Я напекла лепёшек. Отнесешь несколько Норме?

– Конечно, – улыбалась Ветка. – А Гансу можно принести лепешку?

– И чашку молока, – предложила Анезка. – Ты заметила, что Ганс любит молоко?

– Так кто же его не любит? – удивилась Ветка.

– У меня есть кузен, который просто ненавидит молоко, – округлила глаза Анезка, сообщая об удивительной вещи.

Она сделала это так смешно, что Ганс усмехнулся. Ветка тоже стала улыбаться.

– Ганс, может, ты пообедаешь в доме? – спросила его Анезка.

– Нет, спасибо, Анезка, – ответил он. – Я буду рад чашке молока и лепешке. И лучше пообедаю здесь, как обычно.

– Я принесу тебе, – пообещала Ветка, и снова обняла Ганса, только теперь радостно, хоть и со слезами.

– Чего ты плачешь? – гладил её по спине Ганс.

– Они больше не будут звать нас проклятыми ведьмами, – горячо шептала Гансу в ухо Ветка. – Больше не будут. Не будут.

– Идём, Ветка, – ласково позвала её Анезка.

И они ушли в дом вместе. Ганс остался наедине со своими мыслями и ощутил, как из глаз его полились невольные слёзы. Он подумал о том, что ему пришлось сломать позвоночник, оказаться на улице и почти умереть, чтобы жители селения перестали считать двух несчастных и одиноких, но бесконечно добрых и заботливых эженицин, вернее, старуху и совсем

девочку, ведьмами. Какая большая, несоразмерная цена за то, чтобы открыть горстке людей глаза на правду, которую они просто не хотели видеть.»

Глава 8.

Миранда ругала себя в такие минуты. Была собой недовольна. Очень не любила, что окружающая её жизнь так беспардонно протискивалась в её тексты, но ей очень хотелось извиниться перед одним человеком, и она готовилась это сделать.

Когда они с Костиком переехали в эту квартиру жить, к ним сразу стали наведываться соседи, в основном, подруги умершей Костиковой бабушки, прежней хозяйки квартиры. Все хотели познакомиться с парой молодожёнов. И почему-то почти каждый приходящий упоминал «старую Римму», с которой лучше не водиться, обязательно здороваться, быть вежливыми, но самим не заговаривать и всячески обходить её стороной. Считалось, что у старушки «дурной глаз» и «чёрные мысли», к которым ещё прилагалась способность вредить окружающим. Почему-то все беды проживающих в пятиэтажном доме граждан обязательно связывали с тем, что пострадавший накануне встретился или, что ещё хуже, говорил со «старой Риммой», и после этого поплатился. Миранда, первый раз увидев старушку, даже попыталась мимикрировать под ствол дерева, у неё ничего не получилось. Рассказы эти не очень-то её напугали, она даже улыбалась наивности жильцов дома, но, встретив странного и отталкивающего вида престарелую женщину, невольно поёжилось. Было что-то во внешности «старой Риммы», что вызывало неприятие. Потом Миранда выяснила, что это кифоз, называемый в простонародье горбом, возникший у Риммы, когда та была ещё ребенком, после того, как она переболела рахитом. А потом к нему добавился еще и туберкулёзный спондилит. Родственники бедного ребенка любовью и лаской не баловали, дети окружали жестокие, поэтому изначально миловидные черты лица со временем застыли в гримасе настороженности и затаенного гнева. Жила Римма тяжело, пережила войну и послевоенный голод, работала в канцеляриях, помогала более успешным сестрам нянчить детей. Один из племянников женился на красавице девушке с таким же именем, как у тёти. Так и стали их звать: молодая и старая Римма. Родные к старушке приезжали не часто, больше она к ним уезжала то на месяц, а то и на два. Однажды уехала и не было видно её полгода. Все уже решили, что она умерла, и ждали, когда появятся наследники квартиры. Но появилась сама Римма с племянником в инвалидной коляске. Он пострадал на стройке, переломал руки, ноги и позвоночник. Жена, та самая красавица «молодая Римма», уехала к родителям в другой город и детей с собой забрала. Никто её не осуждал. В скукоженном подобии человека в инвалидном кресле с трудом можно было узнать некогда статного хоккеиста и весельчака Гришу. Комнату в общежитии, которую они занимали, пришлось освободить. Сестра «старой Риммы» к тому времени умерла, муж справиться с горем, обрушившимся на сына, не мог. «Старая Римма» забрала племянника к себе. На дворе тогда стояла ранняя весна. Всем соседям было очень интересно, как складывается жизнь в 38 квартире, и через несколько недель, когда на улице устоялась теплая погода, все очень удивились. Но больше всех дядя Вася, живущий в 37 квартире. Именно к нему постучалась «старая Римма» и попросила помочь выкатить Гришу на улицу – на прогулку. Он без обиняков помог преодолеть трудных семь ступеней. Она коротко поблагодарила, но предупредила, что ей понадобится помощь, чтобы по этим же ступеням поднять коляску. Все соседи только с интересом смотрели на них и не решались ни заговорить с ней, ни обсуждать между собою. Через несколько дней «старая Римма» снова постучалась к дяде Васе с той же просьбой. Потом еще раз и ещё раз. Мужчины, проживающие в подъезде, посоветовались и сколотили из досок съёмный пандус, который грузчик Илья называл рампой. Он то и подсказал конструкцию ramпы, которой пользовались у него на работе при погрузке и отгрузке строительных материалов.

Затем мужчины своими силами залатали выбоины в тротуарах и проезжей части вокруг дома, чтобы «старая Римма» могла не стоять на одном месте, а катить в инвалидной коляске

Гришу, гулять хотя бы вокруг дома. Гриша общался с мужчинами, а женщины потихоньку стали лучше узнавать Римму. И отношение к ней очень изменилось. Когда однажды Гриша напился с мужиками, то гнев старой женщины заставил всех жильцов вспомнить свои прежние опасения в отношении внушающей страх соседки. Распивать пиво с Гришей прекратили. Женщины в этом вопросе «старую Римму» очень поддержали, что сделало их ещё ближе.

Миранда успела пожить года два в одном доме со «старой Риммой» и пропитаться тем же предубеждением к ней, с которым жили остальные. И потом, и теперь ей за это было почему-то стыдно. Наверное, потому, что за те два года она успела насочинять внутри себя массу историй жизни злой старухи – одну другой страшнее. А она оказалась добрым, отзывчивым, трудолюбивым человеком с очень сильным характером, не терпящим жалости, но не рассчитывавшим на участие. Ей пришлось переломить себя, чтобы попросить о помощи. До конца бояться её не перестали, но уважать стойкость характера и доброту сердца научились.

И сейчас Миранда раздумывала, боялась предположить, станет Норма слепком из того, что сама Миранда знает о «старой Римме» или сумеет рассказать свою, совсем другую историю. Гриша не был похож на Ганса. В реальной жизни прототип героя героем не был. Миранда предполагала, что виной тому отсутствие дела в руках человека. Ганс смог остаться кузнецом, а Гриша хоккеистом остаться не мог. И весельчаком, каким был раньше, тоже.

Раздумывая обо всем этом, она и сама не заметила, как снова оказалась за печатной машинкой.

« – Анезка, – обратился Ганс к хозяйке дома, когда вернулся вечером из кузницы, нарочно сделав это раньше других. – Расскажи мне... Я хочу понять. О чём говорила Ветка? »

Анезка повернулась к Гансу, вытерла руки о фартук, перевела взгляд куда-то в пол, в дальний угол комнаты, вздохнула.

– Я не знаю, как и когда это началось. Я ведь не здесь родилась. Когда Олаф привёз меня в свой дом и познакомил с соседями, я долгое время ничего не знала о Норме. Её дом на окраине селения, она ходит в город с корзинами белья: относит постиранное и приносит грязное. У неё тяжёлый взгляд, страшные от постоянной стирки руки, седые спутавшиеся волосы, выглядывающие из-под сползающего с головы выцветшего, как и её старческие глаза, платка. Она ходит, согнувшись под тяжестью корзины, которую носит на спине. Такой я однажды и увидела её у колодца. Она показалась мне просто старой и очень уставшей женщиной. Я поздоровалась с ней, возможно, несколько растерянно, потому что видела её впервые, она ответила мне настороженным и недоверчивым взглядом. Сказала: «И ты будь здорова, коль не шутишь». Я попыталась улыбнуться ей, но, наверное, у меня не очень получилось. Посмотрев на меня, она хмыкнула и пошла дальше со своей тяжелой корзиной, неприятный запах из которой тянулся за ней шлейфом. Я рассказала Олафу об этой встрече. Он тут же разразился гневной отповедью в адрес Нормы, обозвал её старой никчемной старухой, гнойником на теле селения и просто ведьмой. Сказал, что когда-то она лечила животных, но однажды после её снадобий полег весь скот, и с тех пор селяне не могут простить её, винят в гибели скотины, проклинают и плюют ей в след. Запретил мне разговаривать с ней и даже здороваться. Когда появилась Ветка, все еще больше насторожились. Кто-то говорил, что видел, как старуха тащила на плече девочку, а пустую корзину волокла по земле. Ветка была лет трёх-четырёх, но не могла ходить и почти не говорила. Нашлись любопытные, которые нашли массу дел в том конце селения и частенько прохаживались мимо, интересуясь тем, что происходит во дворе старухи. Увидев старого Торстена, мясника, высокого, толстого, бородатого мужчину, маленькая Ветка стала кричать, как сумасшедшая, и тыкать пальчиком в сторону заглянувшего бородача, потом уползла в дом и выползла с кружкой воды, встала на ноги, держась за перила, и выплеснула воду в сторону Торстена. Тот только рассмеялся, чем напугал девочку еще больше. Она закричала громче прежнего, на её крик вышла Норма, но Торстен к этому времени успел уйти. По дороге домой он споткнулся, сломал ногу

и два года не мог ходить. Все решили, что это маленькая Ветка выплеснула заговоренную воду в его сторону, и тем самым довела здорового мужчину до перелома. Были и еще какие-то истории. Я всего не помню. Мы живем далеко. В город ездим другой дорогой. Мимо дома Нормы проходим или проезжаем очень редко. Вот так.

Ганс слушал Аnezку очень внимательно. После того, как она замолчала и пожала плечами, посмотрев на Ганса, он решил спросить:

– Что же изменилось?

– Появился ты, – ответила Аnezка, улыбувшись. – Тебя принесли солдаты. Ну, или какие-то люди в форме. Было видно, что ты избит и серьезно ранен. Несколько дней Норма не ходила в город. Послала вместо себя Ветку. Той пришлось бегать в город несколько раз, потому что она не могла нести заполненную белым корзину. А потом вместе с Нормой не показывалась из дома. Все в селении гадали, что же там творится в доме «старой ведьмы». Домыслов ходило много. Кто-то даже думал, что они тебя съели. Или ты умер, они расчленили тебя и похоронили по кускам в лесу, совершив какой-то свой страшный обряд. Но когда ты появился живой на крыльце дома Нормы, а потом снова и снова, кто-то предположил, что Норма, когда-то лечившая животных, просто смогла выходить маленькую Ветку, а теперь и тебя. Что она спасла уже две жизни. Что такой человек не мог навредить животным, которых она лечила. Просто в селение пришла болезнь, которая погубила весь скот, и даже снадобья Нормы уже не могли спасти животных. А тебя и девочку она спасла. И мы все ждали, что же будет дальше. Поэтому, когда вы пришли в кузницу, мы очень обрадовались, что станем первыми, кто узнает, что же произошло. Мы с Олафом, как почти все в нашем селении, почувствовали вину перед Нормой. И именно поэтому мы были так рады оказать тебе и ей помощь. Та история с погибшим скотом произошла, когда Олаф еще даже не родился. Он жил здесь всю жизнь с презрением и даже ненавистью к Норме, а она нигде не ушла и столько лет жила здесь, мирилась с ненавистью односельчан и спасала погибающих людей. Она ведь очень старая женщина, и она столько вынесла. Я очень рада, что её последние годы будут другими. Даже после того, как ты уедешь отсюда.

– Я мешаю вам, Аnezка?

– Нет, что ты! Мы очень рады, что можем что-то сделать для тебя. Но я понимаю, как важно быть со своей семьей.

– Спасибо, – сказал Ганс и положил ладонь на руку Аnezки.

В этот момент в дом вошёл Йенс, увидел это, с осуждением посмотрел на мать и со злостью – на Ганса.

– Я рассказывала Гансу про Норму, – поспешила выдернуть свою руку из-под ладони Ганса Аnezка.

Йенс прошел мимо. Было видно, что он ей не поверил. Потом в дом пришли Олаф и Тью. Все садились за стол ужинать. Йенс оставался хмурым и старался не смотреть ни на мать, ни на Ганса.

– Я рассказывала Гансу про Норму, – сказала Аnezка Олафу. – Про то, как в селении погиб весь скот, и её обвинили в этом. Как появилась Ветка и выплеснула воду в сторону Торстена, тот сломал ногу, и все посчитали девочку ведьмой...

– Да он всегда ходит, ногу за ногу цепляя, – махнул рукой Олаф. – Наш Йенс, когда был маленьким, тоже всегда плакал, когда Торстен к нему подходил, особенно если тот свой фартук снимать забывал, так и расхаживал весь в крови, детей пугал.

– Ничего я не плакал, – пробурчал Йенс.

– Плакал, да ещё как! – рассмеялся Олаф.

– Он маму за руку держал, – зло выкрикнул в лицо Олафа Йенс, кивнув в сторону Ганса, – а ты веселишься! Отберет у тебя жену – пойдешь вместо него к Норме-кошмарнице жить!

– А ну, придержи язык! – грозно навис над сыном Олаф. – Уважай свою мать. Сегодня ты ужинаать не будешь. Это тебе наказание за твой поганый язык. Иди наруби дров. Руби до тех пор, пока рубаха на тебе не станет мокрой. Пусть вместе с потом из тебя выйдет вся дурь. А мать тебе заварит отвар, крепкий и горький, чтобы горечь от твоих слов скрипела у тебя во рту столько, сколько нужно, чтобы ты пожалел о своих словах.

– Олаф, не надо, – осторожно взяла за предплечье мужа Анезка.

– Надо! – все ещё грозно сказал Олаф, глядя на старшего сына в упор.

Тот взгляда не отвёл.

– Я всегда уважал своих родителей, – сказал Олаф. – Я верил их словам. Они сказали, что Норма кошмарница-ведьма – я верил. У меня не было причин сомневаться. Белое приняли за черное, и человек под покровом этой черноты прожил в этом селении полвека, если не больше. Этот пример многому меня научил, сын. В первую очередь тому, что человек способен ошибаться. И судить другого слишком скоро не нужно – можно обмануться. Но и слишком наивным быть нельзя. Тью, выйди пока. Задай птицам корма.

Тью, всё это время перепуганно смотревший то на отца, то на мать, то на Йенса, то на Ганса и ничего не понимающий, очень не хотел уходить, но не повиноваться отцу не мог. Со всех ног выбежал из дома.

Когда дверь за ним закрылась, Олаф продолжил:

– Ганс, объясни мне и Йенсу, почему ты держал за руку мою жену.

– Я рассказывала ему про Норму... – поспешила всё объяснить Анезка.

– Сейчас я спрашиваю Ганса, – резко остановил её Олаф. – Ганс?

– Анезка, действительно, рассказывала мне про Норму, – усталым голосом начал Ганс. – И про то, почему вы приняли меня у себя. И я подумал, что вы хотите, чтобы я поскорее ушел. Подумал, что мешаю вам. Сказал об этом Анезке. Она попыталась успокоить меня. Говорила, что вы рады помочь. И еще она сказала, что понимает, насколько важно для человека быть со своей семьей. Я поблагодарил её. И положил свою руку ей на руку. Но я вижу, что тебе, Йенс, тяжело мириться с тем, что я живу у вас в доме. Я обещаю тебе, что как только вспомню, где мой дом, то тут же попрошу меня туда отвезти. И если там мне еще есть место, то ты меня больше не увидишь. Если только не захочешь сам снова встретиться со мною.

Йенс виновато посмотрел на мать, расплакался и выбежал из дома. Анезка поспешила за ним.

– Я не хотел, чтобы так получилось, – сказал Ганс.

– Ничего, мальчишке пора взрослеть, – похлопал Ганса по плечу Олаф. – Он всё еще хочет материнской ласки, хочет, чтобы я играл с ним в игры, как прежде, но ему пора становиться мужчиной. А ты, Ганс, жены моей больше не касайся. Я хоть и знаю, что ты дырявый кувшин, но руки свои не распускай. Не обижай меня.

– Прости, Олаф. Я совершил ошибку, – серьезно сказал Ганс.

– Мы все ошибаемся. Все не без греха. Но настоящий грешник тот, кто раз за разом повторяет свои ошибки. Не повторяйся! – в голосе Олафа слышалась угроза.

– Не буду, – пообещал Ганс и ощутил, как заныло у него за грудиной, как сильно он хочет вспомнить дом, семью, родных, как сильно хочет вернуться к себе домой, а не жить среди людей, к которым нельзя даже прикоснуться.

Гансу очень захотелось навестить Ветку и Норму, положить ладонь на обшарпанные и воспаленные руки Нормы, расцеловать их и благодарить, благодарить, благодарить. А потом посадить себе на колени Ветку и обнять её до хруста в костях, обнять и держать так до тех пор, пока память не вернёт ему всех его близких.»

Миранда допечатала последние слова и ощутила, что ей не хватает воздуха. Оперлась локтями на стол, ладонями закрыла лицо, почувствовала усталость.

Вынула лист, пронумеровала отпечатанное, сложила стопкой, перевернула. Прошла в прихожую, переобулась, вышла из квартиры, заперла дверь и спустилась вниз, вышла из подъезда.

На улице был поздний вечер. Ветер шевелил листву деревьев. Фонари освещали тротуары и проезжую часть. В беседке сидела молодежь. Кто-то играл на гитаре. Несколько человек курили. Миранда видела струйки дыма. Слышала смех и не очень красивый, но громкий голос поющего. Звучащей песни она не знала. Проходить мимо беседки ей не хотелось. Она направилась в противоположную сторону. И пошла просто гулять.

По пути ей встречались люди, выгуливающие собак. Несколько запозднившихся парочек. На автобусной остановке спал мужчина, поджав колени к груди. Миранда подошла к нему поближе, ощутила характерный запах перегара и спокойно пошла дальше. Недалеко было озеро. Но в темноте гулять вдоль озера Миранда не решилась бы, поэтому она пошла просто по тротуару, ориентируясь на горящие фонари. В голове нарисовала себе маршрут, опоясывающий несколько кварталов, и просто бродила, глубоко дышала, наслаждалась уже прохладным свежим воздухом, тишиной засыпающего города, красотой наступающей осени.

Гуляла около часа. Домой вернулась с ощущением легкости в голове и усталости в ногах. Словила себя на каком-то неприятном привкусе во рту, почистила зубы, ополоснула ноги, переоделась в ночное, расстелила постель, легла головой на одну подушку, а вторую прижала к себе, будто обнимая. Вспомнила, как последний раз засыпала в этой постели с Костиком, тоже вот так его обнимая со спины, заплакала, а потом незаметно для себя уснула.

Глава 9.

Проснулась Миранда на удивление легко. Потом ей понадобилось несколько минут, чтобы сообразить, какой сегодня день недели и какое число.

– Вчера была суббота, пятое сентября. Значит, сегодня воскресенье шестого, – произнесла Миранда вслух, а потом запела:

– «Что день грядущий мне готовит?.. Его мой взор напрасно ловит: В глубокой мгле таится он!*».

* Слова из арии Ленского из оперы П.И.Чайковского «Евгений Онегин»

Миранда откинула одеяло.

– И никто не сообщит тебе, что ты фальшивишь, – похвасталась она сама себе, пританцовывая и пытаясь попасть ногами в тапки. Потом резко остановилась и, глядя в окно, произнесла:

– А, может, помириться с Костиком? Уговорить его не разводиться? Будет и дальше уезжать на свои гастроли, а я здесь спокойно печатать. У родителей такой свободы уже не будет. А Костика можно и потерпеть. На время его присутствия дома делать себе перерывы в работе и добросовестно изображать жену. Но... Как сказала бы сейчас моя любимая Калымакина: «Не обманывай себя, Васнецова. Нет у тебя таких способностей!». И была бы права.

Миранда сходила в ванную комнату почистить зубы и умыться, затем на кухне заварила себе кофе, не спеша выпила его, глядя в окно и думая о том, какая прекрасная сейчас стоит на дворе осень: теплая, щедрая, мягкая, уютная очень.

Допив кофе и сполоснув чашку, Миранда прошла за стол, села за печатную машинку и перепечатала для Лены окончание пьесы. Потом позвонила подруге.

– Алле, – раздался в трубке детский голос.

– Здравствуйте. Игорёк, это ты? – спросила Миранда.

– Да, – ответил детский голос.

– А маму можешь позвать к телефону?

– Могу.

– Так позови. Скажи, что тётя Миранда звонит.

– Ма-ма! – чуть не оглушил своим писклявым голосом орущий в трубку Игорёк. – Тебя тётя Миранда плосит.

– Скажи, что я ногти накрашу и ей перезвоню, – издали донёсся голос Лены.

– Халасо, – снова заговорил Игорёк в трубку. – Мама ногти класит. Потом пелезванит.

– Спасибо. А как тебе школа, Игорёк? – спросила Миранда.

– Нолмально, – протянул мальчик.

– Учительница нравится?

– Нлавится.

– А сидишь ты с кем? Со Славиком?

– Нет, меня с девочкой посадили. И Славика с девочкой. У нас только тлём мальчикам девочек не хватило.

– А ты приглядываешь за Славиком? Помогаете ему в школе?

– Нет. Я с Алтулом подлужился. Мы вместе в масынки иглаем. Славика я свою масынку не даю. Он узэ пять моих масынок сломал, – жаловался Игорёк.

– Наверное, он нечаянно, – предположила Миранда.

– Он всем моим масынкам колёса отклутил. И всё остальное, сто мозно отклутить, отклутил. Он всё отклучивает и назад не пликлучивает.

– Кажется, ты на него здорово сердит за это, – продолжала вести серьезный разговор Миранда.

– Есё он в столовой луки об станы вытиляет. И компот в суп вылил. Вкусный компот. С абликосами.

– Это он зря, конечно. А мама там ногти еще не накрасила? – поинтересовалась Миранда.

– Узэ накласила, – ответил Игорёк. – Сидит сусыт.

– Скажи ей, что тётя Миранда дописала пьесу, – попросила Миранда.

– Мама, – снова закричал Игорёк своим высоким детским голосочком, – тётя Миланда дописала пьесу.

Послышался стук чего-то падающего. Миранда понадеялась, что это упал стул или табуретка. А потом в трубке запыхтел голос Лены:

– Алё! Алё!

– Привет, Калымакина, – усмехнулась Миранда. – Ты там красоту наводишь, а я пьесу твою дописала. Ты первую часть перепечатала уже?

– Нет ещё! – радостно пищала Лена. – А вторая часть лучше первой?

– Главное, что она есть, – парировала Миранда. – И я тебе второй экземпляр уже сама перепечатала. Так что пусть твои изящные пальчики с накрашенными ногтями вспомнят, каково это тесно общаться с печатной машинкой, быстренько перепечатают те листы, что я тебе дала, и приходи за остальным.

– Я не могу прийти. Я заперта в клетке с тиграми, – пожаловалась Лена.

– Фёдор Игнатьич куда-то уехал и оставил тебя дома с детьми?

– Да. У его друга какие-то проблемы. Нужно помочь. И Феденька уже с беспардонной рани взял удочки и уехал спасать друга. Обещал к вечеру вернуться. С уловом.

– Я и забыла, что он у тебя заядлый рыбак, – рассмеялась Миранда.

– Он это называет душевным общением с друзьями, – вздохнула Лена. – Славочка, отпусти собаку. Не рви ей пасть, – отвлеклась Лена на сына.

– Как тебе роль заботливой мамочки? – усмехнулась Миранда.

– Справляюсь, но оваций в финале уже не жду. Цветов тоже. Жду большой улов. Только непонятно, кто всей этой рыбой заниматься будет. В прошлый раз Феденька доверил мне почистить трёх щук. Я его неделю неистово ненавидела. Потом мне это в роли пригодилось. Но больше я в таких упражнениях не нуждаюсь. Но ты не отвлекайся. Что там пьеса? Ты всё исправила? Теперь там всё выстроено хорошо?

– Всё, что ты читала, осталось таким же. Текст ведь у тебя. Даже если бы я захотела, я бы править ничего не смогла. Продолжение и финал, какими получились, такими уж получились. И не надейся, что я стану что-то переделывать. Проявляй свои гениальные способности всё оправдать и обыграть. Главное – найди такого же сумасшедшего режиссёра, как и ты сама.

– Почему это я сумасшедшая? – возмутилась Лена.

– Потому что ты к романисту обратилась за пьесой, – пояснила Миранда. – Так только с ума сшедшие поступают. Или ума лишённые, – задумчиво рассуждала Миранда. – То есть, такие, как ты.

– Я поступила, как человек, упавший в бездну отчаяния! – включила драматизм в голосе Лена. – Мне нужна пьеса, которая позволит мне проявить все мои таланты. Которая покажет всем, что я личность, с которой стоит считаться. Что для меня даже именитые авторы пьесы пишут.

– Ну, здесь ты не того человека выбрала. До именитого автора мне еще далеко.

– Не кокетничай, Васнецова. В современной литературе есть такое имя – Миранда Васнецова? Есть. Значит и автор ты именитый. То есть со своим известным именем.

– Да меня только собаки у нас во дворе и в деревне у бабушки знают, а знакомые и те не все в курсе моих литературных успехов. Для меня вообще однажды стало открытием, что для некоторых писатель – это совершенно не профессия. И то, что ты книжки пишешь, так это ты только бумажкомарательством занимаешься. Даже стыдно стало людям признаваться, что

я автор нескольких книг. Но я у тебя о другом хотела спросить. Ты когда ребенка к логопеду отведёшь?

– Какого ребенка? – опешила Лена.

– Своего, старшего, – пояснила Миранда. – Он же у вас букву р не выговаривает.

– Разве? – искренне удивилась Лена.

– А ты что, не слышишь? – в свою очередь удивилась Миранда.

– Ну, что-то такое возможно я и замечала, но не придавала этому внимания. Научится сам. Зачем ребенка по врачам тягать?

– И ж/ш заменяет на з/с.

– Какая ты внимательная, – язвительно прокомментировала Лена. – Ты ко всем детям такая внимательная или только к моим?

– Да не обижайся ты, – сказала в ответ ей Миранда. – Ты же знаешь, у нас в филармонии есть солистка – Пашковская. Очень милая девушка.

Лена фыркнула.

– Поёт чудесно, – продолжала Миранда. – Голос у неё замечательный. Такой тембр приятный. Но картавит страшно. И все серьезные партии в её исполнении превращаются в цирк какой-то. Я всё время, когда её слушаю, думаю, ну чего её родителям стоило сводить её к логопеду вовремя, а? Игорёк такой чудесный мальчик. Меня саму, помню, мама в поликлинику к логопеду водила. Я половину букв не выговаривала. Врач, приятного вида еще молодой еврейчик, поставил мне один из шипящих, а остальные следом чуть ли не сами на места стали. И этот злосчастный «р» он мне очень быстро поставил. Еще хвалил мою маму, что вовремя привела, тянуть не стала. Говорил, что чем раньше, тем легче это сделать. А если припоздниться, то и ребенку самому сложнее, и логопеду с ним. Вон сколько у вас в театре шепелявых.

– Так у нас народный театр. Мы академий не заканчивали. Нам никто до тебя про чистоту речи не говорил. Это же ты как придешь, так ко всем придираешься начинаешь, – говорила Лена, а на заднем плане слышалось, как жалобно скулит собака.

– А это, знаешь, наверное, со всеми именитыми так происходит, – веселясь, предположила Миранда. – Набирают вес в своей сфере, наглеют и придумывают себе, будто их мнение что-то для других значит, что к нему прислушаться не помешает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.